

438 07 437
ИЗЪ УКРАИНЫ.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ II:

ПОВѢСТИ И ОЧЕРКИ.

1. Дѣдушкинъ домикъ.—2. Село Сорокопановка.—3. Пенсильванцы и Каролинцы.—4. Екатерина Великая на Днѣпръ.—5. Пасѣчники.—6. Вечеръ въ Черешняхъ.—7. Мелкопомѣстные сосѣдки.—8. Письма объ украинской охотѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Торговаго Дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К^о.

1860.

СВЯТЫЙ ПОВЕЛЕНІИ

Т. П. ДАВЫДОВСКОГО.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи предтавлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 2 Декабря 1859 года.

Ценсоръ *Обертъ*.

2007052578

I.

ДѢДУШКИНЪ ДОМИКЪ.

— «Любовь, какъ молодость, не повторяется.»

(Изъ одной старой и забытой книги).

Тѣплинскій лѣсъ выходитъ на большую изюмскую чумацкую дорогу. Въ старину, по случаю частыхъ разбоевъ, о немъ говорили: «Кто минуетъ Голую-долину, да высокую могилу, да Тѣплинскій лѣсъ, то не возьметъ того бѣсъ!» Времена стали другія. Лѣсъ состарѣлся и измельчалъ. Но одна половина его, именуемая Черточѣшенскимъ уступомъ, попрежнему пугаетъ праздное воображеніе людей. Дремучая дебрь уступа полна таинственности и мрачныхъ красокъ. Впрочемъ, слово дремучая да не введетъ никого въ ошибку; дремучаго здѣсь собственно очень мало, потому-что эта дебрь простирается не далѣе какихъ-нибудь двухъ или трехъ верстъ и дремлетъ въ ней развѣ одному усталому отъ зноя лѣсническому, да старику дровосѣку. Нѣтъ въ Тѣплинскомъ

лѣсу ни рысей, ни песцовъ, ни росомахъ, ни горностаевъ; нѣтъ ни барсуковъ, ни соболей, ни ланей, ни бобровъ, ни медвѣдей. За то прыгають въ его чащѣ приземистыя, краснобурья лисицы; всѣ дубки и орѣшники его усѣяны бѣлками; а волки въ немъ, все равно, какъ дома; никто имъ, уже болѣе пятнадцати лѣтъ, не мѣшаетъ тутъ плодиться, дѣлать набѣги на сосѣднія слободки и хватать изъ сосѣднихъ слободокъ лучшихъ поросятъ и барашковъ. Одинъ только разъ досталось въ ближнемъ селѣ, Панковкѣ, какому-то косолапому сѣрку; за то же онъ и надѣлалъ дѣлъ! Пробрался въ околицу, да не только пробрался, а отыскалъ еще хату самаго атамана, вошелъ въ сѣни, изъ сѣней въ двери, залѣзъ на печку и съѣлъ тамъ три окорока, откопченныхъ къ петровскимъ-розговѣнамъ. Теплинскій лѣсъ перерѣзанъ многими озерами, изъ которыхъ Лебяжье, Плоское и Кривое считаются лучшими, потому-что нигдѣ нѣтъ такого множества дичи, какъ тамъ. Въ *Черточешенскомъ уступѣ*, о которомъ пойдетъ главная рѣчь, находится небольшое безымянное подвижное озеро, просачиваясь изъ безымяннаго же болота и теряясь тутъ же между гростниками.

На низменной просекѣ Черточешенскаго уступа, на гребнѣ зеленаго косогора, надъ озеромъ и болотомъ, стоитъ дѣдушкинъ домикъ. Онъ стоитъ тутъ уже съ давнихъ поръ...

Видъ съ косогора на воду, по которой едва пробѣжитъ вѣтеръ, стелется лилово-сизый отливъ, и на сочную зелень болота, въ рамѣ тростниковъ и густолистныхъ кустарниковъ, хорошъ, особенно лѣтомъ! Какая странная и причудливая растительность! Какъ перевиты эти сучковатые деревья дикимъ хмѣлемъ! По окраинамъ озера стелются ползучія травы, называемыя бабьимъ неводомъ. А какъ настанетъ весною прилетъ птицъ, и запоетъ, застонетъ кудрявый лѣсъ! По влажному, остывшему илу скользятъ и бѣгаютъ пестрыя курочки, и сѣрая поверхность грязи усѣбается крестиками пурпурныхъ ножекъ, какъ старинная рукопись словами! Каждый кустъ, каждая вѣтка одѣты своею благоуханною атмосферою. А носатый дятель, точно клокъ красного сукна, перебрасывается съ дерева на дерево; кулички бѣгаютъ и тихо вытаскиваютъ изъ влажной земли сладкіе корешки, бѣлыя поросли камыша и прошлогоднихъ букашекъ, или же, беззаботно набѣгавшись, стоятъ себѣ на одной ножкѣ, зажмуривъ сѣрые глаза по сторонамъ поднятаго носика, и дремлютъ подъ полусонное жужжаніе кузнечиковъ и мошекъ. Медленно качаются тутъ широкіе, сквозящіе лопухи и махровыя ленты хмѣля, и проносятся, какъ бродячія пѣвчія струны, рогатыя жукалки и трепетныя сумеречныя бабочки. Но вотъ, заливаются голубымъ и краснымъ потокомъ цвѣтушіе луга. Трещить и сохнетъ, отнесенный весеннею

водою, хворостъ. Въ камышахъ пробираются облинялыя, безкрылыя утки. Гнѣзда свиты; начинается безконечная, громкая, роскошная лѣсная свадьба! Вотъ она идетъ; слышите-ли?... На тихой утренней зарѣ, когда по темнымъ деревьямъ только-что мелькнули желто-пурпурныя пятна и туманъ свился и плыветъ надъ болотомъ, — въ недосыгаемой вышинѣ берутъ верхъ и идутъ какіе-то чудные звуки; точно торжественный благовѣстъ раздается подъ небесами и падаетъ на землю. И вотъ, все слышиѣе, все ближе и ближе! Несутся воздушныя полки воздушныхъ армій... На лѣсъ проливается цѣлое море звуковъ. Черканіе болотныхъ коростелей, сонное курруканье горлинокъ, звонъ очеретянокъ, какъ теньканье крохотныхъ стеклянныхъ колокольчиковъ, рѣзкое чоканье дроздовъ и дребезжащій быстрый смѣхъ пустынной кукушки, какъ ауканье спрятаннаго въ кустахъ лѣшаго, долетающій откуда-то чуть слышный бой перепела и печальныя перезваниванья иволги, — сколько странныхъ, сколько причудливыхъ голосовъ и звуковъ! Но и въ тихое осеннее время, когда матери перестали уже печально скликать разбѣжавшихся и разлетѣвшихся дѣтей, когда въ травѣ не шныряютъ уморительныя куличата, и гусыня не переноситъ уже съ плеса на плесо за шейку крохотныхъ гусенковъ; когда бѣлоствольная береза ярко отдѣляется и сверкаетъ на матовомъ багрянцѣ вязовъ и сквозящаго, лапчататаго клена; когда наконецъ

голубое сукно васильковъ уже не застилаетъ луговъ—и въ тихое, осеннее время, Тёплинскій лѣсъ имѣетъ много торжественно-таинственнаго. Заяцъ, какъ тѣнь, скользитъ въ сумерки по темной, ползучей травѣ; неутомный дятель долбитъ и вѣтятся, вокругъ дупла столѣтняго, увѣшаннаго вороньими гнѣздами береста; и звучно падаетъ въ пустынной тиши изсохшій листъ, считая обнаженные сучки и вѣтви, и звучно уносится умирающая до новой весны пѣвучая лѣсная жизнь!...

Дѣдушка былъ не-промахъ, когда построилъ свой домикъ на такомъ выгодномъ мѣстѣ. Домикъ представляетъ любопытное зрѣлище. Онъ старъ и покачнулся на бокъ. Соломенная крыша его завихрилась и поднялась отъ вѣтра, какъ щетина у ежа. Бревна его исчерчены іероглифами червей, а крыльцо, какъ остовъ павшаго въ степи коня, проросло крапивою. Небольшой ребенокъ взойдетъ на него только при помощи опрокинутаго ведра или колоды, на которой дѣдушка куетъ проволочные крючки для своихъ удочекъ. За то, въ теплую погоду, отъ весны до весны, окна домика раскрыты настежь, и свободно влетаютъ въ нихъ мошки и сумеречныя бабочки, лепестки цвѣтущихъ яблонь и молодыя ласточки. Когда подобное обстоятельство случается, родители крохотныхъ птичекъ долго летаютъ и чирикаютъ въ вѣтвяхъ сосѣднихъ деревьевъ, предполагая, что это дѣдушка, хищнымъ набѣгомъ на ихъ владѣнія, похитилъ

маленькихъ птичекъ. А дѣдушка ходитъ себѣ въ мерлушковомъ халатѣ и знать ничего не хочетъ. Зеленый картузь, съ гигантскимъ овално-продолговатымъ козырькомъ, весьма напоминающимъ утиный носъ, покоится на его головѣ. Ходитъ себѣ дѣдушка, заглядывая подъ кусты и деревья и подпиливая засохшіе сучки. Весело посматриваетъ онъ съ зеленаго косогора... А тишина въ старомъ домикѣ невозмутимая! Дѣдушка однажды сознался, что въ какое-то особенно бурное лѣто, птичка, именуемая овсянкою, залетѣла въ окно его спальни, на глазахъ его свила въ углу, въ развѣшанныхъ моткахъ пряжи, гнѣздышко, выкормила дѣтей и съ новорожденною семьею снова улетѣла изъ спальни. Какъ не послѣдній мечтатель, дѣдушка далъ этому событію такое значеніе: «Прійдетъ время, и вотъ онъ самъ явится въ домикъ, съ маленькою, своею собственною птичкою!» Впрочемъ, это было еще давно-давно, въ годы прошедшей юности. — Черточенскій уступъ видѣлъ дѣдушку и ребенкомъ, у котораго щеки походили на спѣлыя яблоки, а голова на репейникъ; и школяромъ, улетѣвшимъ изъ сосѣдняго городка на каникулы, съ новоизобрѣтенными хлопучками и незатянувшимся синякомъ, подъ глазомъ; и офицеромъ, въ мундирѣ, съ желтымъ воротникомъ, на который заглядывались сосѣднія хуторянки, владѣтельница пары черныхъ бровей, звонкаго дѣвическаго смѣха и нѣсколькихъ десятинъ зеленыхъ, грун-

товыхъ садиковъ; не видѣлъ только родимый лѣсъ дѣдушки счастливымъ!

Но что же это за дѣдушка? Каково его начало и происхожденіе?—Исторія дудушки есть исторія его домика, и потому расскажем обстоятельно послѣднюю.

И во первыхъ *исторія древняя.*

Съ давнихъ давень и старинной старины, область Теплинскаго лѣса принадлежала предкамъ дѣдушки. Зажиточные предки, считавшіе свои земли не клочками болотъ и озеръ, а десятками тысячъ десятинъ нетронутой плугомъ, пустынной нови, по которой рыскала татарва, жили въ высококомъ, просторномъ домѣ, срубленномъ изъ столѣтнихъ дубовъ. Двойной частоколь окружалъ домъ; на столбѣ, среди двора, качался сторожевой колоколь и звучалъ цѣпью привязанный къ столбу медвѣжонокъ. Старые дѣды жили весело, родились и умирали, не выѣзжая далѣе сосѣдняго городка. Въ темныя, осеннія ночи, когда волки выли за озеромъ, подъ проливнымъ дождемъ, у воротъ, останавливался путникъ, колоколь звучалъ надъ озеромъ и селомъ, съ низенькою церковью, раскинутымъ у подошвы холма, и рычалъ на цѣпи косматый, сторожевой медвѣжонокъ. Столѣтній, слѣпой садовникъ, отыскивая дорогу палкою, съ фонаремъ, вводилъ путника въ просторный домъ. Тутъ было тепло и отрадно, среди развѣшанной и разставленной утвари! Хозяинъ, съ кубкомъ вина на серебряномъ блюдѣ, встрѣчалъ гостя, а въ вы-

сокую, рѣзную дверь, входила стройная панночка, въ парчевомъ платьѣ и съ корабликомъ на головѣ, панночка, у которой станъ не перетягивался рюмочкой и густыя брови были, какъ на шнурочкѣ! Гость съ хозяиномъ заводилъ рѣчи объ иностранныхъ земляхъ и народахъ, о далекихъ штурмахъ и бояхъ. Говорилъ гость, и долго, по его отъѣздѣ, чудились панночкѣ и ея сѣдоусому отцу битвы и пожары, пышныя убранства и громы музыки, турниры и чужеземныя красавицы, и сладкая рѣчь гостя, котораго наконецъ догоняла, вдали отъ нихъ, въ чужомъ краю, вражья пуля.—Тихо старѣлся и разрушался величественный, дубовый замокъ предковъ. Иногда, во время домашнихъ праздниковъ и пировъ, при громогласныхъ ура и выстрѣлахъ пушекъ, стоявшихъ у воротъ частокола, не малое количество штукатурки падало съ потолка на подносы, уставленные кубками, и стѣны дома многозначительно покрякивали на шумные заздравные тосты.

Когда дѣдушка принялъ наслѣдство и вышелъ въ отставку, родовое село его, за разныя забавы и увеселенія предковъ, неожиданно продали и перевели куда-то за рѣку. Не спасли дѣдушку ни желтый офицерскій воротникъ, ни дипломъ шляхетнаго корпуса, гдѣ онъ кончилъ свое воспитаніе. Дѣдушка скинулъ сюртукъ, сказалъ: «Ну что же? не взяла!» подумалъ, подумалъ и сломалъ свой старый большой домъ. Въ видахъ улучшенія печальныхъ обстоятельствъ, на первый разъ, изъ обломковъ дома,

былъ выстроенъ овчарный загонъ, при чемъ самъ владѣлецъ поселился подъ косогоромъ, въ орѣшникѣ, въ куренѣ старой пасѣвки. Вслѣдствіе этого, всякъ, кто проѣзжалъ по лѣсу торною, обозною дорогою, не мало изумлялся, при видѣ обширнаго овчяго загона, съ рѣзными окнами и игольчатыми фронтонами, на углахъ уцѣлѣвшей крыши! Но, въ одну безенѣжную зиму, пали все овцы дѣдушки и планы на улучшеніе печальныхъ обстоятельствъ рушились. Дѣдушка скинулъ и щегольской хуторянской бешметъ, синій съ выпушками, надѣлъ мерлушковый халатъ и изъ овчарнаго загона выстроилъ маленькій домикъ. Онъ выстроилъ его вновь на пепелищѣ стараго дома, у подножія высокаго, развѣсистаго дуба, какъ подъ сѣнію мирнаго священнаго преданія. Этотъ дубъ выросъ изъ жолудя, посаженнаго передъ крыльцомъ стараго большаго дома, въ тотъ самый достопамятный день, какъ дѣдушка дѣдушки впервые ввелъ въ него свою молодую, стройную жену и, по тогдашней польской модѣ, торжественно поцѣловалъ ее передъ толпою собравшейся челяди. Жолудь, черезъ много лѣтъ, превратился въ громадный, зеленый дубъ, который на тридцать шаговъ протянулъ кругомъ свои тяжелыя, плодоносныя вѣтви, и подъ этими вѣтвями, какъ былинка у подножія одряхлѣвшаго, павшаго дерева, выросъ скромный преемникъ пространныхъ дѣдовскихъ палатъ, низенькій домикъ, съ двумя окошечками на озеро....

Въ древней исторіи домика есть еще одинъ довольно замѣчательный эпизодъ: именно, происхожденіе воздушнаго моста къ домику, у подножія холма....

Воздушный мостъ произошелъ такъ. Устроивши свое гнѣздо, дѣдушка пустился мечтать о присоединеніи новаго лица къ своему уголку, которое бы согрѣло и освѣтило его жизнь, задумалъ жениться.—Вслѣдствіе этого, онъ частенько сталъ переѣзжать узкую плотину, отдѣлявшую часть озера и болота отъ холма, и появляться въ тихихъ домикахъ сосѣднихъ хуторянъ. Сосѣдніе хуторяне также не-рѣдко стали завертывать къ обладателю Черточешенскаго уступа. Какъ вдругъ, въ одну дождливую весну, потоки съ ближнихъ мѣловыхъ пригорковъ хлынули на болото и перерѣзали, глубокою водомоиною, плотину подъ холмомъ. Дѣдушка очутился въ засадѣ, отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра! Однако же онъ не потерялся и задумалъ выстроить черезъ водомоину мостъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ единственному слугѣ и плотнику рубить по сосѣдству удобныя деревья. Удобнѣйшимъ оказался на первый случай вязъ, росшій у самой водомоины, и плотникъ началъ съ него. Переправился черезъ оврагъ, привязалъ къ вершинѣ дерева веревку, къ веревкѣ коня, и сталъ рубить дерево. Вязъ затрепалъ, рухнулъ, но вмѣсто того, чтобы упасть на сторону, гдѣ стоялъ плотникъ, упалъ на другой край провалья и своею страшною силою перекинулъ черезъ провалье лоша-

денку. Дѣдушка въ это время сидѣлъ у озера, въ орѣшникѣ, калируя какую-то дикую щепу. Когда конь перелетѣлъ черезъ оврагъ, онъ медленно поправилъ на головѣ картузь, съ утинымъ козырькомъ, и замѣтилъ: «Какой это бѣсовъ сынъ тамъ лошадыми кидается?» А растерянный плотникъ, стоя на другой сторонѣ провалья, ударилъ объ полы руками и замѣтилъ: «Чтобъ было и воловъ привязать!»—Это событіе далеко обошло словоохотливый околодокъ. Вязъ сдѣлался съ той поры мостомъ, черезъ который весною, когда вода съ шумомъ бѣжитъ по дну оврага, посѣтители переходятъ безопасно придерживаясь за суковатыя вѣтви, а дѣдушка, котораго посѣщать стало такъ же легко, какъ братъ приступомъ крѣпости, получилъ прозвище черточешенскаго кулика, и это прозвище, при помощи дѣдушкина козырька и халата, на всегда за нимъ осталось....

Теперь *средняя исторія* дѣдушкина домика.

Средняя исторія дѣдушкина домика обнимаетъ только одно важное событіе: именно, смерть той особы, которая долженствовала сдѣлаться его подругою, долженствовала согрѣть и освѣтить его жизнь.

Это трогательное событіе излагается въ туземныхъ преданіяхъ съ малѣйшими подробностями. Дѣдушка повсватался за дочку сосѣда, табуны наслѣдниковъ котораго до сихъ поръ расхаживаютъ по окрестной степи. Гордый предстоящимъ счастіемъ и родствомъ, за нѣсколько

дней до свадьбы, по старинному обычаю, поѣхалъ дѣдушка съ своею невѣстою, на богомолье, въ сосѣдную златоверхую пустынь. Дорогою неописанное горе посѣтило его! Простудившись, невѣста его заболѣла и умерла.... Дѣдушка похоронилъ ее и вернулся домой одинъ, безъ своей молодой невѣсты, а только съ маленькою мѣстною иконою изъ монастыря. Толпа сосѣдей и родныхъ весело поджидала его возвращенія. Выйдя изъ брички, дѣдушка подошелъ къ будущему своему тестю, который, съ пѣнковою трубкою, стоялъ впереди всѣхъ, и, подавая ему икону, сказалъ: «вотъ теперь моя невѣста», сказалъ и тихо пошелъ въ домикъ. И когда онъ опять вошелъ туда, когда старыя стѣны опять увидѣли его холостякомъ и сиротою, когда вспомнилъ дѣдушка овсянку, голосъ его задрожалъ, точно оборванная струна, и онъ замѣтилъ: «Ну что же? опять не взяла!» сказалъ и сталъ довольно храбро утѣшать родныхъ. Безъ гостей, однако же, онъ слегъ въ постель, раздались его глухія рыданія, и никогда уже, съ той поры, онъ не могъ найти прежней беззаботной мечты о счастіи и о супружествѣ. Дѣдушка сдержалъ слово и навѣки остался холостякомъ. Никогда болѣе не заводилъ онъ рѣчи о прошломъ, и одно только обстоятельство напоминало знающаго его о невозвратной потерѣ. На погостѣ хутора, гдѣ опущена въ землю дорогая особа, дѣдушка взялъ на память нѣсколько отростковъ яблонь и посадилъ ихъ возлѣ своего до-

мика. Яблони поднялись и разрослись, и скоро верхушками своими стали заслонять отъ глазъ дѣдушкинъ домикъ, такъ, что теперь его уже и не примѣтишь изъ за ихъ зелено-листой стѣны! На чугунномъ же памятникѣ кладбища, дѣдушка изобразилъ слѣдующую многозначительную надпись: «*Покойся, моя бѣдная!*» и внизу: *Боже, не отринь ее отъ лица твоего!*»—Тихо тосковалъ съ тѣхъ поръ дѣдушка. Бывало, чуть вечеръ, онъ уже сходитъ къ озеру, садится на берегу, на обломокъ жёрнова, и закидываетъ въ озеро удочку. Онъ сидитъ и смотритъ въ свѣтлую воду. Смотритъ и дожидается, когда колыхнется поплавокъ. Вода недвижна, и небо, какъ раскаленная по краямъ яхонтовая чаша, опрокинулось надъ лѣсомъ. Что же это, рыба такъ лѣниво ловится? Что же это она не играетъ и не плещется? Но вотъ, стекло воды дрогнуло! Туманъ разстилается, и тѣни бѣгутъ и уходятъ на темное дно!... Дѣдушка смотритъ, дѣдушкинъ образъ, какъ въ живомъ зеркалѣ, измѣняется, янѣетъ.... Темные волосы змѣются вокругъ лица, молодые глаза блещутъ жизнью и смуглый румянецъ сгоняетъ суровыя морщины.... Дѣдушка уже не въ мерлушковомъ халатѣ, а въ военномъ сюртукѣ, молодецъ молодцомъ и красавецъ красавцемъ. А вотъ и еще какое то лицо вышло и колыхнется, и блещетъ перебѣгающею тѣнью.... Что жъ съ тобою, добрый дѣдушка? Слезы текутъ и застилаютъ глаза твои, одинокое сердце сжи-

мается тоской; ты вспомнилъ свѣтлое, старое время! О, добрый дѣдушка! Не вернуть тебѣ свѣтлаго, стараго времени, не вернуть тебѣ улетѣвшей молодости, не воскресить сокровенной страстишки твоего сердца! Спать твою красавица въ могилѣ, спать въ бѣломъ платѣ и въ полевыхъ цвѣтахъ, и пустынный вѣтеръ гуляетъ надъ ея могилою! Задумался дѣдушка и не видитъ, что рыбка давно уже дергаетъ поплавокъ, волна расходится кругами и удочка скользитъ изъ ослабѣвшихъ рукъ! — «Что это съ вами, баринъ?» спрашиваетъ старика работникъ, тотъ самый, который построилъ воздушный мостъ. — «Э, врагъ бы забралъ ту канальскую рыбу!» отвѣчаетъ суровымъ голосомъ старикъ, пряча взволнованное лицо свое: «всѣ удочки оборвала канальская рыба, а толку — ни на лысаго дѣда!»

Теперь, читатель, *новѣйшая исторія* дѣдушкина домика...

Но, что сказать объ этой новѣйшей исторіи? Что сказать объ ней? — Сказать-ли, какъ дѣдушка ежедневно встаетъ, выходитъ на ветхое, поросшее крапивою крыльцо, и любитъ видомъ владѣнія, которое все, какъ на ладони, открывается съ холма? Сказать-ли о томъ, какъ дѣдушка любитъ свое зелено-водное болото и сладко вѣрится въ его постоянство и красоту? Не говорите старику о другихъ мѣстахъ и событіяхъ; не говорите ему о счастіи свѣта, за чертою его лѣснаго уголка! Не указывайте ему синѣющей полосы большой проѣзжей дороги,

какъ горизонтъ иной жизни и инаго міра, видной съ вершины косогора, дороги, по которой несется пыль бѣгущихъ и пропадающихъ вдали экипажей, летятъ и затихаютъ звуки колокольчиковъ, и уносятся чуть слышныя пѣсни идущихъ съ поля хуторянъ, беззаботныя, веселыя и радостныя. Дѣдушка махнетъ рукою и горько усмѣхнется! Не нужно ему вашихъ дорогъ и экипажей, не нужно ему вашихъ колокольчиковъ и пѣсенъ! Есть у него другаго рода пѣсни, есть у него свой неумолкаемый, причудливый оркестръ! Что за пѣсни, что за звуки!...

Чуть заря и день переклонился къ закату, зеленое болото уже заводитъ строй своихъ разнообразныхъ инструментовъ! Въ высокомъ тростникѣ, то тамъ, то сямъ, начинаютъ позвякивать отдѣльные голоса, въ разладъ, какъ смычки несмѣлыхъ еще школьниковъ. Имъ, робко и также въ разладъ, вторятъ колокольчики травниковъ и рога далекой утиной стаи, гдѣ-то пролетающей на ранній ночлегъ. Но вотъ, пронеслось черканье коростеля, филинъ огласилъ холмы и перелѣски, кваканье миллионовъ лягушекъ встало и поднялось въ болотѣ, и окрестность потонула въ морѣ вечерней музыки, до поры, когда ясная пѣсня одинокаго соловья-ночника раздастся, смѣнитъ все и воцарится до разсвѣта.

Среди неумолкаемой музыки птицъ и лягушекъ, въ виду зеленаго болота, дѣдушка создалъ еще особый міръ друзей. У него, подъ стаямъ болоту, былъ, напримѣръ, не-

давно фаворитъ — пѣтухъ.... Иногда, рано по утру, дѣдушка, бывало, выйдетъ на крыльцо, переклонится черезъ заборъ садика, противъ солнца, которое начинаетъ тихо вырѣзываться изъ-за лѣса, протягивая лучи къ бѣлой, махровой маковинѣ и осыпая ее пурпурными брызгами, а пѣтухъ то и дѣло кричитъ съ холма на озеро! Онъ кричитъ и прислушивается, кричитъ до того, что наконецъ охрипнетъ и произведетъ такой странный звукъ, что самъ отшатнется въ сторону и долго высматриваетъ, наставивъ голову такъ, что одинъ глазъ его смотритъ въ землю, а другой на крышу домика, — кто это такъ странно крикнулъ? — Дѣдушка на это тоже, бывало, слушаетъ, слушаетъ и пойдетъ въ комнаты, трясая головою и повторяя: «Эка, бѣсъ птица, какъ кричитъ! Совѣмъ, какъ будто и не птица и точно кричитъ что-нибудь другое!» — Этотъ пѣтухъ жилъ очень долго и пропалъ неожиданно безъ вѣсти; всѣ старанія въ поискахъ его остались безъ успѣха. У дѣдушки было появился тоже еще другой слуга, кромѣ упомянутаго выше плотника, какой-то бѣлокурый, хорошенькій мальчикъ изъ сосѣдняго села, который пришелъ однажды зимою и нанялся на годъ. Должность его состояла въ хожденіи за коровою и въ топкѣ печей. Но мальчикъ ужился не долго. Одна комната дѣдушки была съ низу до верху увѣшана портретами предковъ. Раскрашенные портреты предковъ стали тревожить маленькаго истопника! Едва разложитъ онъ огонь и ся-

детъ у печки, едва подниметь голову—три ряда фамильных портретовъ, три ряда темныхъ лицъ уже и смотрятъ на него во все глаза... Въ первый разъ, отъ непреодолимаго ужаса, истопникъ убѣжалъ и не появлялся цѣлыхъ два дня; но потомъ догадался и раскаленною кочергою выжегъ глаза всеѣмъ тетенькамъ, дяденькамъ, бабушкамъ и дѣдушкамъ дѣдушки! Нечего говорить, съ какимъ триумфомъ былъ изгнанъ новый истопникъ изъ домика дѣдушки.

И вотъ, года бѣгутъ и замѣняются годами, дѣдушкинъ домикъ вѣтшаетъ и разрушается, нѣтъ передъ его крыльцомъ сторожеваго колокола, нѣтъ передъ нимъ медвѣжонка на звучной цѣпи, а далекіе путники рѣдко заѣзжаютъ къ нему! За то, въ бурное невзгодье, когда осень разстилается надъ омертвѣлымъ лѣсомъ, когда въ воздухѣ бушуетъ холодная, пронзающая стужа, и крупный дождь хлещетъ въ окна домика и сбѣгаетъ по вѣтвямъ столѣтняго дуба,—подъ крышу низенькаго домика собираются сосѣди и друзья дѣвушки....

Все тутъ собираются, въ теплую, увѣшанную травами и безглазыми портретами комнатку! Въ вечернемъ, подступающемъ сумракѣ, не-видно никого; все молчатъ, будто заснули, и только голосъ рассказчика тихо раздается въ комнатѣ. Кто-же рассказываетъ? Кому внимаетъ уютный кружокъ слушателей?—Рассказываетъ дѣдушка... «Жили-были старикъ да старуха», рассказываетъ

дѣдушка. Вотъ и стала говорить старику старуха: Пойди, да пойди въ лѣсъ по яблоки!—Пошелъ старикъ въ лѣсъ, набралъ яблокъ, а ночь надвинулась со всѣхъ сторонъ такая, что хотъ глазъ выколи, и заночевалъ старикъ въ лѣсу, заночевалъ въ хаткѣ старой лѣсничихи. Лежить старикъ на лавкѣ, лежить, а вѣтеръ такъ и воетъ, такъ и воетъ, и деревья бьются вѣтками надъ хаткой. Вотъ и слышитъ старикъ, кто-то подходитъ къ окну и ударилъ....»

— Да, впрочемъ, можетъ быть, сказка такая уже страшная, что и рассказывать ее дальше не надо? спрашиваетъ неожиданно дѣдушка, оглядывая насъ съ улыбкою....

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка! рассказывайте, рассказывайте! — лепечутъ голоса маленькихъ слушателей: совсѣмъ, дѣдушка, и не страшно!

(А уже гдѣ не страшно! Просто, какъ говорится, насъ всѣхъ давно «изъ-за плечей хватало,» и въ темныхъ окнахъ мерещились косматыя лица).

—Ну, когда не страшно, такъ я буду говорить, замѣчаетъ дѣдушка: только вы, впрочемъ, и не бойтесь, дальше оно точно совсѣмъ уже и не страшно, и вы не смотрите на то, что пока оно можетъ быть и страшно!

Табакерка дѣдушки скрипитъ и кружокъ слушателей стѣсняется къ столу ближе....

Но вотъ, на дворѣ окончательно стемнѣло; слуга, свер-

стникъ дѣдушки, опять-таки тотъ самый, который построилъ мостъ, вносить свѣчу и бережно, дрожащею рукою, опускаетъ ее на столъ, въ кружокъ слушателей...

И когда свѣча, потрескивая и лѣниво вспыхивая, разгорится наконецъ и медленно раздвинетъ по воздуху кругъ своего свѣта, въ этотъ кругъ, одно за другимъ, выступаютъ изъ темноты лица гостей. Выступаетъ въ него и лилово-бирюзовый носъ сосѣдняго винокура, и черные усы юнкера, дѣдушкина крестника, и русая, подобранная подъ золотую булавку, коса дѣдушкиной внучки, склоненной надъ гаруснымъ вязаньемъ, и огромный единственный глазъ сосѣдняго овцевода, страстнаго охотника послушать и не менѣе страстнаго охотника потомъ рассказать о слышанномъ, и нѣсколько чепцовъ, и нѣсколько вытянутыхъ, при разказахъ дѣдушки, маленькихъ личекъ! Тутъ-же, рядомъ, захваченное полосою свѣта, выясняется и молодое, обрамленное бѣлокурою бородою, лицо священника; онъ сидитъ въ коричневой рясѣ, опоясанный розовымъ, вышитымъ поясомъ, и на пальцѣ опущенной вдоль кресла руки его блеститъ золотое кольцо. И ничѣмъ, вплоть до ужина, не нарушаются рассказы дѣдушки! Развѣ неожиданно погаснетъ, среди страшнаго повѣствованія, догорѣвшая свѣчка, и пораженные слушатели, послѣ мгновеннаго остолбенѣнія, громко расхохочутся, да упадутъ съ потолка на столъ сѣмячки и чи-

ликнетъ проснувшаяся въ клѣткѣ птичка, которой блескъ свѣчи покажется свѣтомъ загорающагося утра.

Исторія дѣдушки не задолго передъ этимъ кончилась.

Случилось это очень просто.—За какой-то долгишко, клочекъ земли, занимаемой болотомъ, былъ проданъ. Дѣдушка не унывалъ. «Ну! думалъ онъ себѣ: хоть болото теперь и не мое, а все-таки его отсюда видно, и оно точно какъ будто мое болото!»—Дѣло однакоже вышло иначе. Новый владѣлецъ купленной земли, какой-то франтъ и мечтатель, напустилъ на болото кучу землероевъ и механиковъ, очистилъ его, осушилъ, вспахалъ и засѣялъ какою-то ново-изобрѣтенною нѣмецкою травкою, которую зовутъ травкою-фүфаркою. Травка-фүфарка принялась, а между тѣмъ болото, въ постоянство и красоту котораго дѣдушка слѣпо вѣрилъ, исчезло, и велѣдъ за нимъ исчезло и озеро, вытекавшее изъ болота. Дѣдушка было по прежнему сталъ храбриться и произнесъ: «Ну, что-же? опять-таки не взяла!» но рѣшительно не перенесъ своей потери. Точно, что оборвалось у его сердца! Иногда еще, правда, онъ забывался и выходилъ по прежнему на крыльцо, съ намѣреніемъ взглянуть на водное зеркало, въ рамѣ камышей, разстилавшееся у холма, выходилъ послушать былой музыки птицъ и лягушекъ, наполнявшей цвѣтущее, зеленое болото!... Но онъ тутъ-же останавливался и закрывалъ лицо руками; не было болѣе ни воднаго зеркала, ни камышей, ни чудной музыки! Тихо тосковалъ и

угасаль дѣдушка, слушая, какъ порою залетный филинъ садился на крышу ветхаго домика и стоналъ, вѣщуя смерть! Ворчалъ старикъ и нѣсколько разъ порывался убить изъ ружья докучливую птицу! Но наконецъ махнулъ рукою, и филинъ спокойно допѣлъ свою унылую пѣню, когда дѣдушка, прислушиваясь къ дремотливому лепетанію листковъ своихъ подростшихъ яблонь, тихо покинулъ землю....

II.

СЕЛО СОРОКОПА́НОВКА.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ГУБЕРНСКАГО ДЕПУТАТА А. С. С. ***).

«Ходить птичка веселò
«По тропинкѣ бѣдствій,
«Не предвидя отъ сего
«Никакихъ послѣдствій!»

Тредьяковскій.

Я объѣзжалъ свой участокъ въ южно-байракскомъ украинскомъ уѣздѣ, съ цѣлю собранія свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, для обсужденія губернскаго комитета. Болѣе двухъ сотъ имѣній стояло въ моемъ спискѣ. Много было досадныхъ случаевъ. Инаго владѣльца не застанешь дома,—а ѣхать часто приходилось верстъ за семьдесятъ. Другаго и застанешь, да не вдругъ уломаешь отвѣтить на печатную программу: надъ всеѣмъ онъ задумывается. Семеро разныхъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ двѣ барыни, даже вовсе было-отказались отвѣчать; да этихъ скоро и разгадали: это были—неграмотные. Дѣло впрочемъ уже рѣшенное,—стоитъ пустить у насъ по губерніи повѣстку, что вотъ-моль правительство лю-

бопытствуетъ узнать, сколько въ такомъ-то округѣ рабочаго скота?—«А! подумаютъ владѣльцы:—тутъ дѣло неладное; это значить, —налогомъ обложить его хотятъ!»— И въ отвѣтахъ на повѣстки, съ которыми усердно станутъ рыскать становые, напишутъ: «нѣтъ въ уѣздѣ вовсе рабочаго скота». Черезъ двѣ недѣли послѣ того, стоитъ какому нибудь заѣзжему шутнику пустить вопросъ въ другомъ видѣ: «казнѣ нуженъ рабочій скотъ въ наискорѣйшемъ времени; почему всякому предъявителю такого платится за штуку сто цѣлковыхъ»—и неожиданно въ томъ же уѣздѣ окажется его у владѣльцевъ несмѣтное количество. Таковы-то всѣ наши отвѣты на статистическіе вопросы. И напрасно рыскаютъ въ потѣ лица становые. Они впрочемъ большею частію и не рыскаютъ, а пишутъ отвѣты на-угадъ, изъ головы, къ великому отчаянію составителей разныхъ топографическихъ описаній губерній. Это испытали теперь и мы.

Описавши имѣнія покрупнѣе, имѣнія съ псарями, виноккурами, сахароварами, селитроварами и музыкантами, изъ міра каменныхъ палатъ, двухъ-верстныхъ садовъ, башенъ, съ звонящими часами и размалеванными сельскими конторами, я на время спустился въ міръ крошечныхъ мелкопомѣстныхъ захолустьевъ—поѣхалъ по хуторамъ и хуторочкамъ...

Хутора и хуторочки!

Много вы измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ на одномъ

изъ васъ жили незабвенные Аванасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна. Оно конечно, и до нынѣ, и теперь еще живутъ въ вашихъ зеленыхъ весяхъ, безданно и безпошлинно бременя землю и копя православное небо, многіе близкіе и дальніе родные по крови этихъ милыхъ и безпримѣрныхъ «младенцевъ-стариковъ». Но все уже не то. Тѣ же зеленыя веси, тѣ же тихіе домики, съ бездною крошечныхъ комнатокъ, изъ которыхъ въ одной можно отлично заснуть до обѣда, въ другой—съ успѣхомъ послѣ обѣда, въ третьей—цѣлый день, а въ четвертой—и всю ночь. Такъ же тутъ ѣдятъ и пьютъ, вздыхаютъ и зѣваютъ. Такъ же здѣсь убиваютъ всякую мысль, для полноты и широты плотоядно-лѣниваго брюха. Только не все уже наконецъ здѣсь раболѣпно вѣрують въ неподвижность настоящаго и въ невозможность лучшаго будущаго.

Со мною ѣхалъ, въ качествѣ секретаря и землемѣра, а болѣе собесѣдника и пріятеля, изгнанный изъ службы и побывавшій въ Сибири, нѣкто Абрамъ Ильичъ Говорковъ. Его исторія коротка. Онъ былъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ сосѣдномъ городкѣ Батогѣ, квартальнымъ надзирателемъ и зналъ мѣстный край въ совершенствѣ. Однажды, во время его службы, явился къ нему судиться словесно два сосѣда, поспорившіе за сажень земли, перепаханной однимъ у другаго подъ сгородъ. Мягкій сердцемъ и нравомъ, Говорковъ сталъ

уговаривать спорщиков не допускать дѣла до суда, до бумагъ и канцелярскаго сѣмени, и помирилъ ихъ полюбовно. За эту счастливую развязку одинъ изъ тягавшихся, болѣе разумный, пришелъ къ Говоркову и, въ благодарность за избавленіе его отъ убытковъ тяжбы по суду, подарилъ ему телушку. Тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но явился новый городничій, дока и живодёръ. При видѣ смиреннаго Говоркова, его сразу проникъ ознобъ и голодъ.—«А! Говорковъ не возьметъ, не загребетъ, какъ слѣдуетъ; значить и не подѣлится!» подумалъ онъ, и рѣшилъ его стереть съ лица земли. Дѣло обошлось простымъ доносомъ по начальству. Изъ губерніи явился слѣдователь. Квартальнаго призвали къ допросу. Послѣ разныхъ, то шутливыхъ, то иносказательныхъ дознаній, его спросили: «Вы взяли у мѣщанина Пивня въ подарокъ телушку за рѣшеніе тяжбы его съ мѣщаниномъ же Штѣндюю?»—«Взялъ».—«Подтвердите показаніе своею подписью». Говорковъ расписался.—«Ну, вы уличены во взяточничествѣ; собственное сознаніе—лучшая улика!»—«Да помилуйте, я взялъ по рѣшеніи тяжбы, какъ благодарность за избавленіе отъ спора по суду!»—Извиненій не приняли. Говоркова смѣнили, предали суду и посадили въ тотъ же уѣздный острогъ, который онъ самъ, старанія ради передъ начальствомъ, незадолго передъ тѣмъ, отдѣлалъ и украсилъ черезъ любившее его мѣстное купечество. Дѣло его тянули, тянули и кончили. Онъ при-

говоренъ былъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылке въ Сибирь на поселеніе. И донынѣ тамошніе жители помнятъ тотъ неизгладимый изъ памяти, сѣренькій и влажный, осенній денекъ, когда всѣми чтимаго миротворца и защитника мѣстныхъ гражданъ, Абрама Ильича, вывели изъ острога, и напутствуемый слезами и мольбами глухо шумѣвшей кругомъ толпы, послѣ обычнаго молебна, онъ прошелъ сквозь ряды знакомыхъ лицъ, по пути въ ледовитую и грозно-невѣдомую ему Сибирь. «Эхъ, голубчикъ! Глянь-ка, глянь-ка! никакъ плачетъ!» говорили русскіе краснорядцы.—«А со мной онъ того.... не разъ и въ преферансикъ игралъ!» говорили чиновники подобрѣе. Чубатые туземцы изъ малороссовъ молчали; но долго проталкивались они по улицамъ, сумрачно заглядывая въ лицо ссыльнаго и судорожно хватаясь за кольца уличныхъ заборовъ и воротъ.... Ударилъ иной благовѣсть. Разнеслась молва о коронаціи и о всепрощеніяхъ. Говорковъ получилъ право воротиться изъ Сибири. Безродный, холостой и неимущій, онъ, скрѣпя сердце, махнулъ рукой и пожелалъ, на счетъ казны по пересылкѣ, черезъ двѣнадцать лѣтъ, явиться опять въ родимый городъ. Онъ тамъ искалъ снова службы. Но онъ обманулся. Врагъ его, городничій, въ губерніи занималъ уже мѣсто вице-губернатора. Да и кромѣ того, во всѣхъ углахъ засталъ онъ такую кучу искателей мѣстъ, всякихъ заштатныхъ и сверхъ-штатныхъ (тогда еще была

манія къ службѣ непрѣменно коронной!) — что онъ походилъ, помыкался снова по знакомому уѣзду, напрашиваясь въ его закоулкахъ на частную должность, — и отъ души пожалѣлъ, что, для канцелярско-бюрократическихъ надеждъ, покинулъ Сибирь, эту привольную, свѣжую страну, полную иныхъ, болѣе жизненныхъ и смѣлыхъ обѣтованій. «Да и климатъ-то тамъ вовсе не такой, чтобы плохой!» говорилъ онъ въ утѣшеніе уѣзднымъ, обрюзглымъ и обабившимся консерватсрамъ: «помилуйте; на примѣръ вотъ у васъ, въ ноябрѣ, бываетъ по 25 градусовъ мороза; а тамъ, на Амурѣ, виноградъ дикій созрѣваетъ! Вотъ что!...» Ко мнѣ въ собесѣдники онъ попалъ просто. Когда я, войдя по выбору гг. дворянъ въ депутаты, сталъ искать секретаря, изъ первыхъ явился Говорковъ. Почти слезно началъ онъ проситься на работу по такому важному дѣлу. Онъ много читалъ еще въ Сибири, у какого-то ссыльнаго; а въ уѣздѣ только и пробавлялся чтеніемъ.

Съ этимъ-то Абрамомъ Ильичемъ Говорковымъ я объѣздилъ много мелкопомѣстныхъ. Между прочимъ мы завернули въ много-владѣльческое село *Сорокопановку*.

— А что же это однако за Сорокопановка? Вы и ее должны знать? — спросилъ я Говоркова, когда мы спустились съ мѣловаго кряжа низенькихъ холмовъ, и поѣхали ровною, гладкою и раздольною южно-байракскою степью.

Зеленые раскаты сѣнныхъ урочищъ кое-гдѣ пересѣ-
кались черными полосами новой, бархато-пушистой па-
хати. Эти полосы иной разъ шли непрерывно или пе-
стрѣли съ дальняго лѣга, какъ шахматная доска на зе-
леномъ полѣ. Коршуны медленно плавали въ небѣ, опи-
сывая широкіе круги. Изъ густаго, желтаго буркуна и
синяго разлива пчелиной каши, перемѣшанной съ куд-
рявыми, головатыми кустами травы, называемой холо-
дѣкъ, глядѣли порою пугливья головы дрофѣ. Скоро
засвѣжѣло. Близки были поемные берега свѣтлой и ти-
хой рѣки Отавы. Лугъ, весь въ тростникахъ и озерахъ,
шелъ по лѣвому ея берегу. Правый былъ гористый. Съ
этого-то праваго берега приходилось намъ подѣзжать
къ Сорокопановкѣ. Но поля все еще не прекращались.
Ни лѣска не видно, ни кургана, ни темнаго и глубокаго,
лѣснетаго оврага, въ зной и въ тишину полудня огла-
шаемаго криками кукушекъ, горлинокъ и сѣрыхъ дроз-
довъ, или неугомонныхъ сорокъ, въ то время, какъ осталь-
ная степь горитъ и мертвѣетъ, переливаясь одними сви-
стами миллионовъ сусликовъ, да стрекотаніемъ зеленыхъ
и розово-бирюзовыхъ стрекозъ. Ни одного облачка на
небѣ. Только вдали гдѣ-то нахлобучилась бѣло-сизая ту-
ча, и нанскось падаютъ изъ нея, какъ кисейныя поло-
сы, ленты дождя... А это что? Не то овцы, не то дикіе
гуси. Подѣзжаемъ ближе. На зеленомъ раздольи, мѣрно
выстроившись въ рядъ, ходитъ стая, головъ въ четыреста,

журавлей... Вотъ они завидѣли пасть, остановились; всѣ головы вытянулись, всѣ слѣдятъ за нами. Но мы ихъ не спугнемъ. Они опять склонились и длинными носами, какъ сѣрыми кирками, долбятъ землю, должно быть подбирая стадо залегшей съ весны пѣшей саранчи, или житныхъ кузнечиковъ...

— Сорокопановка? заговорилъ Абрамъ Ильичъ: — какъ мнѣ ее не знать! Какъ служилъ я въ земскомъ судѣ, не разъ сюда съ отдѣленіемъ и подати ѣздилъ собирать. Да и въ эти два года побывалъ. Вотъ что Сорокопановка: тутъ испоконъ-вѣку живутъ малопомѣстные панки. Какъ будемъ ѣхать, увидите три лога, глубокихъ оврага. Гдѣ эти яры сошлись, тутъ и начинается Сорокопановка, все хатки да хатки, и въ каждой панъ съ паней и со своею дворней. Такъ жилось здѣсь еще при Екатеринѣ. Говорятъ, что шутникъ Потемкинъ поселилъ тутъ какихъ-то майоровъ, числомъ ровно сорокъ, за какое-то отличіе изъ цѣлой арміи, и далъ всѣмъ дворовыхъ и землю. Село назвали сперва Майоровка; но въ простонародьи, да и сами поселенцы прозвали потомъ свою деревню Сорокопановкой, отъ *сорока панковъ*, ея обитателей; такъ она и теперь зовется. И какой это все народъ забористый и съ гоноромъ! Еще дѣды ихъ, первые поселенцы, никому не давали проѣзду; а эти, хотя и кроткаго нрава, да все байбаки и себѣ-на-умѣ. Полиціи спуску не даютъ, однако же не буяны. Промежь нихъ мало

грамотныхъ. Инаго даже и не отличишь отъ мужика. Пашеть землю, ѣздить ямщикомъ. А спросишь, — дворянинъ. У рѣдкаго больше двадцати-тридцати десятинъ земли; а дворянъ есть у каждаго. Господа и слуги ѣдятъ вмѣстѣ, даже иныя живутъ въ одной хатѣ. Старинныя прозвища повывелись чрезъ браки. Иной выдалъ дочь, самъ умеръ, а зять на его мѣсто сѣлъ со-стороны. Другіе продали участки и выѣхали въ городъ. Но есть еще между ними и старые люди...

— Чѣмъ-же они болѣе живутъ?

— Такъ болѣе, ничѣмъ. Иной трубку цѣлый день курить, а лакей ее перемѣняетъ, да чешется у двери. Другой коньми торгуетъ, — сущій цыганъ; даже кричитъ: «нидчеревей, шобъ бахтировала!» Барыни сѣютъ бакши, да огороды содержатъ; барышни гранъ-пассьянсъ нъ карты раскладываютъ, про жениховъ гадаютъ. Отставной подпоручикъ Поливиновъ хорошо съ гитарой *Феню* поета и танцуетъ. Неурядица у нихъ страшная. Никто не хочетъ уступить и покориться старшему. При мнѣ еще было судъ хотѣлъ завести у нихъ какое-нибудь начальство, да и сталъ въ раздумьи. Къ какому роду общества отнести такой поселокъ? Городъ не городъ, деревня не деревня, будь это мѣщане, въ посадъ бы обратили; будь вольное крестьянское село, выбрали бы изъ обывателей голову, еотекаго или старшину тамъ какого-нибудь. А то вѣдь, что ни дворъ, то и помѣщикъ. Созовутъ жителей

въ уѣздъ: — «Выбирайте себѣ голову или сотскаго!» — «Вотъ еще, пойдѣмъ мы въ сотскіе! Мы дворяне!» — И дѣлай съ ними, что хочешь. Такъ и не выбираютъ себѣ начальника. Шумъ, гамъ, — наѣдетъ становой, такъ насилу и выберется: иной разъ и обывательскихъ лошадей не достанетъ, хоть пѣшкомъ за десять — за пятнадцать верстъ въ казенную слободу иди. А тяжбы! Умеръ недавно тутъ внукъ секундъ-майора Хлюстенка; такъ за смертью его судъ прекратилъ двадцать восемь дѣлъ, начатыхъ все по искамъ его объ обидахъ. Есть тоже тутъ космополитъ вообще и отставной монахъ въ особенности, Досифей Иванычъ Ипокреновъ. Вообразите: мушкетеръ въ крестовую саженъ ростомъ, руки — какъ у тамбуръ-мажора ноги, воротнички и галстухъ носить *à l'enfant*, постоянно небритый, и, обладая сердцемъ и нравомъ цыпленка, въ разговорѣ напоминаетъ пустую бочку, когда въ нее повѣетъ вѣтеръ и она гудитъ-бу-бу-бу-бу!... Онъ былъ кадетомъ, юнкеромъ въ отставкѣ; служилъ на Кавказѣ, бредилъ Марлинскимъ, воротился оттуда съ какою-то пашкой, неистово вращая зрачками и толкуя про черкесовъ. Потомъ вдругъ, облѣнившійся снова у какого-то помѣщика на хорахъ во флигелѣ, готовился поступить въ монахи, одѣлся въ рясу, отпустилъ бороду и принялъ, съ четками въ рукахъ, величественно-внушающую наружность. Въ монастырѣ пробылъ онъ года четыре и опять преисполнился скукой. Поѣхалъ гостить снова къ

какому-то сельскому жителю, на хоры, затянулся случайно трубочкой, очутился потомъ на охотѣ съ ружьемъ и, когда на бывшей тутъ холостой пирушкѣ одинъ изъ мордатыхъ и усатыхъ капитановъ сказалъ ему: «Да полно тебѣ, старче Досифеѣ, рясу-то пакостить, лучше ее скинь и надѣнь нашъ мундирь!» Ипокреновъ тутъ же крикнулъ «ура», облачился въ гражданскую хламиду и на другой же день поступилъ въ уланы. Изъ него снова вышелъ бравый поручикъ. Скоро онъ получилъ эскадронъ и даже, какъ онъ самъ любилъ болтнуть, съ этимъ эскадрономъ онъ и француза побилъ, хотя тогда не было нигдѣ у насъ войны съ французами. Про Кавказъ и про свое монашество онъ тоже несъ разную фантастическую чепуху: вездѣ у него играли роль таинственныя красавицы, низринувшія его въ бездну золь. Но загадка просто разрѣшалась. Это былъ въ прямомъ смыслѣ слова—добрый малый, лѣнтяй съ дѣтства и одолѣваемый скукой непосѣда въ зрѣлыя лѣта. Былъ потомъ онъ и управителемъ имѣній, и точильщикомъ, и строителемъ какой-то мельницы, и химикомъ, и гостемъ у разныхъ особъ. Попытался онъ, разумѣется, служить и въ ополченіи послѣдней войны. Служба была короткая и покойная, и онъ, при помощи банка и дьябелки, выѣхалъ изъ дружины въ каретѣ на лежачихъ ресорахъ. Но скоро снова прожидся и хотѣлъ опять поступить въ монахи. Только святыя отцы бѣжали отъ него за тридевять земель, какъ отъ непо-

требнаго козлища... Теперь онъ живетъ у какой-то вдовы, ходитъ въ красной канаусовой рубашкѣ, съ тросточкой, и весель, съ тѣми же воротничками *a l'enfant*, и разрисовываетъ дѣтямъ хозяйки здѣсь какія-то картинки, пополамъ съ суздальскимъ золотомъ... Я впрочемъ его люблю; это славный малый. Да вотъ и сама Сорокопановка!

Я высунулся невольно изъ крытой нетечанки и велѣлъ остановиться.

Лѣвый берегъ Отавы простирался передъ глазами, весь затопленный плёсами еще недавняго половодья. Мы были на правомъ. Пока кучеръ отошелъ къ лошадямъ, мы стали въ сторонѣ. Спутникъ мой запахнулъ свою гороховую шинельку, передернулъ на головѣ потертый клеенчатый картузъ и, уставя къ тремъ зеленѣющимъ оврагамъ свой красноватый носикъ, прищурился и улыбнулся.

— Вотъ помѣщикъ Куличокъ, — началъ онъ снова, тыкая пальцемъ въ воздухъ: — высѣкшій сосѣда за карточный долгъ; а вотъ и его высѣченный сосѣдъ Бѣлопятый, про котораго остряки говорятъ, что когда его двѣ дочки, *дѣвицы*, поссорились на прогулкѣ по улицѣ за какое-то платье, будто бы выдуманное за границей, то *сынъ* одной изъ нихъ ушибся, споткнувшись о камушекъ... А вонъ, гдѣ видны крылья мельницы, живетъ престарѣлая дѣвушка, писательница временъ массонства и украинскихъ альманаховъ, Любовь Вѣнцеславская, поклонни-

ца всякаго рода птицъ, пѣвчихъ и простыхъ, отчего ея домъ напоминаетъ собою лавку московскаго охотнаго ряда...

И нѣсколько минутъ еще Абрамъ Ильичъ, какъ демонъ въ легендѣ великаго поэта, будь только на немъ, вмѣсто гороховой шинельки какая нибудь огненная хламида, рассказывалъ мнѣ исторію крошечныхъ домиковъ, глядѣвшихъ бочкомъ и въ разсыпку по зеленѣющимъ коеогорамъ. Всѣ они тонули въ садахъ. Кое-гдѣ торчали изъ-за холма либо крылья мельницы, либо бревно колодезнаго журавля, либо новый рядъ домиковъ и верхушки маленькихъ садовъ. Желчь разбирала сердце Говоркова.

— Да о чемъ же вы еще думаете, Абрамъ Ильичъ?

— Думаю, что этихъ бы господъ, этихъ монаховъ, поручиковъ, господъ Бѣлопятыхъ, Куличковъ и Полименовыхъ, всѣхъ мужеска и женска пола лицъ, перемѣстить бы туда, на мое мѣсто... на Амуръ, выключая старухъ и стариковъ. Да нѣтъ, и Вѣнцеславскую бы туда; она бы воспѣвала Шилку и Аргунь, да сибирскихъ дроздовъ учила бы носикомъ таскать цѣпочкой воду!

— А насъ бы на ихъ мѣсто поселить? перебилъ я нарочно, желая утишить пылъ раскозырившагося себе-сѣдника.

Говорковъ тотчасъ покорился, притихъ и даже умаслилъ свой взглядъ. Печальный опытъ положилъ клеймо на его юморъ.

— Ну-съ, Абрамъ Ильичъ, теперь за дѣло. Гдѣ списокъ? Тычкò, Крячкò, Макарищенко... Съ кого бы начать? Оно конечно, статистика тутъ мало чѣмъ любопытнымъ поживится. Лѣсовъ и фабрикъ не имѣется, сахарныхъ заводовъ, селитрянныхъ буртъ, домашнихъ оркестровъ, промышленности и особой торговли — также. Однако все-таки надо составить перечни ревизскихъ душъ, дворовыхъ, числа земли; измѣрить, хотя приблизительно, землю подъ ихъ усадьбами; спросить цѣну этихъ земель и строеній; узнать о содержаніи дворовыхъ... Вы послали сюда повѣстки съ печатными программами отъ предводителя?

— Какъ же-съ, послалъ-съ! отвѣчалъ Абрамъ Ильичъ.

— Куда-же намъ ѣхать; гдѣ выбрать исходную точку своихъ дѣйствій?

— Совѣтую-съ къ Вѣнцеславской.... У нея и домъ побольше! Домъ ея какъ разъ стоитъ въ рощѣ, за косо-ромъ, надъ Отавой. Отъ нея можно послать повѣстки о явкѣ на съѣздъ и къ другимъ!

Мы поѣхали къ Вѣнцеславской.

Быль знойный полдень, когда мы песчаною отлогостью побережья Отавы, мимо сорокопановскихъ дворовъ, домиковъ и хатъ, мельницъ и огородевъ, въѣхали въ опушку дубовой густой рощи, снова взбравшейся въ гору и примыкавшей къ общей околицѣ поселка. Въ этой рощѣ стояла глухая и невѣдомая міру усадьба Любовь Павлов-

ны Вѣнцеславской. Пробираясь между дубами и орѣшниками, между уїругими ихъ корнями, издали мы замѣтили раза два мелькнувшую бѣлую крышу новаго тесоваго домика. Скоро вѣхали во дворъ. Куча какихъ-то зданій, амбарчиковъ, голубятень, кладовыхъ и погребковъ, стояла по сторонамъ двора. За низенькимъ, длиннымъ домомъ виднѣлся садъ, изъ котораго шли тропинки къ сорокопановскимъ дворамъ. Дворъ былъ чистъ, подметенъ и усыпанъ пескомъ. Среди двора прыгала, оставляя слѣды своихъ лапокъ, совершенно куцая ручная сорока, степенно и съ разстановкой, какъ круглый кубарь. На перилахъ крытой галлерей сидѣли двѣ ручныхъ старыхъ совы. Туча голубей кружилась чуть-видная въ небѣ, винтомъ и въ разсыпку, спускаясь къ кровлямъ двора. Осины и орѣшины чуть трепетали листьями. На шнуркѣ вдоль галлерей висѣли десятки мѣшочковъ сушеныхъ травъ, распространявшихъ въ знойной тишинѣ разные полевые и лѣсные запахи. Мы остановились, какъ околдованные и самъ назойливый обывательскій колокольчикъ, издавши неловкое тѣньканье, будто устыдился и замолчалъ... Въ припрыжку черезъ дворъ куда-то пробѣжалъ, какъ угорѣлый, огромнаго роста, черный голландскій пѣтухъ, — Петька, какъ послѣ оказалось, постоянная жертва другихъ пѣтуховъ хозяйки.

Мы поглядѣли еще и пошли на крыльцо. Ни души не было и тамъ; но вдоль стѣнъ и у дверей, до самаго потолка, шли клѣтки съ разными птицами. Голосистыя, мохнатыя

тыя пестрыя, зеленыя, желтыя, кривоносыя, длинноносыя, сѣрыя, большія, малыя, чубатыя и всякія, сидѣли и порхали по разнообразнымъ клѣткамъ. Двѣ сойки, туземные украинскіе попугайчики, передразнивали собаку и воробья. Черный, старый воронъ, какъ сказочный косматый стражъ, стоялъ на порогѣ, въ шерстяныхъ красныхъ чулочкахъ и уставя на воздухъ огромный носъ...

Мы прошли далѣе переднюю и еще какую-то комнату въ цвѣтахъ. Залъ встрѣтилъ насъ низенькими комнатами, низенькими свѣтлыми окнами, какъ показалось намъ — будто даже неправильно расположенными, и кучею картинокъ, ярко озолоченныхъ полуденнымъ солнцемъ. Здѣсь были западныя гравюры, временъ Павла и Екатерины: иллюстрированная «Исторія Жильблаза», «Погибшая невинность Катерины Дуранси», «Малекъ-Адель», «Повѣсть о львѣ и дитяти» словомъ, десятки тѣхъ картинокъ, передъ которыми и теперь еще съ любопытствомъ и нѣжностію останавливаетесь вы, рѣдкій посѣтитель нашихъ мѣстъ, въ комнатахъ, гдѣ случайно зажились лица или преданія прошлаго вѣка Украйны. Вышитыя подушки на кушеткѣ, вышитыя сидѣнья на стульяхъ, коврикъ съ индѣйцемъ и турчанкою у фортепьянъ, — дополняли картину.

Мы откашлялись. Сперва вбѣжала, кашляя также и волоча параличную ножку, престарѣлая, крохотная и со-

вершено разслабленная бѣлая болонка, съ глазами дочиста заросшими длинною шерстью. За нею вошла престарѣлая и тоже будто не слишкомъ здоровая, востроносенькая и худенькая хозяйка, сѣдая, съ волосами, сзади подобранными на гребень, а напередѣ въ видѣ серебряныхъ завитковъ, съ ридикюлемъ въ рукѣ и въ зеленомъ ситцевомъ платьѣ, узоръ котораго представлялъ смѣсь цвѣтовъ розмарина и оленьихъ головокъ съ золотыми рогами.

— Извините, господа, что я васъ заставила ждать! заговорила мелкопомѣстная барыня. — Я совершенно догадываюсь о причинѣ вашего прїѣзда...

Съ этимъ словомъ она присѣла, приглашая и насъ садиться возлѣ себя. Мы обмѣнялись привѣтствіями и пояснили ей подробнѣе нашу цѣль.

— Ахъ, помилуйте, очень рада! Помилуйте, я никогда не прочь! Я всегда готова была; я даже покойнику Котляревскому и Квиткѣ, когда они издавали украинскіе журналы, говорила, что надо дать свободу нашимъ крѣпостнымъ людямъ. Квитка даже мое стихотвореніе тогда хотѣлъ помѣстить объ этомъ. Очень рада, господа, дать вамъ отвѣты на все. Вотъ видите, какою анахореткой я здѣсь живу. Съ той поры, какъ кончила курсъ въ пансіонѣ, я уже сорокъ-два года здѣсь живу безвыѣдно, среди сада и цвѣтовъ, среди цвѣтовъ и моихъ птичекъ... Люди! Эй! Палѣжка, Оѣська, Петрусь!...

И на крикъ ея дребезжащаго голоса явились въ дверяхъ корридора три или четыре веселыхъ и улыбающихся головы. Полныя, здоровыя, румяныя лица слугъ такъ и говорили: «Жизнь наша великолѣпная, ѣдимъ и спимъ мы вдоволь; и будутъ ли такъ хороши наши дни послѣ, катъ теперъ, у этой рѣдкой, хотя... и исключительной пани?...»

— Кофію! Да отпречь лошадей господъ чиновниковъ!

— Мы не чиновники, вмѣшался Абрамъ Ильичъ: — они по выбору, а я частно занимаюсь землемѣрствомъ!

Хозяйка повернулась на стулѣ, утерла носъ, запачканный табакомъ (она шохала) и долго не могла сказать ни слова, глядя на насъ съ восторгомъ и какъ бы озадаченная приливомъ неожиданныхъ, бившихся наружу, сладкихъ чувствъ.

— Да, да! заговорила она: — наконецъ сбываются мои грезы, и я умру спокойно! Давно я ждала и думала... Наши крѣпостные люди будутъ свободны... Наконецъ-то часъ пробилъ! когда-же это совершится?

— Скоро-съ! комитетъ открытъ, и теперъ члены его собираютъ послѣднія свѣдѣнія! Свѣдѣнія нужны черезъ двѣ недѣли. Вы ваши отвѣты приготовили?

— Мои?... Нѣтъ... Я не ожидала, чтобъ такъ скоро...

— Помилуйте, да повѣстка у васъ уже третій мѣсяць...

— Повѣстка?! спрашивала сама себя восторженная старушка: зачѣмъ эти свѣдѣнія? Нельзя ли безъ нихъ?

Говорковъ вступился за канцелярскій порядокъ. Она задумалась. Потомъ встала, ушла въ гостиную и вынесла медленно оттуда, въ пыли и совершенно оплетенную паутиной, повѣстку комитета, съ печатною программой...

Я былъ озадаченъ.

— А ваши сосѣди, сударыня, веѣ господа сорокопановцы, приготовили отвѣты?—спросилъ я.

— И они тоже, какъ и я, — отвѣтила простодушно Вѣncesлавская.

— Нехорошо, Любовь Павловна! отнесся Говорковъ:— а мы надѣялись на васъ, какъ на каменную гору! Какъ же теперь намъ быть?

— Ахъ, Боже мой! Мнѣ право совѣстно! Какъ же тутъ помочь? Ахъ, право—досадно и совѣстно!...

И она стала набивать длинный носикъ душистымъ табаконъ, отъ котораго распространился по комнатамъ запахъ жасмина....

— Дѣло простое, вмѣшался я:— все почти владѣльцы Сорокопановки имѣютъ однихъ дворовыхъ. Значить, намъ нужны свѣдѣнія только о количествѣ дворовыхъ людей, о содержаніи ихъ, о ихъ усадьбахъ и работахъ. Списокъ дворовыхъ мы уже получили по вашему селу изъ казначейства. Остается вамъ сообщить о ихъ содержаніи и о работахъ, и оцѣнить ихъ усадьбы, а мы измѣримъ хотя

приблизительно, вашу подь-усадебную землю по каждому двору....

—О содержаніи, о работахъ? цѣну усадьбамъ! повторяла про себя въ раздумьи хозяйка:—гдѣ же тутъ опредѣлить? Жили у меня, ѣли мое, ходили въ моемъ; какъ тутъ высчитать!... Да тутъ и на цѣлый годъ будетъ работы, а не на двѣ недѣли....

И она развела руками.

—Да у меня же и земли кетати нѣтъ,—продолжала она:—есть домъ и кухня, да садъ, да и только; люди живутъ въ кухнѣ, ѣдятъ постное и скоромное... Какъ тутъ высчитать? Право, какъ тутъ опредѣлить? А впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете....

Мы стали утѣшать ее, что нужныя свѣдѣнія соберемъ въ одинъ, а уже много въ два дня. Она опять понюхала табакъ и задумалась....

Подали кофій, потомъ завтракъ, потомъ обѣдъ. Мы сидѣли и толковали о старинѣ. Говорковъ между тѣмъ написалъ циркулярную повѣстку ко всему сорокопановскому обществу, съ приглашеніемъ явиться въ 4 часа по полудни, въ тотъ же день, въ домъ госпожи Вѣнцеславской, для сужденій объ общемъ дѣлѣ, къ депутату губернскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, такому-то А. С. С-кому. Повѣстка вручена призванному въ залъ, совершенно круглому и румяному мальчику, увальню лѣтъ пятнадцати. Ему сказано: обойди, алучше обѣгай

всѣхъ господъ по селу; дай прочесть бумагу и росписаться и проси къ 4 часамъ къ Любовъ Павловнѣ; да проси непременно. Въ повѣсткѣ прибавлено: «Просить захватить печатныя программы, разосланныя три мѣсяца назадъ, и отвѣты на нихъ, буде таковыя готовы.» Мальчикъ, бравши повѣстку, смѣялся. Лицо его такъ и лоснилось отъ жиру и румянца. Улыбнулись и мы съ Говорковымъ, глядя на на его круглыя щеки, бѣлую, плотными рядами стриженную голову и жирное, круглое туловище. Въ открытое въ садъ окно видно было, какъ этотъ толстый Меркурій перебѣжалъ дорожку цвѣтущихъ бѣлыхъ акацій, не безъ труда вскарабкался на колючій плетень и бухнулъ черезъ него, перевалившись въ сочную и густую траву сосѣдняго огорода, сбѣгавшаго по крутому косоугору къ оврагу и къ другой густой и темной рощѣ, зеленѣвшей на той сторонѣ....

Намъ зѣвалось. Какое-то блюдо, съѣденное за столомъ, особенно насъ одолѣвало дремотой. Птицы пѣли; листья чуть шуршукали. Запахи всякаго рода пробирались изъ сада въ окна. Любовъ Павловна сидѣла, задумавшись. Абрамъ Ильичъ чуть не дремалъ. Мы извинились передъ хозяйкой, за-просто попросили позволенія заснуть и, тыкаясь носами въ стѣны, пошли въ корридоръ....

—Какъ же-съ, и комната готова! замѣтила звонко хозяйка, взглянувши на насъ и представя глаза, также совершенно сонныя:—кетати, и другіе подоспѣютъ тогда!

Мы очутились въ темной и прохладной комнатѣ, съ запахомъ инбиря и, кажется, калганнаго корня, выходящимъ изъ какой-то конторки; нащупали перины и завалились спать.

Два, три, чуть ли даже не четыре часа мы спали. Ни лучъ свѣта, ни жужжанье назойливой мухи не прерывали сна. Инбирь и калганъ пріятно щекотали ноздри. Тишина въ домѣ и кругомъ была невозмутимая. Я помню, что заснулъ, все обдумывая въ потьмахъ: «Откуда это пахнетъ инбиремъ и калганомъ? изъ шкафа, или это наливки стоятъ гдѣ нибудь на полкахъ, или на печкѣ вверху, и пахнутъ.....» Глаза сами собою раскрылись у меня перваго. Гражданскія заботы явились прежде всего. «Какъ же это?» думалъ я уже иначе въ потемкахъ: «свѣдѣнія комитету нужны скоро, особенно о мелкопомѣстныхъ; а эти господа, кажется, и не думаютъ о важности ихъ составленія!»

—Абрамъ Ильичъ! шепнулъ я:—Абрамъ Ильичъ!

Говорковъ вскочилъ на перинѣ.

—А? что?!

—Я хочу съ вами поговорить о возвышенномъ.... Скажите мнѣ; вѣдь комитеты наши—это первыя еще попытки совѣщательныхъ, сословныхъ учрежденій, съ законодательными правами, на Руси?

—Первые!

—А какъ вы думаете, сознають это господа помѣшники, призванные черезъ нихъ заявить свои желанія?

— Не всѣ сознають.... Вотъ и теперь: клянусь, я убѣжденъ, что въ цѣлой Сорокопановкѣ не найдете даже чернилицы, чтобъ писать отвѣты!

Сонъ опять сталъ насъ одолѣвать. Но подъ окномъ загоготалъ гусь, а потомъ крикнулъ пѣтухъ Петька, затрубивши, какъ военная труба, и мы встали.

Свѣтло и весело встрѣтилъ насъ опять тотъ же залъ, съ картинками и гарусными подушками. Только, вмѣсто собачки, по полу уже ходили двѣ галки, въ сережкахъ, сафьяныхъ панталончикахъ и, по остроумному соображенію самой хозяйки, съ ситцевыми мѣшочками, подвязанными у хвостовъ, для чистоты....

— Вотъ, замѣтилъ Говорковъ, зѣвая во весь ротъ:— губернской предводитель грозитъ, что крайній срокъ подачи свѣдѣній для комитетовъ еще только двѣ недѣли; а Любовь Павловна передъ такую реформую мѣшочки подъ хвосты галокъ подвязываетъ!—И онъ опять зѣвнулъ. Зѣвнулъ за нимъ и я.

—А что? спросилъ Говорковъ:—я думаю, парижскіе и лондонскіе публицисты никакъ не воображаютъ, чтобы дѣло у насъ такъ дѣлалось, чтобы мы, положимъ, такъ зѣвали?

—И я думаю тоже....

Мы еще зѣвнули. Никто не явился въ залъ. Въ

открытое окно къ сторонѣ двора видно только было, какъ два какихъ-то мальчика, игравшіе вѣроятно предъ тѣмъ въ орлянку у сарая, спали, раскинувшись на землѣ, а престарѣлая комнатная женщина, сидя спиной къ крыльцу амбара на землѣ, спала, держа въ рукѣ недовязанный чулокъ съ прутками и широко развѣся жирныя толстыя губы....

—Чтожь тутъ дѣлать? замѣтилъ я:—сосѣди не идутъ, не собираются, да и хозяйки нѣтъ, а время летитъ! Скоро и вечеръ; завтра же надо еще ѣхать на Лозовыя Воды, на Гудиниху, на Котелки, и мало ли еще куда! Что намъ дѣлать? Вѣдь это все спитъ, Абрамъ Ильичъ, спитъ все село, какъ въ сказкѣ!

—Спитъ, да еще какъ! слышите?...

Въ это время изъ корридора послышалось храпѣнье тоненькаго, тихаго женскаго, хотя довольно однако забористаго, свойства: это были звуки изъ комнаты самой хозяйки.

—Давайте готовить астролябію! замѣтилъ Говорковъ:—хотя одну или двѣ усадьбы примѣрно обойдемъ и да нанесемъ послѣ на планъ ихъ среднюю величину...

Мы отправились сами къ нетечанкѣ, достали ящикъ съ астролябіей, разбудили мальчиковъ, спавшихъ подъ сараемъ, и отрядили ихъ нарубить вѣхъ и кольевъ. Старушка подъ амбаромъ спала попрежнему. Мы пошли въ садъ. На повороткѣ изъ первой же дорожки, передъ нами

съ обрыва надъ Отавой, открылась вся разнообразная и живописно-пестрая картина Сорокопановки. Вотъ рядъ мельницъ, по кряжу косогора. Вотъ хатки и домики, въ раскидку, бочкомъ, спиной и передомъ одни къ другимъ, раздѣленные садами, оврагами, холмами и просто площадями зелѣныхъ пустырей, величиной въ иное хуторянское поле. Волы, коровы и лошади ходили по этимъ пустырямъ. Въ одномъ мѣстѣ, среди села, паслось цѣлое стадо овецъ; въ другомъ кто-то запахалъ поль-десятины подъ огородъ, и на неогороженной пахати уже всходила какая-то зелень. Толстыя, дряблыя и совершенно лысыя, отъ дородности своего огромнаго, красноватаго тѣла, свиньи ходили привольно по всеѣмъ угламъ села, тыкаясь въ заборы и почесывая спины у самыхъ панскихъ крылецъ и оконъ. Стаи голубей носились въ синемъ и безоблачномъ небѣ. На три или на четыре версты раскидывалась во всю сторону любопытная Сорокопановка, село не село, посадъ не посадъ и городъ не городъ, а всего этого понемножку....

—Ну, долго же этотъ мальчишка-посланецъ будетъ обходить съ повѣсткой господъ здѣшнихъ обывателей! сказалъ я Говоркову:—я думаю—просто спитъ гдѣ нибудь на дорогѣ, подъ заборомъ!

Онъ молча махнулъ рукой и продолжалъ пристально вглядываться въ картину у нашихъ ногъ, гдѣ, какъ на ладони, видѣлась вся Сорокопановка, со всеѣми своими

дворами и двориками, задворьями, коморками, амбарчиками, со всею своею внутреннею, домашнею жизнью.

—А что? спросилъ Говорковъ: видите? Полюбуйтесь-ка; вѣдь ни въ одномъ углу нѣтъ еще ни души на дворѣ; все спятъ! Смотрите-ка; гдѣ же тутъ дожждаться когонибудь изъ здѣшнихъ господъ на нашу сходку?

И въ самомъ дѣлѣ, не смотря на близкій вечеръ, Сорокопановка была еще царствомъ мертвыхъ. Кое-гдѣ только заливался крикомъ какой-нибудь горластый пѣтухъ, да дюжины двѣ индѣекъ, гордость и слава важной пани, сберегшей ихъ съ весны отъ общаго падежа наэту птицу, прерывали общую тишину дружнымъ кавканьемъ....

—Ну,—замѣтилъ жолчный Говорковъ:— вотъ, если бы какойнибудь французскій миссіонеръ случайно забрелъ сюда и не зналъ, что это Россія, такъ прямо сказалъ бы въ своихъ запискахъ, что былъ въ такомъ-то селѣ верхняго Кіанга, Соро-ко-пан-чун-ху.... И свиньи даже напоминаютъ про Китай!

И Абрамъ Ильичъ съ досады закурилъ крѣпкую и сквернѣйшую сигару, къ которымъ онъ пріучился еще въ Сибири, сигару изъ чистѣйшаго тютюну.

Явились мальчики, отряженные за вѣхами. За ними сверху, съ дорожки, показалась и Любовь Павловна. Протирая глаза и съ подрумяненными отъ сна морщинками худенькаго лица, она, слегка зѣвнувъ и закрывъ ротъ

ладонью, подошла къ намъ, когда мы ставили уже астролябію и наводили ее на уголъ ея усадьбы.

— Что это? Вы уже и за работой! Ахъ, что значитъ неумоимость! начала Любовь Павловна:—это не то, что мы

— Долгъ требуетъ! сурово замѣтилъ Говорковъ, копаясь у кольевъ, вокругъ подставокъ, и неистово разгребая землю.

— Вотъ, мы начнемъ съ вашего уголка, Любовь Павловна! сказалъ я, наводя вѣхи и идя далѣе вдоль плетня и внизъ по улицѣ, къ сосѣднимъ усадьбамъ, изъ которыхъ ближе всѣхъ была усадьба священника, а за нимъ подпоручика Свербѣева.

— Ахъ, какъ же это? говорила Вѣнцеславская, шагая за нами мелкими шажками, какъ пестрая куропаточка:—а я велѣла вынести сюда и варенья!

Мы шли по улицѣ. Мальчики Вѣнцеславской ставили вѣхи и шли съ цѣпью; Говорковъ отмѣчалъ углы въ записной книжкѣ. У поворота близъ дома священника надо было взять вправо и вести вѣхи по краямъ огорода Любовь Павловны. Тутъ вышелъ самъ отецъ Павелъ, поглаживая лысину; онъ молча намъ поклонился и тоже сталъ съ пристальнымъ любопытствомъ смотрѣть на вѣхи. Подоспѣлъ и лакей съ подносомъ. Мы наложили на блюда варенья и стали ѣсть.

— Что это, Любовь Павловна, прошлогоднее? спросилъ отецъ Павелъ.

— Прошлогоднее, Павелъ Ильичъ!

Говоркова вывело изъ терпѣнья, какъ это такъ мало обращаютъ вниманія на наше дѣло.

— Эхъ, братъ, да говорятъ тѣбѣ — лѣвѣе, ворчалъ

Говорковъ, продолжая ставить вѣхи и направляя нерасторопнаго парня. Онъ свернулъ за рядъ тополей, огибая далѣе усадьбу Вѣнцеславской.

Когда мы съ блюдцами въ рукахъ, облизываясь и не много позамѣшкавшись съ отцемъ Павломъ, начавшимъ рассказывать, что вотъ у него на спинѣ сыпь явилась и Андреевыхъ дѣти тоже въ сыпи, свернули влѣво за новый уголъ плетня, мы увидали Говоркова, окруженнаго толпою новыхъ лицъ....

Престарѣлый, сѣдовласый и необычайной толщины, добродушный подпоручикъ Свербѣевъ, едва передвигая столбы своихъ ногъ, стоялъ тутъ, поворотя къ астрялбѣи свои отеки и брылястыя щеки, увѣнчанныя серебрянымъ и коротко-стриженнымъ черепомъ, безъ шапки. Какая-то низенькая, коренастая, круглая дама, въ черномъ каленкоровомъ платьи и такомъ же чепцѣ, съ огромною нижнею, почти коровьею губою и сѣрыми глазами на выкатъ, ходила тутъ же, съ палкою, шевеля и судорожно дергая за висѣвшій у нея на рукѣ ридикюль, набитый разными, очевидно дѣловыми, бумагами. Двѣ дѣвицы, въ голубыхъ полинялыхъ шляпкахъ, блѣдныя и чахоточныя, но съ черными южными глазами и густыми

черными же бровями, стояли также въ обществѣ прочихъ, какъ будто попавши сюда невзначай. Усатый и ухабистый господинъ въ венгеркѣ, повертываясь, какъ флюгеръ, стоялъ поодаль, пугливо однако и съ несмѣлымъ вниманіемъ слѣдя за происходившимъ. Это были: въ черномъ—госпожа Папина, въ голубыхъ шляпкахъ—дѣвицы Фіалковскія, съ усами—отставной ротмистръ Чурилка....

А между тѣмъ вдали показывались другія лица. Съ горы отъ мельницъ шли три брата Ковриныхъ, неслужащій дворянинъ Чубченко, съ неслужащимъ же сыномъ Чубченко-младшимъ,—оба какъ простые мужики, въ простыхъ зеленыхъ, мѣщанскихъ чуйкахъ и съ длинными бородами. Наконецъ отъ моста близъ Отавы отдѣлялась группа дамъ, предводимыхъ огромнаго роста усатымъ господиномъ, въ красной рубахѣ, ополченскомъ сѣромъ армякѣ на распашку, ополченскихъ сапогахъ и съ галстухомъ *à l'enfant*. По хлыстику въ его въ рукахъ, а болѣе, разумѣется, по счастливой наружности и галстуху, я тотчасъ узналъ въ немъ Досифея Ивановича Инокренова, о которомъ слыхалъ я. Отдѣльные лица и группы молча подходили, едва намъ поклонившись, и сурово останавливались въ сторонѣ. Изрѣдка перешептываясь, всѣ стояли молча и съ подозрительно-недовѣрчивымъ вниманіемъ глядѣли на наши дѣйствія.

Такъ, я думаю, слѣдили Японцы отважныхъ моря-

ковъ, два года назадъ смѣло отводившихъ себѣ квартиры въ недоступныхъ дотолѣ Нангасаки; такъ Индѣйцы временъ Кортеса встрѣчали бѣлыхъ пришельцевъ на берегахъ своихъ заповѣдныхъ рѣкъ...

Работа шла своимъ чередомъ. Никто не рекомендовался. Молчали и мы. Только слышно было, съ какою досадою сопѣлъ Говорковъ, идя зигзагами съ вѣхами и кончая планъ дачи Вѣнцеславской. Солнце обливало даль, сады, кровли домиковъ, мельницъ и насъ самихъ яркими, какъ киноварь, лучами.

Первый отозвался Ипокреновъ.

— Па-а-звольте-съ! Вы, кажется, не такъ уголъ взяли? замѣтилъ онъ Говоркову.

— Чево-съ? свирѣпо спросилъ Абрамъ Ильичъ и поднялъ отъ колышка налитое кровью лицо и озлобленный, поблѣднѣвшій носъ, изъ котораго, какъ у Оемистоклюса, капнула капля.

— Надо взять вотъ-какъ.... Когда я былъ случайно у Шамяля, онъ попросилъ меня снять видъ своего гаремнаго двора... Досифей-кунакъ, говоритъ чрезъ переводчика, какъ бы снять повѣриѣе? Ну, я и снялъ. Я долго у него жилъ....

— Можетъ быть, можетъ быть! возразилъ со вздохомъ Говорковъ и докинулъ послѣдній уголъ. — Теперь дачу господина Свербѣева! отнесся онъ ко мнѣ.

Между тѣмъ группы оживились.

— Вотъ трудолюбіе, такъ трудолюбіе! отозвалась первая Вѣнцеславская.

— Да-съ! подхватилъ грубоватый Свербѣевъ и сдѣлалъ движеніе: за жалованье можно!

Нѣсколько рукъ его тутъ же остановили. Ипокреновъ принялся помогать Говоркову.— Пошла общая бесѣда. Изъ воротъ дѣвицъ Фіалковскихъ вынесли стулья; кое-кто сѣлъ. Потомъ явился неожиданно коверъ и столъ, съ лавкой. Всѣ сѣли — кто на лавку, кто на стулья. Бородатые однако стали въ сторонѣ. Ипокреновъ сѣлъ съ хлыстикомъ на коврѣ, у ногъ дѣвицъ. Доброе-ли выраженіе нашихъ лицъ, или такое уже примирительное настроеніе самого общества тутъ подѣйствовало, только наши новые знакомцы къ намъ присмотрѣлись и стали разговорчивѣе и общительнѣе. Они перестали смотрѣть на насъ, какъ на своихъ враговъ.

— Да не выпить-ли намъ тутъ же и чаю? спросилъ кто-то изъ толпы.

— Отлично, отлично! отозвались голоса.

Пошли за самоваромъ и за чашками. Вдова Папина, съ толстою губой и съ палкой, побѣжала за сливками. Сливки, принесенныя ею, дѣйствительно были великолѣпны.

— Такъ ужъ и дѣлами не тутъ ли заняться? сказалъ рябой и голубоглазый ротмистръ Чурилка, покручивая усы: какой пріятный вечеръ!...

— А дѣлами—такъ и дѣлами! рѣшило общество.

Всѣ собрались вокругъ стола, съ печатными программами. Явилось еще нѣсколько темныхъ и молчаливыхъ лицъ, ставшихъ также къ сторонѣ, какъ и бородатые. Чернилица отца Павла поставлена среди стола, съ нѣсколькими перьями. Особый столъ между тѣмъ устанавлился чайнымъ приборомъ.

— А что? отнесся опять Чурилка: — знаете ли, господа депутаты, мы люди простые; гдѣ намъ постигать тамъ всякія ваши статистическія хитрости? Вы намъ диктуйте, а мы будемъ писать....

Я улыбнулся.

— Этого нельзя!

— Какъ можно! замѣтилъ и Говорковъ: — тутъ не будетъ истины; а безъ нея и ничего хорошаго не будетъ!

Госпожа Папина суетливо разливала чай; дѣвицы Фіалковскія курили папирсы. Ипокреновъ съ ковра дѣлалъ имъ глазки. Я изложилъ данныя мнѣ отъ комитета инструкціи, разъяснилъ, какой важности предложенные вопросы; сказалъ, что отвѣтить на нихъ легко, и удивился, какъ почтенные жители Сорокопановки до сихъ поръ не доставили отвѣтовъ предводителю. Это повидимому удивило слушателей. Я развернулъ программу.

— Ну, вотъ напимѣрь, господа, берите перья. Пишите въ клѣткахъ программъ, противъ графы о ревиз-

скихъ душахъ, сколько у кого душъ, крестьянъ и дворовыхъ?

— Да у насъ почти у всѣхъ дворовые....

— Пишите....

Всѣ написали: одинъ — 5, другой 2, третій 7. Три брата Ковриныхъ объявили, что у нихъ у троихъ всего одна душа, отличный поваръ, но что онъ уже два года, какъ содержится въ губернскомъ острогѣ, и они его показываютъ потому, что всё-таки онъ отличный поваръ и что они надѣются получить за него выкупъ. У господина же Чубченка старшаго по ревизской сказкѣ оказалось необыкновенное явленіе: у него было всего три души женскія, бабка 50 лѣтъ, дочь ея 28 и внучка 14, хотя всѣ значились *незамужними*. Это все были плоды запрещенной любви.....

— Теперь пишите, сколько у кого грамотныхъ; какіе вамъ платятъ оброки, сколько у кого недоимки, во что обошлось кому обученіе ремеслу и мастерству дворовыхъ, кто у кого приписанъ къ дому, кто къ землѣ и кто къ капиталамъ.

Написали и это. Только Свербѣевъ вдругъ хватилъ, что ему обученіе кузнеца обошлось въ 1000 руб. серебромъ....

— Бога вы не боитесь, Сысой Иванычъ, замѣтилъ ему отецъ Павелъ, глядя лысину по обыкновенію снизу вверхъ: ну, гдѣ же тысячу? Да вашъ Парфѣнка у Пѣвзинекаго Петра за харчи обучался....

Свербѣевъ косо глянулъ на меня и крикнулъ.

— Нельзя, этого нельзя! подхватилъ Говорковъ, тряся головою.

— Ну такъ сто рублей! смягчился Свербѣевъ.

— Пишите тридцать цѣлковыхъ въ два года! сказалъ опять отецъ Павелъ и засмѣялся.

Свербѣевъ молча вписалъ въ клѣтку 30 и вздохнулъ. Между тѣмъ вдова Папина все ёрзала на стулѣ, теребя свои манатки съ бумагами, и собиралась что-то сказать.

— Что вамъ, Ульяна Ивановна? спросилъ старшій Ковринъ, глядя, какъ дрожали мозолистыя руки у старухи.

— Я, Илья Ильичъ, право не знаю, какъ тутъ быть! сказала она, сюсюкая и шепелявя:— двѣ ревизіи сряду у меня люди показаны были при сорока пяти десятинахъ земли, а у меня земли, кромѣ усадебной, нѣтъ уже давно, болѣе двадцати лѣтъ, ни клочка...

— Въ острогъ, матушка, въ острогъ засадятъ! бухнулъ Ипокреновъ, подмигивая на насъ.

Чашка изъ рукъ Папиной брякнула на столъ. Я едва успокоилъ старуху, за неграмотностію ея попросивши прописать эту оговорку младшаго изъ Ковриныхъ. Но трехъ-аршинный бѣлокурый юноша, не смотря на свои двадцать пять лѣтъ, также оказался неграмотнымъ. Ихъ отвѣты на программы продолжалъ писать отецъ Павелъ....

Число скота господскаго и крестьянскаго, количество

земли пахатной, сѣнокосной, лѣсной, удобной и неудобной подѣ рѣками, дорогами и усадьбами, выгонной и подѣ оврагами, также записано примѣрно. Все шло, какъ по маслу. Всѣ другъ у друга справлялись, вписывали и не замѣтили, какъ въ полчаса съ небольшимъ главныя статьи программы были рѣшены.

—Ну, фабрикѣ, заводоу, торговли и особой промышленности у васѣ, господа, вѣрно нѣтъ! сказалъ я: перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ полевой земли и усадебныхъ участковъ, а также къ настоящему устройству быта и стоимости содержанія вашихъ дворовыхъ....

—Давайте! весело подхватило общество.

Лица всѣхъ сіяли. Вечеръ лилъ потоки очаровательныхъ огней и, кажется, не хотѣлъ сходить съ неба. Даже дѣвицы Фіалковскія повеселѣли и какъ будто пополнѣли.

—Вы, Сысой Иванычъ, первый назначайте: по чемъ кладете десятину пахатной земли? спросилъ я Свербѣева.

—А по чемъ? Меньше нельзя, какъ сто цѣлковыхъ. Вѣдь это въ вѣчныя времена имъ отойдетъ....

—Какъ это?! Полтораста!... сначала робко отозвались другіе голоса, а потомъ всѣ зашумѣли и никого уже нельзя было разслушать.

—Меньше двухъ сотъ нельзя! кричала до охриплости и съ пѣной у рта незамѣченная до тѣхъ поръ, совершенно сморщенная старушка, безъ одинаго зуба во рту и въ черномъ чепчикѣ съ плерѣзами:—нельзя! какъ можно,

и того мало... Вѣдь это наше,—наше! Да говорятъ же вамъ—наше! Двѣсти! Меньше двухъ сотъ нельзя!

Я протестовалъ.

—Подумайте; отъ васъ требуютъ правды. Гдѣ же слыханы такія цѣны? Вы на себя накличете бѣду, вызовете недовѣріе правительства...

Всталъ Ипокреновъ.

—Нѣтъ, ужь па-а-звольте! Я это дѣло рѣшу: вотъ, на примѣръ, мой хлыстикъ; онъ стоитъ въ лавкѣ цѣлковый—да купецъ-то можетъ за него просить хоть миліонъ! Спросъ мѣры не знаетъ. Когда я гостилъ у Шамя, онъ одинъ разъ заговорилъ мнѣ черезъ переводчика: Досифей, говоритъ, что можно, говоритъ, взять за мой архалухъ?...

—Пошла коза на базаръ, пошла писать! возразилъ толстый Свербѣевъ:—расскажите лучше, какъ вы золотую руду открыли...

Ипокреновъ присѣлъ опять на коврѣ, крикнулъ и замолчалъ, косясь на своего вѣчнаго врага, Свербѣева.

Я пустился объяснять, что такое цѣна вещи и какъ ее опредѣляютъ; какъ земля цѣнится по десятилѣтней сложности средняго дохода. Всѣ соглашались со мной; но все-таки цѣну десятины требовали поставить по крайней мѣрѣ 75 р. сер. Уже почти въ сумеркахъ мы помирились на 40 цѣлковыхъ, и всѣ, въ графѣ поземельной цѣны, выставили 40.

—Засѣданіе закрывается! сказалъ я съ улыбкой: завтра утромъ надо будетъ осмотрѣть планы вашихъ поземельныхъ участковъ и опредѣлить величину усадебныхъ земель у каждого. Абрамъ Ильичъ этимъ займется утромъ и къ обѣду все кончитъ. А мы пополнимъ еще кое-какія мелочи...

Все встали, разынаясь въ любезностяхъ и удивляясь, отчего они сами такъ долго не могли приступить къ отвѣтамъ и все только посматривали на листки программъ лежавшихъ у нихъ по окнамъ и за зеркалами, въ пыли и подъ слоями паутины.

—Вѣдь для этого вамъ нужно было только собраться и общимъ совѣтомъ положить, какъ написать, приблизительно хотя, ваши отвѣты...

—Собща! Въ томъ-то и дѣло! замѣтилъ старшій Ковринъ: соберите-ка насъ! Да мы для выпивки только и умѣемъ собраться, а мелкопѣрыя барыни наши для толковъ о нарядахъ... Не пришли вы повѣстки, да и сами не пріѣзжай, мы бы и за годъ цѣлый вамъ не отвѣчали..

Все начали наперерывъ приглашать меня и Говоркова, кто на ужинъ, кто на ночлегъ къ себѣ, кто на все время на квартиру. Но мы отказались, не желая обидѣть прежней хозяйки, Вѣncesлавской, не покидавшей меланхолическаго выраженія своего маленькаго лица. Мы еще гуляли по улицамъ. Мѣсяць взошелъ и обливаль яркимъ, свѣтомъ сады и бѣлые домики. Соловьи пѣли

неумолкаемо, прерывая наши толки—то о содержаніи дворовыхъ, о ихъ одеждѣ, обуви и харчахъ, то о цѣнности усадебъ. И въ то время, какъ пернатые пѣвцы сыпали свои пѣни съ горы, изъ древесныхъ кущъ, въ обрывы надъ Отавой, госпожа Папина распространялась о стоимости сѣрыхъ штановъ для Терѣшки и двухъ рубахъ въ годъ изъ домашняго холста для какой нибудь Усти или Кятри, а неграмотный третій Ковринъ доказывалъ, что нѣтъ возможности опредѣлить цѣнности ихъ домовъ, потому что съ нихъ по десятилѣтней сложности доходовъ сложить нельзя. Вечеръ, какъ въ незабвенныхъ похжденіяхъ Гентетникова и Чичикова, закончился катаньемъ по Отавѣ, на лодкѣ отца Павла, при чемъ Ипокреновъ не преминулъ сперва явиться сущимъ рыбакомъ, заломить шляпу на бекрень и затянуть волжскую пѣню, а потомъ пустился разсказывать, какъ онъ былъ представленъ ко двору въ Петербургъ и какъ одна иностранная принцесса, бывшая тамъ, давала ему понюхать табаку изъ своей алмазной табакерки... Тутъ же онъ влѣпилъ разсказъ о катаньи на лодкѣ по огромной рѣкѣ у Шамя, съ его женами. И когда Свербѣевъ сказалъ напроосто: «Врешь, старче! на Кавказѣ такихъ рѣкъ нѣту!» Ипокреновъ прибавилъ: «Есть; только мы еще до нихъ не доходили!»

Блаженные, тихіе уголки! И его слушали, слушали, съ съ замирающимъ любопытствомъ. И никто во всей Соро-

копановкѣ, (не перечь ему только Свербѣевъ) такъ легко не разъяснялъ европейской политики, не мирилъ и не ссорилъ иной разъ Австріи съ Франціей и Англии съ Россіей, какъ Ипокреновъ. Положено было на рѣкѣ, что вѣрнѣйшее число стоимости годоваго содержанія дворовыхъ съ души будетъ вышее 40, среднее 20 и низшее 10 руб. сер. въ годъ. А почему 40 или 20? Этого никто не рѣшилъ бы,.. Эти цѣны обѣщались внести въ программы на утро и доставить мнѣ отъ всей Сорокопановки.

— А какъ вдругъ по сороку цѣлковыхъ велятъ платить дворовымъ въ годъ, если мы это подпишемъ? спросили нѣкоторые.

— Ну, что же,—и будете! сказалъ развязно Ипокреновъ.

Общество замолчало и погрузилось въ думу.

— Э, господа! закричалъ опять Ипокреновъ:—пишите больше; а то за границей скажутъ, что вы еще морили голодомъ людей!

Слова его подѣйствовали.

— Вы, старче, о чужихъ краяхъ намъ не говорите, возразилъ ему Свербѣевъ, составлявшій единственную оппозицію Ипокренова:—говорите лучше о Шамилѣ!

Добродушные жители разошлись. Мы тоже съ Говорковымъ ушли въ усадьбу Вѣнцеславской и скоро улеглись въ знакомой комнаткѣ, съ запахомъ инбиря и кал-

гана, гдѣ уже окна были закрыты и освѣщены яркимъ мѣсяцемъ. Соловьи пѣли, какъ околдованные...

— Вы потрудитесь, сказалъ мнѣ уже въ окно, неожиданно явившись изъ темноты съ надворья, Ипокреновъ:—завтра назначить сходку здѣшнимъ дворовымъ и пояснить имъ на сходкѣ, чего имъ ждать и что слушать?

— Такихъ сходокъ не положено въ моихъ инструкціяхъ! отвѣчалъ я съ кровати, по чистой совѣсти не видя большаго проку въ Цицероновскихъ объясненіяхъ съ нашимъ смиреннымъ простонародьемъ.

— Нѣтъ, какъ уже хотите, а я къ вамъ соберу — прибавилъ Ипокреновъ, уходя и крича черезъ заборъ:—смотрите же, поговорите! Бонъ-нюи!...

Инбирь и калганъ скоро насъ усыпили.

— Не забудьте завтра, Абрамъ Ильичъ, пораньше заняться съемкой хотя еще трехъ-четырехъ усадебныхъ участковъ Сорокопановки,—сказалъ я, поворачиваясь къ стѣнѣ: — или снимите общій планъ, а отдѣльные участки мы оговоримъ со словъ владѣльцевъ. Къ концу меня разбудите!...

Было свѣтло совѣмъ, когда я открылъ глаза. Говорковъ сидѣлъ, сгорбившись, противъ свѣта и, держа конецъ пера у самаго носа, свирѣпо чинилъ его, отхватывая огромные куски ножемъ.

— Вотъ, говорилъ онъ, и толкуй! Да тутъ такой хаосъ, что и не приведи Господи!

Я засмѣялся.

— Надо быть веселѣе, Абрамъ Ильичъ, и смотрѣть на вещи легче!

— Да, хорошо вамъ, а я съ зари возился, и хотъ плюнь...

— А что?...

— Да то, что въ этихъ усадьбахъ самъ чортъ ногу сломаетъ! Обошелъ я всю дачу сорокопановскую, составилъ списокъ владѣльцевъ и пошелъ по дворамъ, чуть солнце взошло. Что же бы вы думали? Спросишь: покажите, гдѣ границы вашей усадьбы, двора, сада и огорода? А онъ и говоритъ: то мое, что видите, да и то, чего не видите и что перешло вонъ туда; это его отецъ отмежевалъ насильно и объ этомъ уже прошеніе подано! И пошло: хвостъ одной усадьбы влѣзъ въ голову другой: садъ этого перекинулся за огородъ того; а посреди ихъ всѣхъ помѣтился еще колодезь и кухня третьяго. Какъ тутъ ихъ усчитать? Все переплелось и спуталось. Жили прежде безспорно, а теперь, какъ пошло дѣло на объявленіе правъ, такъ на стѣну лѣзутъ. Чубченко грозится жаловаться на меня, а вдова Папина даже съ полѣномъ какимъ-то по улицамъ стала бѣгать,—носитя съ бумагами и тычетъ ихъ всѣмъ подъ носъ. Ходятъ кучками, на плетни повлѣзали и смотрятъ, что я дѣлаю! А двое объявили на-просто, что поколотятъ меня, если я ихъ обмѣрю...

— Ну, что же вы?

— Приблизительно прикинулъ по десятинѣ съ четвертью на усадьбу среднимъ числомъ, и баста! А тамъ уже пусть сами до мелочей опредѣляютъ свои границы. Семь усадебъ легко, впрочемъ, было снять, и я нанесъ ихъ на планѣ. Да этого, пожалуй, и инструкціи наши не требуютъ! Вѣдь этого не въ недѣлю — и въ годъ не выполнишь...

— Оно конечно; а все-таки надо это по возможности собрать. Вы ихъ просили дать на это свои свѣдѣнія?

— Какъ же!

— Ну, наша астроябля въ другихъ мѣстахъ пригодится!

Мы вышли въ залъ. Подали чай. Хозяйка по прежнему сидѣла задумчиво, глядя въ полъ и поднимая на насъ восторженные глаза. А по полу уже ходили и галки съ мѣшочками, и куцая сорока, и параличная болонка. За чаемъ, безъ промежутковъ, подали жареныхъ въ сметанѣ соленыхъ перепелокъ, форшмакъ изъ карася и селедокъ, и вареники съ капустой.

— Пора, пора дальше! говорилъ я, потихоньку между тѣмъ распуская подъ сюртукомъ на спинѣ запасныя пряжки:—что-то господа обыватели нейдутъ!

— А вотъ и они! сказалъ Говорковъ, глянувъ черезъ силу въ окно.

Онъ также едва сидѣлъ на стулѣ отъ жирныхъ уго-

щений Вѣнцеславской. Особенно насъ подкузьмили какія-то луковицы, паренныя съ начинкой изъ крупъ и яицъ въ маслѣ.

Вчерашніе знакомцы снова вошли и чинно сѣли по залѣ. Всѣхъ набралось человѣкъ двадцать пять. Иные были уполномочены сосѣдями и принесли подписанныя программы? Всѣ сидѣли съ пакетами въ рукахъ.

— Что же, господа, готовы программы? спросилъ я вѣжливо, поклонившись на всѣ стороны.

— Готовы.

— Абрамъ Ильичъ! отбирайте и внесите въ листъ имена представившихъ.

Говорковъ быстро принялъ отвѣты. Всѣ молчали и вздыхали.

Свербѣевъ тоскливо глянулъ на Чубченка и сдвинулъ плечами.

— А усадьбы скоро крестьяне выкупятъ? спросилъ Свербѣевъ.

— Миѣ неизвѣстно.

— Полноте насъ морочить! Мы не дѣти....

— Какъ угодно, вѣрьте, не вѣрьте!

— Кому же извѣстно?...

— Какъ рѣшить комитетъ и какъ утвердятъ выше!

Свербѣевъ вторично пожалъ плечами и, вздохнувши, опять медленно повелъ глазами сперва на Чубченка, а потомъ на потолокъ.

Господа присутствовавшіе стали шопотомъ совѣщаться другъ съ другомъ. Иные вставали и долго стояли другъ у друга надъ ухомъ. Говорковъ вписывалъ между тѣмъ имена подавшихъ свѣдѣнія въ сорокопановскій реестръ.

Поднялъ голосъ старшій Ковринъ.

— Ну, а скажите, барщина по прежнему будетъ три дня на крестьянъ, а на дворовыхъ шесть дней въ недѣлю?... Вѣдь у насъ все дворовые! добавилъ онъ, тоскливо ловя мои взгляды.

— Не знаю и этого. Все дѣло рѣшить губернской комитетъ....

Младшій Ковринъ перешелъ на цыпочкахъ къ старшему и что-то сказалъ ему на ухо, размахивая руками. Всѣ снова усѣлись и замолчали.

— Теперь, господа, сказалъ я, повѣривши списокъ:— изъ тридцати двухъ владѣльцевъ Сорокопановки въ срокъ къ маю, представили свои отвѣты только семеро; восемнадцать владѣльцевъ дали свои отвѣты мнѣ теперь лично. Остаются еще семеро. Передайте имъ, что они подвергнутся всей строгости начальства и сами понесутъ лишенія, если о ихъ имѣніяхъ дѣло будетъ рѣшено заочно, безъ точныхъ свѣдѣній. Черезъ двѣ недѣли открывается комитетъ и свѣдѣнія ихъ уже не примутъ за составленіемъ губернскаго свода. Вы же, господа, чтобы не оставались въ невѣдѣніи о главныхъ началахъ реформы,

заявленныхъ правительствомъ, то вотъ вамъ эти начала. Я уполномоченъ ихъ вамъ сообщить....

И я прочелъ публикаціи правительства по газетному листку. Всѣ слушали молча и напряженно, не спуская съ меня глазъ.

Свербѣевъ, стоя, долго и упорно чесалъ себѣ въ затылкѣ и сопѣль, ворочая налитыми кровью глазами. Наконецъ, когда я кончилъ, онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и сказалъ:

— *Bien merci, merci!* Но позвольте на пару словъ...

Отведя меня въ сосѣдную комнату, онъ вдругъ засуетился, говоря: «ничего, ничего!» заперъ дверь, подошелъ ко мнѣ, хотѣлъ что-то сказать, кашлянулъ и не зналъ, что говорить. Руки его дрожали, багровое лицо было въ поту....

— Экуте, началъ онъ, оглядываясь: — насъ никто не видитъ! Бѣсъ поberi всякія тонкости! я человѣкъ прямой.... Скажите всю правду, что тамъ съ нами будетъ? Я ни кому не скажу! а намъ нужно! Откройте по секрету...

— Да говорю же я вамъ, что ничего не знаю....

— Ну.... экуте!... я вамъ....

И Свербѣевъ неожиданно сунулъ руку въ боковой карманъ своей венгерки.

— Вотъ.... благодарность.... между нами.... дѣсять цѣлковыхъ; это приношеніе нашего общества! прошепталъ

онъ, дрожа, и красный, какъ ракъ, сталъ кланяться и протягивать мнѣ засаленную депозитку.

Я разсмѣялся и отвелъ его руки. Онъ опять:

— Возьмите; же-ву-при.... Или мало?...

— Полноте; не стыдно ли вамъ! сказалъ я и ступилъ къ двери:—вѣдь вы же сами меня выбрали! Вѣдь я не чиновникъ, я вашъ же товарищъ,—и вы мнѣ даете взятку! Ну, стану ли я измѣнять вашимъ интересамъ? Клянусь честью, я ничего не знаю.... Ну, вѣрите ли мнѣ? Честью клянусь!

Свербѣевъ быстро спряталъ деньги, круто повернулся на каблукахъ, вышелъ въ залу, гдѣ отшатнулась отъ дверной скважины куча любопытныхъ лицъ, и я видѣлъ, какъ, при входѣ къ нимъ, онъ свирѣпо махнулъ и головой и руками въ направленіи ко мнѣ, какъ бы говоря: «нѣтъ, чортъ его поberi, не поддается, хриstopродавецъ!»

Собраніе встрѣтило меня съ совершенною и отмѣнною сухостию.

— Такъ вы уже ничего намъ не скажете, господинъ губернской депутатъ? спросили меня разомъ и Коврины, и Чурилка, и Ипокреновъ, столпясь вокругъ меня.

— Ничего!

Свербѣевъ между тѣмъ, оправляясь и презрительно постукивая ногами, дерзко ходилъ по залѣ, шагая передъ самымъ моимъ носомъ.—Кто-то хотѣлъ начать веселый разговоръ, но Свербѣевъ обернулся къ своимъ и сказалъ:

«Да что, господа! здѣсь болѣе намъ нечего уже слушать! Тончайшій человѣкъ!» и онъ съ судорожнымъ смѣхомъ замахалъ головою.

Положеніе мое дѣлалось невыносимо. Всѣ стали раскланиваться. Я отвѣшивалъ двойные поклоны.

— Па-а-звольте! отозвался Ипокреновъ:—тамъ у отца Павла во дворѣ собраны здѣшніе крестьяне. Поговорите съ ними. Мы просимъ васъ.

— Право, господа, совѣстно мнѣ.... Ну, что я имъ буду говорить? Не время еще; ничто еще не рѣшено!

Говорковъ толкнулъ меня въ бокъ и кивнулъ къ себѣ пальцемъ. Я подошелъ къ окну.

— Позвольте мнѣ поговорить за васъ; я поговорю! сказалъ онъ шопотомъ.

— Ну, извольте! пойдете! сказалъ я вслухъ и взялъ шапку.

Мы пошли всеѣмъ обществомъ. Вѣнцеславская, провожая насъ съ крыльца, изъ-за кучи птичьихъ клѣтокъ, объявила, что стыдно такъ рано ѣхать и что мы обязаны у нея отобѣдать. Лошадей нашихъ уже запрягли, и мы отказались, благодаря отъ души хозяйку. Мимо клѣтокъ на крыльцѣ и клѣтокъ у погреба, мы сошли въ садъ. Садомъ шла дорожка въ яръ, яромъ на гору, и косогоромъ спускалась опять въ улицу, къ усадьбѣ священника. Изъ-за угла горы мы увидѣли толпу крестьянъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, въ разныхъ положеніяхъ. Священникъ, по

прежнему въ подрясникѣ, ходилъ передъ ними и что-то весело говорилъ. Мы подошли. Дворяне презрительно остановились въ сторонѣ. Ипокреновъ, съ иронической улыбкой глядя на меня, помахивалъ хлыстикомъ и крутилъ усы. Съ другаго конца улицы спускалась уже наша запряженная нетечанка.

— Ну, шепнулъ я Говоркову:— начинайте вашу рѣчь! Да пора уже и ѣхать!...

Говорковъ обдернулъ фалды порижѣлаго своего сюртука, ступилъ шагъ, ступилъ два, кашлянулъ, глянувши какъ-то бокомъ въ землю и какъ-то особо пискнувши, и отрывисто спросилъ: (разговоръ шелъ по-малороссійски):

— А что, хлѣпцы, вѣрите ли вы мнѣ?

Всѣ съ удивленіемъ переглянулись между собою.

Отвѣта не было.

— Я спрашиваю васъ, хлѣпцы, вѣрите ли вы мнѣ и тому, что я скажу? Когда бы я былъ въ свиткѣ, вотъ въ такой, какъ вы всѣ ходите, то вы бы мнѣ повѣрили....

Двое или трое изъ переднихъ засмѣялись. Остальные изъ толпы хранили тупое молчаніе, и держа въ рукахъ шапки, смотрѣли внизъ. Тутъ я окинулъ ихъ пристальнѣе взглядомъ. Все это были дворовые, то есть исключительно почти одни батраки, бобыли бобылей, то есть мелкопомѣстныхъ. Лица здоровыя и жирныя, но притупленные отъ выраженія лѣни и равнодушія. Одежда у

всѣхъ была сборная, какъ на толкучкѣ: у инаго армякъ, у другаго ополченская поношенная свита, даже съ тремя померованными пуговицами; у остальныхъ — то бѣлая рубаха, то ситцевый жилетъ, съ гребешкомъ на веревочкѣ у пуговики, то долгополая хуторянская свитка, то порыжѣлая плисовая чуйка. Въ сторонѣ, презрительно улыбаясь, стояла красноносая и плечистая баба, въ сапогахъ, въ уланскомъ мундирѣ и на-веселѣ...

— Вѣримъ, отвѣтилъ впереди всѣхъ сперва тихо и еще искоса поглядывая черезъ заборъ, за которымъ стояли дворяне, моложавый и широкоплечій парень, въ кожаномъ фартухѣ, что-то въ родѣ кузнеца или скорняка:—слыхали мы про тебя, что ты хорошій панъ; когда еще въ городѣ служилъ, то слыхали!—

Ипокреновъ на ухо Свербѣеву шепнулъ:

— Ишь, ракалии; они все знаютъ! И говорятъ, что они ничего не смыслятъ и ни за чѣмъ не слѣдятъ... *Allons* отсюда; пойдѣмъ лучше къ Антонъ-Антоньчу. У него сегодня сынъ именинникъ!...

— Всѣ мало по малу ушли...

— Ну, такъ слушайте же, коли вѣрите! сказалъ Говорковъ, крикнувши и усиливая голосъ.—Его видно такъ же стѣсняли непрошенные зрители...

Толпа сдвинулась тѣнѣе, хотя съ тѣмъ же выраженіемъ лѣни и сонливаго равнодушія.

— Давно уже, хлопцы, началъ Говорковъ:— давно

у васъ идутъ толки о вольности. Въ народѣ еще и не то толкуютъ.... И всякую вамъ ложь и неправду злые люди говорятъ. Вѣдь такъ?

— Такъ! слышалось въ толпѣ, и глаза у нѣкоторыхъ просіяли.

— Ну, такъ знайте же, что паны ваши сами хотятъ дать вамъ вольность, и царя про то просили, и царь на то согласился. Вольность и будетъ, да надо только подождать... Подождите, хлопцы, подождите!

— А вотъ, продолжалъ Говорковъ: — знаете ли вы, что въ Россіи пятьдесятъ, да и съ хвостомъ еще, губерній, — а въ губерніяхъ по 10 и по 15 уѣздовъ? Ну, и совѣтуются теперь всѣ эти пятьсотъ уѣздовъ, какъ бы дѣло вышло лучше? Это такъ: положимъ, вольность — это новая свитка. Ну, паны захотѣли дать вамъ новую свитку. Ну, и давайте ее, надѣвайте, да чтобъ только, когда надѣнете, то была бы она на всѣхъ и во всѣхъ мѣстахъ одинакова. А то что же за покрой и польза, когда, не зная, что у сосѣда дѣлается, сошьете рукавъ желтый, а тотъ сошьетъ воротникъ синій, а третій сошьетъ полу одну красную, а другую, какъ у тебя вонъ жилетъ, зеленую, спинку же сошьетъ такую, что и напалець не надѣнешь...

— Такъ, такъ! заговорили въ толпѣ, хихикая, и лица поднялись на Говоркова: конечно, что и говорить! надо такъ сдѣлать, чтобы одинаково было всякому!

— Ну, а метла на небѣ, эта звѣзда, что по вечерамъ видна, ничего не значить? спросилъ изъ толпы парень, въ кожаномъ фартухѣ. Ему не дали договорить и удержали его за полы...

Абрамъ Ильичъ не умолкалъ долго. Толпа его слушала внимательно. Я оглянулся: отецъ Павелъ, надѣвши очки, стоялъ, облокотившись объ оконницу, и, держа въ рукахъ раскрытую книгу, должно быть Священное Писаніе, что-то въ ней кропотливо приискивалъ....

А солнце безмятежно свѣтило, ярко и вмѣстѣ тихо, безъ обычнаго зноя. Пѣтухи и другія птицы еще недавно заливались по плетнямъ, соломеннымъ крышамъ бѣлыхъ мазанокъ и по цвѣтущимъ, уютнымъ садамъ тихихъ усадебъ мелкопомѣстной Сорокопановки; а теперь, какъ нарочно, затихли и будто также слушали неслыханныя рѣчи Абрама Ильича. Тучка набѣжала на солнце за Отавой. Трепетная, прохладная тѣнь накинулась на рѣку, на луга и на половину села, съ зеленѣющею на холмѣ и далеко видною усадьбою Вѣнцеславской. Только за церковью раздалось серебристое, тоненькое ржанье жеребенка, какъ будто искавшаго потерянную имъ, среди огромнаго церковнаго выгона, мать....

Часа черезъ два толпа крестьянъ разошлась, молча какъ-то въ разсышку, не глядя почти другъ на друга, долго не надѣвая шапокъ и медленно, какъ бы не хотя

скрываясь въ концѣ гористой и зеленѣющей улицы. Абрамъ Ильичъ говорилъ ловко и находчиво. Онъ достигъ, чего хотѣлъ. Дворяне могли успокоиться. Одинъ только паренъ въ фартухѣ будто не хотѣлъ угомониться и, ставши въ-далекѣ на бугрѣ, среди улицы, вдругъ свиснулъ и закричалъ: «А что, хлѣбцы, пойдѣмте лучше въ шинокъ; можетъ тамъ и еще потолкуемъ!» Не видно было, послушалнсь-ли его остальные мужики.... Блѣдный и молчаливый сѣлъ Говорковъ, по окончаніи объясненій, въ нетечанку, ткнулъ носъ въ шинель и до слѣдующей деревни, верстѣ двадцать пять, не сказалъ ни слова. Его будто слегка подергивало. Я также молчалъ. Мысли мои носились далеко-далеко, впереди, между голосами и тѣнями другихъ, уже видѣнныхъ и еще не видѣнныхъ мѣстностей нашего театра дѣйствій.

— А что, Абрамъ Ильичъ, о чемъ вы думаете? спросилъ я Говоркова, когда мы по пути вѣзжали въ новое село, село богатаго барина, имѣвшаго сахарный заводъ.

— Скверно на душѣ! отвѣтилъ Говорковъ: — точно кого нибудь обидѣлъ или неловкое слово сказалъ...

Мы остановились у рѣзныхъ, раскрашенныхъ барскихъ воротъ. Говорковъ опять засуетился, опять сталъ рыться въ бумагахъ и прочелъ въ списокѣ фамилій имя новаго владѣльца: *«Ардалионъ Аркадьичъ Простъ-Прощеновскій; 400 душъ, въ двухъ смежныхъ поселкахъ.»*

Насъ встрѣтили другія картины и лица. Но еще долго въ памяти у меня была тихая Сорокопановка, съ разными галками и сойками, съ Вѣнцеславскими, Свербѣвыми и Ипокреновыми, село не село, посадъ не посадъ и городъ не городъ, куда вдругъ повѣяло новою, необывалою еще жизнію....

III.

ПЕНСИЛЬВАНЦЫ И КАРОЛИНЦЫ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ГУБЕРНСКАГО ДЕПУТАТА А. С. С.—).

«О родина моя!...»

N. N.

Недаромъ зовутъ наши новороссійскія степи и нашу Украину краемъ крайностей. Здѣсь съ одной стороны какъ будто одолѣваютъ преданія старосвѣтскія, представители которыхъ, въ незлобіи души и тучности тѣла, желаютъ сохраненія всего, что было прежде, или, какъ говорятъ здѣсь, сохраненія «дѣдовщины» и «батьковщины». Съ другой, здѣсь ясно забираютъ силу молодые побѣги явленій новыхъ, наплывныхъ, колониальныхъ, для которыхъ еще столько хранятъ простора наши пустынные, воспримчивыя и привольныя степи. Чуждыя всякаго консерватизма, онѣ отъ созданія міра свободно пропустили черезъ себя тучи всякихъ бродячихъ переходныхъ племенъ и всякихъ понятій и вѣрованій, оставляющихъ послѣ себя либо благодатныя сѣмена, либо

темные и непонятные слѣды, въ родѣ здѣшнихъ таинственныхъ истукановъ, нашихъ смиренныхъ «каменныхъ бабъ». По всѣмъ новымъ вопросамъ тутъ рѣшительно тѣ-же Соединенные Штаты Сѣверной Америки, съ которою наша молодая Украинская Новороссія имѣетъ вообще столько родственнаго. Недаромъ и для слова колонія здѣсь давно есть свое слово: «займка». Такъ и по крестьянскому дѣлу, здѣсь явились свои пенсильванцы и свои каролинцы, свои сѣверные штаты, поклонники эманципаціи, и свои южные, противники ея.

Сравненіе съ Соединенными Штатами Америки озадачить читателя.

Но право такъ. Наша степная, украинская колонія имѣетъ много общаго съ родиной и любимымъ дѣтищемъ Вашингтона. Здѣсь кроются дѣльные уроки и для самой метрополіи. Та же благодатная дѣвственная почва и пока та же испорченность большинства первыхъ ея колонизаторовъ. Позднѣйшіе пришлецы, поселенцы новые, идущіе и бѣгущіе сюда безъ обветшалыхъ привилегій на готовый, вѣками заготовленный трудъ, безъ старыхъ претензій и предразсудковъ, съ однимъ путеводителемъ — силою рукъ и жаждою честныхъ работъ, и съ живыми, бойкими и смѣлыми, денежными капиталами, захватываютъ здѣсь теперь послѣднія, еще не занятая мѣста. Та же здѣсь, какъ и въ Америкѣ, смѣсь сословій и народовъ, и та же поэтому горячая мѣстная

борьба умирающаго съ начинающимъ жить. Только нѣтъ тутъ еще, какъ въ странѣ Бостона и Филадельфіи, ни каналовъ, ни очищенныхъ и оживленныхъ рѣкъ, съ громадными пароходами; нѣтъ пятисотъ-тысячныхъ населеній въ здѣшнихъ смиренныхъ, еще первобытныхъ казацкихъ городкахъ, восемьдесятъ лѣтъ назадъ бывшихъ маленькими и глухими запорожскими «займками». Лѣнятся еще эти «займки» и до сихъ поръ у тощихъ рѣчонокъ, на пустынныхъ равнинахъ, въ пологихъ и тихихъ степныхъ котловинахъ, не увѣнчанные пока ни исполинскими трубами паровыхъ фабрикъ, ни складочными магазинами всесвѣтной торговли. Рѣки плывутъ себѣ тихо, омывая малолюдныя поля, бревенчатые и бѣдные хутора и жалко вспаханныя нивы, и прыгая, какъ во времена былыя, какъ, вѣроятно, было и при Адамѣ, черезъ каменныя гряды непобѣжденныхъ пороговъ. Молчатъ наши степи. Ихъ зеленыя равнины не оглашаются еще звуками желѣзныхъ чудовищъ, въ иныхъ странахъ давно раскидывающихъ свои дымовыя полосы по вѣтру. По прежнему здѣсь, съ весны, бродятъ по пустыннымъ пыльнымъ «шляхамъ» тяжелые чумаки, лѣнливо погоняющіе своихъ лѣнливо шагающихъ воловъ. Осенняя и весенняя грязь у насъ еще, по прежнему, историческая грязь. Многого еще, многого здѣсь нѣтъ. За то уже появляются у насъ новые, не бывалые люди — «степныя янки». Это сыновья бѣдныхъ помѣщиковъ, новыхъ куп-

цовъ и чиновниковъ, кончившіе курсъ въ университетахъ и неслужащіе. Бойкіе и ловкіе практики, они ищутъ работъ другихъ, горячихъ и болѣе подвижныхъ. Рыская съ мелкими, сколоченными капиталами, они съ виду мало разнятся отъ тѣхъ же нашихъ купеческихъ подрядчиковъ и прикащиковъ приморскихъ хлѣбныхъ конторъ, отъ бродячихъ кулаковъ, странствующихъ маклеровъ и прочей перелетной торгующей птицы, съ давнихъ поръ, еще отъ генуэзцевъ, населяющихъ шумными кочевьями наши степныя и побережныя мѣста и отважно свивающихъ нынѣ свои гнѣзда тамъ, гдѣ водились еще недавно однѣ цапли да пеликаны. Странствуя въ мѣщанской дубленкѣ и сапогахъ выше колѣнъ, эти небывалые господа, янки, являются сюда въ видѣ коммиссіонеровъ, агентовъ и директоровъ разныхъ новыхъ обществъ. И смотришь — то тамъ подъ ихъ началомъ склеилась контора, то здѣсь уладилось и пошло вѣрное и бойковое торговое дѣло, созидаются фабричныя дома, огромныя паровыя мельницы. Это квартиргеры нашихъ будущихъ Вашингтоновъ. Какъ на диковинку, еще засматриваются здѣсь на ихъ бодрія, здоровыя и какія-то сіяющія лица. Это же по преимуществу и наши пенсильванцы. Но есть у насъ, повторяю, и свои каролинцы. Эти большею частію сродни римскимъ гусямъ. Напервомъ словѣ у нихъ старина и былыя патріархальныя преданія. Тайнственные и мрачныя патріоты, господа каролинцы

большею частію опираются на примѣры старобытной, старосвѣтской Малороссіи. Это наши южные казакофилы, хотя въ старомъ казачествѣ было болѣе свободы, чѣмъ въ ихъ требованіяхъ. Ихъ внѣшнее знамя — поклоненіе салу и вареникамъ. Ихъ идеаль — возвращеніе родныхъ степей ко временамъ Хмѣльницкаго. Небольшой кругъ нашихъ любимыхъ народныхъ писателей съ ними ничего не имѣетъ общаго. Они плачутъ надъ виршами Сковороды, считая этого мистика за поэта, плачутъ надъ слабѣйшими изъ повѣстей Квитки и не признаютъ Гоголя. А наши дни, наши вѣрованія, имъ не по сердцу. Словомъ, здѣсь, какъ вездѣ: умъ работаетъ, безуміе ему несетъ преграды...

Свѣденія о помѣщичьихъ имѣніяхъ были собраны и внесены въ губернскіе комитеты. Комитеты открыли и закрыли свои засѣданія. Много высказалось дѣльныхъ мыслей, много выдвинулось живыхъ людей. Пенсильванцы и каролинцы, аболіціонисты и анти-аболіціонисты, сошлись на послѣдней исторической раздѣлкѣ, вступили въ борьбу, спорили, писали, составляли сходки, ополченія. Губернскій застой оживился и передалъ движеніе уѣздамъ. Уѣзды раздѣлились на свои враждебные станы, зашумѣли, а кое-гдѣ шумятъ и до сихъ поръ. Изъ городовъ волненіе перешло въ хутора и деревушки. Въ городахъ оно давало волны большія, морскія, если не волны самого океана; здѣсь оно отозвалось мелкою зыбью

рѣчонокъ. Оживились такіе дома, гдѣ уже все, казалось, давно умерло, отпѣто и погребено. Тутъ также открылись ставни, крыльца усыпались песочкомъ, въ комнатахъ явились гости и всё спорщики. Явились сюда и невиданныя здѣсь вовсе газеты. Старые забытые очки вынуты изъ ящика; пожелтѣлыя стекла въ нихъ протерты; заржавленные ободки вычищены. Читаются правительственные циркуляры, списки выборовъ, программы; читаются печатныя журнальныя статьи. Тамъ съѣздъ, тутъ съѣздъ. На съѣзды къ холостымъ депутатамъ даже являются непрощенными шестидесятилѣтнія барыни - хуторянки, съ молодыми внуками. И имъ подавай циркуляры и списки; и имъ объясняй программы и печатныя статьи. Враги барынь находятъ даже, что эти неожиданные наѣзды съ ихъ стороны — не болѣе, какъ ловкое видоизмѣненіе прежнихъ способовъ выставить на показъ своихъ засидѣвшихся невѣсть: то возили на балы, а теперь на гражданскія сходки... Подмѣшалась тутъ, разумѣется, и всегдашняя уѣздная и губернская грязь. Она смѣло липнетъ къ колесамъ нашей торжественной колесницы. Бездарные уѣздные остряки прежде потѣшились уличными сплетнями, описывая въ тупоумныхъ пасквиляхъ какіенибудь смиренныя балы или семейные вечера, куда они сами-же первые подобострастно вторгались. Теперь эти уѣздные памфлетисты перенесли свои стрѣлы на степенныхъ депутатовъ по крестьянскому дѣлу. Къ чести пен-

силванцевъ надо сказать, что они, какъ партія пока торжествующая, не прибѣгаютъ къ этимъ пасквилямъ. За то каролинцы носятъ усердно въ своихъ сановныхъ и горделивыхъ карманахъ замасленные списки сатиръ на своихъ ненавистнымъ собратій и сами на старости лѣтъ становятся памфлетистами, какъ школьные мальчишки. Составляются враждебныя эманципаторамъ сходки, адреса; пишутся угрожающія подметныя письма...

А время идетъ своимъ путемъ, и пенсильванцы все-таки празднуютъ пока побѣды, задаютъ пиры, произносятъ рѣчи. Избиратели видятъ, кто торжествуетъ, и заранее со вздохомъ спѣшатъ кроить на новый ладъ свой бытъ, свои вѣрованія и свои привычки. Много драмъ разыгрывается въ маленькихъ хуторкахъ, много надеждъ разбивается подъ соломенными и камышевыми кровлями, много позднихъ и не-спасающихъ уже слезъ проливается изъ старыхъ глазъ. Нашихъ Кавуровъ зовутъ предателями, нашихъ Меттерниховъ превозносятъ послѣдними и безплодными оваціями. Старики взываютъ, что дожили до временъ, когда прійдется имъ повѣсить на деревьяхъ свои люти и «сѣдѣти и плакати на рѣкахъ вавилонскихъ». Молодые ждуть-не-ждутся увидѣть зарю жизни новой. Въ печальныхъ попыхахъ только тѣ, кто, какъ дѣвы библейскія, въ ожиданіи прихода жениха, найдены въ-расплохъ, съ угасшими свѣтильниками.

А солнце свѣтитъ по былому, по старому; такъ же

взойдетъ, поглядитъ во все яркіе глаза, повеселитъ степь и пажити, сады и покосы и закатится. Дни идутъ; жатва спѣетъ; серпъ и коса машутъ и блестятъ на солнышкѣ. День прошелъ; зной смѣненъ прохладой душистаго, степнаго вечера. Новыя села тѣснятся между хатами старыхъ: это—хлѣбныя и сѣнныя клади новаго сбора, загромождающія собою токи и дворы. Пыль клубится. По дорогѣ съ поля ползутъ громадныя золотыя жуки, скрипя и звеня по пригорку: это ѣдутъ возы, нагруженные червоно-золотыми копнами пшеницы. На возахъ ѣдутъ хуторянки. Черныя бойкіе глаза смотрятъ оттуда. Длинные, въ ладонь шириной, горделивыя косы качаются надъ снопами. Вечеръ тихъ. Только черныя глаза посматриваютъ на одинокій степной проселокъ. Съ нимъ сливается за пригоркомъ битая столбовая дорога. По ней летятъ почты и курьеры. И вьется дорога столбовая далеко, далеко, туда, гдѣ лежитъ милый и пока молчаливый сѣверъ..

Быль полдень. Мѣсто—подъ Сагайдачнымъ Лугомъ, гдѣ сходятся дороги изъ Макарославскаго уѣзда въ Южнобайрацкій.

Мы ѣхали оягь съ Говорковымъ, и въ той же петечанкѣ, въ которой представились впервые читателю, по пути въ Сорокопановку. Теперь мы пробирались на Желтыя-Воды, на отдыхъ послѣ трудовъ комитетскихъ.

Товарищъ мой и бывший секретарь, въ той же гороховой шинелькѣ и смятомъ картузѣ, обдаваемый клубами

бѣлой, густой пыли, умирая отъ зноя и духоты, по прежнему не унывалъ и ободрялъ меня разсказами.

— Слышали вы, Александръ Сергѣичъ, у Ницнемацкихъ опять съѣздъ?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Эти господа такъ и метяютъ въ колоновожатые, такъ и хотятъ попасть въ кругъ передовыхъ, передъ нашими смиренными Павлѣнками, Дублѣнками, Макаренками и Назарѣнками!

Клубъ новой убійственной пыли обдалъ опять нетечанку и скрылъ на мгновение Говоркова. Но опять высунулись оттуда его голова и рука. Онъ силился дохнуть чистымъ воздухомъ и кашлялъ.

— А слышали вы, что не только господинъ Пяльскій, добрыйшій, впрочемъ, старикашка, едва умѣющій подписать свое имя, сочинилъ цѣлый проэктъ эманципаціи, даже барыня Забайрачная уневѣстилась пишущей братіи! Вообразите, эта барыня, кромѣ шутокъ, сочинила и написала собственноручно, говорятъ даже на картузной какой-то бумагѣ, полный проэктъ эманципаціи для края, возить его въ каретѣ шестерикомъ, устраиваетъ литературные вечера, тычетъ его каждому, ѣздила съ нимъ къ губернатору и чуть не разбранила губернскаго предводителя на улицѣ за то, что тотъ отъ нея бѣгалъ, какъ отъ чумы, и семь разъ ей не сказался дома. То-то бойкая дама!

—Вы сегодня, Абрамъ Ильичъ, очень злы: осыпаете насмѣшками даже полезныхъ людей.

—Со смѣху люди бываютъ! заключилъ Говорковъ и закашлялся. Пыль рѣшительно залѣпила ему все горло.— Впрочемъ, нынче уже всѣ тычутся въ передовые; да поздно! И рада бѣ теперь наша мама за пана, да панъ не беретъ!... Охъ, проклятая пыль!...

И онъ опять закашлялся и скрылся въ пыли.

Скоро мы спустились въ долину. Дорога пошла зеленымъ, сыроватымъ лугомъ, безъ пыли и духоты. Впереди рисовались вербы и поселокъ. Это была недавняя еще слобода бывшихъ южныхъ военныхъ поселеній.

Сбитыя и полуразрушенныя кирпичныя пирамидки вели къ слободѣ, по бокамъ всей дороги. Онѣ имѣли прежде назначеніе скрашивать и указывать дорогу и бѣлились поэтому, чистились и поправлялись ежегодно міромъ. Теперь ихъ тайкомъ поселяне развозили на поправку печей. Издали еще, при вѣздѣ въ околицу, мы увидѣли полосатые столбы и шлагбаумъ съ цѣпью сельской, нынѣ упраздненной также, гауптвахты. Намъ, при вѣздѣ въ слободу, никто уже не опустилъ роковой перекладины. Заржавленная, забытая цѣпь ея уныло висѣла. На тяжеломъ концѣ праздно-вброшеннаго шлагбаума сидѣла стая воронъ. А на площадкѣ тутъ же лѣпившейся маленькой гауптвахты бѣгала и шумно суетилась безпечная толпа ребятишекъ, весело крича и со смѣхомъ съ-

для другъ друга. Улицы, по случаю полевыхъ работъ, были совершенно пусты.

—Вотъ, замѣтилъ Абрамъ Ильичъ:—тутъ недалеко живетъ отставной капитанъ, имѣеть свой собственный хуторокъ и десять тысячъ капиталу въ сундукъ. Онъ былъ здѣсь военнымъ волостнымъ, и я его коротко зналъ, даже чай у него пивалъ. Вообразите, онъ всегда говорилъ вмѣсто гауптвахты—абафта, вмѣсто слишкомъ—слыш-комъ, вмѣсто комитетъ—комикетъ, а отлично зналъ службу...

—Абрамъ Ильичъ, пощадите! Лучше взгляните, какова слободка: заглядѣнье!

—Да-съ, свободное нынѣ, государственное село!

И, вздохнувши, онъ повелъ кругомъ тусклыми, желтоватыми глазами. Кучеръ тоже, какъ бы угадавши наши мысли и давая лошадямъ посмотрѣть на село, ѣхалъ шагомъ.

Мы оба переглянулись: такъ очевидно измѣнился образъ слободы, которую мы оба знали. Видно урожай особенно великъ былъ въ эти два года. Село ломилось отъ хлѣба и сѣнныхъ стоговъ. Я особенно всегда любилъ эту слободку, сорокъ лѣтъ назадъ вольную и обращенную потомъ въ военное поселеніе. Лучшихъ временъ ея я не помню. Сорокъ лѣтъ прошло, и она опять принимала прежній, домашне - пестрый видъ. Поселяне радовались, что они опять—хуторяне... Прежде всѣхъ хозяева до-еди-

наго чумаковали, то есть ходили въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою. Теперь, хозяева - землепашцы опять начинали составлять чумацкія «валки». На эту слободку нельзя было не наглядѣться. Переставши быть Новосамарскомъ и ставши опять былою, тихою Цвѣтовѣнкой, она особенно привлекала взоры, какъ всѣ здѣшнія государственныя села, своимъ хлопотливымъ, добродушнымъ домоводствомъ и свойственнымъ хуторянамъ довольствомъ малымъ. При взглядѣ на ея бѣлыя хатки, гнѣздившіяся въ разсыпку, по пригоркамъ ея извилистыхъ, между ярами и буграми, улицъ, казалось, что эти хатки строили бобры, а ласточки ихъ обмазывали. Хатка на хаткѣ и садъ переплетается садомъ. А внизу — пруды, одинъ вытекаетъ изъ другаго; въ нихъ много рыбы. Вербами обсажены берега. Улицы выются между садами. И все зелень, да бѣленькія хатки, да гладенькія, соломенные крыши. Четыре церкви, усердно содержимыя обществомъ. вмѣсто волостнаго, выборный изъ села голова, въ простой долгополой свитѣ, по мѣстному степному обычаю — безъ бороды.

— Хорошо село! проговорилъ даже нашъ кучеръ, ткнувши въ воздухъ кнутомъ съ козелъ нетечанки.

— Какъ бы однако сюда опять не затесался волостной, въ родѣ того, что вмѣсто гауптвахта говоритъ «абафта!» заключилъ мой спутникъ.

— Трогай! сказалъ онъ кучеру, и мы выѣхали опять въ поле.

Лошади пробѣжали еще часа два или три. До подорожной корчмы, гдѣ мы рассчитывали кормить, оставалось не болѣе пяти верстъ. Надо было только переѣхать новую долину и рѣчку. Кучеръ сталъ уже спускаться въ долину. Намъ дремалось. Вдругъ онъ вскочилъ, замахалъ кнутомъ и давай кричать по своему: «О-о! ге-е-й! а ну, бисовы сыны, паняйте съ мосту!» Нетечанка стала.

— Что ты?

— Да гляньте, вонъ...

И онъ указалъ кнутомъ. Съ пригорка видны были внизу рѣка и узенькая жалкая плотинка. Два громадные обоза передними возами съѣхались—одинъ съ той стороны рѣки, а другой съ этой, съѣхались на самой плотинкѣ, сцѣпились колесами и не могли податься ни впередъ, ни назадъ. Кучка озадаченнаго народа копошилась близь сцѣпившихся колесъ. Другіе сидѣли молча или тутъ же стояли, ковыряя въ носяхъ. Кучеръ съ бранью всталъ и пошелъ къ плотинкѣ, помахивая кнутомъ.

— Что мы будемъ дѣлать? сказалъ я въ досадѣ:— солнце заходить, а обозы столкнулись такіе, что, какъ говорится, когда задъ ихъ спать собирается и кашу варить, то передъ уже Богу молится и отправляется въ походъ.

— Извѣстное дѣло, будемъ ждать! началъ Говор-

ковъ:—теперь ихъ самъ чортъ не разведетъ! Я уже знаю, какъ это дѣлается! Должно быть, вожаки ѣхали себѣ да ѣхали, то есть шли себѣ, помахивая кнутами. Каждому и захотѣлось понюхать у встрѣчнаго табаку. Вотъ, забывая о томъ, что сзади двигалась громада другихъ воевъ, они и съѣхались на мостку. «Здравствуйте!» — «Здравствуйте!» — «А-ке, лишень, дядьку, кабаки!» Тотъ и наставилъ тавлинку. Нюхаютъ и нюхаютъ, и другіе слазять съ воевъ и тоже нюхаютъ. А воезы себѣ сходятся и сходятся. Ну, колеса затрещать, они и ахнуть...

Кучеръ нашъ воротился разобиженный.

— Ну, что?

— Обломались, съ хурами соли, какъ разъ на мосту...

— А что! Я же вамъ говорилъ! съ радостью крикнулъ Говорковъ:—теперь тутъ ужъ просидимъ до вечера.

— Когда бъ до вечера! замѣтилъ кучеръ:—воевъ и до утра не разведешь; съ плотины некуда податься—надо разгружать хуры...

Мы слезли съ нетечанки, легли на травѣ и закурили сигары. Долго еще возились чумаки у воевъ. Долго еще неслись оттуда брань и споры. За нами раздался звонокъ и стукъ колесъ. Черезъ минуту съ горы показался экипажъ, четверкой, въ пыли. Не зная, подобно намъ, что было внизу, онъ стремглавъ, звеня бубенчиками и колокольчикомъ, понесся туда. Крики нашего кучера остановили его. Двѣ бѣлыя холстинковыя фуражки высуну-

лись изъ оконъ крытой коляски. — «А? что?» спрашивали въ сумеркахъ фуражки. Мы рассказали, въ чемъ дѣло. — «Ну, Павладій, бери вправо по берегу!» стоически заключили фуражки, знавшіе видно, лучше насъ, нужные сноровки при подобныхъ встрѣчахъ. Мы спросили: «А развѣ направо проѣдешь?» — «Проѣдете: тутъ есть другой мостокъ — вонъ и дорожка туда идетъ. А тамъ сейчасъ Улановка Дѣдятовскаго. Мы туда ѣдемъ. Всего семь верстъ осталось...» — «Дѣдятовскаго? Романа Романыча?» спросили мы съ Говорковымъ въ одинъ голосъ. — «Да-съ. Тамъ именины и съѣздъ.» Коляска быстро свернула вправо и полетѣла лугомъ надъ рѣкой, подхваченная сытою и рослою четверкой.

Мы взглянули другъ на друга. Дѣдятовскаго знали мы оба и любили, не смотря на его екупость и причуды. Это былъ помѣщикъ другаго съ нами уѣзда и каролинецъ. Какъ честные пенсильванцы, мы бы не поѣхали въ такое время гражданскихъ схватокъ къ каролинцу и плантатору, слѣдовательно къ нашему врагу. Это бы у насъ назвали лѣзариствомъ и неимѣніемъ такта. Но то былъ владѣлецъ другаго уѣзда, и притомъ истинно-невинный и простой человѣкъ. Разность въ убѣжденіяхъ насъ съ нимъ не поссорила и теперь.

— Признаюсь, хотѣлось бы посмотрѣть на съѣздъ тамошнихъ, сказалъ Говорковъ: — да Романъ Романычъ кстати и именинникъ! Поѣдемъ къ нему. Сколько вре-

мени уже мы не были у него! Да тамъ же всегда и безъ церемоній. А гостей своихъ, особенно, напимѣръ, изъ офицеровъ, онъ даже иногда и по фамиліи не знаетъ!

И мы свернули влѣдъ за коляской. Нетечанкѣ, впрочемъ, было не подъ силу гнаться за нею. Мы скоро отстали.

— Догоняй богатаго, что вѣтра въ полѣ! заключилъ Абрамъ Ильичъ, печально свистнувши влѣдъ за круглымъ гоготаніемъ ея лежачихъ рессоръ, исчезавшихъ вдаль, по тропинкѣ, между темными уже камышами.

Мы также вѣхали въ камыши.

— Да еще какъ! продолжалъ нашъ кучеръ, все еще въ отвѣтъ своимъ недавнимъ перебранкамъ съ чумаками на плотинѣ:—я пришелъ, спорю; а они мнѣ: «да вы, *бываетъ*, не изъ жидовъ, что добрыхъ людей въ такомъ дѣлѣ попрекаете?» А! мы, съ панами, жиды!!» — И его огорченію не было предѣловъ.—«А я имъ!» продолжалъ возница: «ахъ, вы душегубы! Чтобъ вамъ сто-надцать лихорадокъ, да сто болячекъ, да все прыщи и свищи! Такъ вы пановъ жидами звать?...» одного даже за чубъ взялъ, да бросилъ послѣ; ну, его...

Дорога свернула влѣво. Лошади свободно простучали по какому-то мостку. Черезъ полчаса мы впотьмахъ вѣхали въ село.

— Это Улановка?

— Нѣтъ, еще не Улановка, а Гусаровка: Улановка че-

резъ двѣ версты! отозвался чей-то голосъ изъ темноты.

Названія селъ произошли отъ предковъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, бывшихъ друзей. Одинъ служилъ въ уланахъ, другой въ гусарахъ. Это они и оставили по себѣ на память.

Какъ въ Гусаровкѣ, такъ и въ Улановкѣ, при нашемъ проѣздѣ, съ заваленокъ хатъ вскакивали и шмыгали за ворота какія-то пары.

— Это все влюбленные! шепталъ опять Абрамъ Ильичъ: матери и отца нѣтъ дома — парубокъ и садится, обнявшись съ дивчиною. Сидятъ себѣ въ парочкѣ «дружкуются», «женихаются». А въ концѣ села, у какогонибудь свата, уже окна свѣтятся. Тамъ идетъ гульня. Старые условливаются о сватовствѣ дѣтей. И сидятъ эти влюбленные всю ночь, пока, по здѣшнему повѣрью, заря скажетъ мѣсяцу: «мѣсяченьку, мой братику! осветимо звиря въ полѣ, щуку-рыбу въ морѣ, чумака въ дорози!» Только блескъ мѣсяца, да стукъ панскихъ колѣсъ и разгонять этихъ счастливыхъ до новой встрѣчи. И чего только они не перетолкуютъ: про свое хозяйство, про работы, кто изъ нихъ что въ этотъ день сработалъ, и что ему сказано, и какъ они устроятъ свое теплое житье-бытье послѣ свадьбы! А у насъ? баринъ стоитъ на колѣняхъ передъ барышней и говоритъ: «я-съ васъ люблю-съ!» Тьфу! Ажно противно! Да еще иной разъ на французскомъ діалектѣ!... Я никогда такъ не говорилъ!

Мы въѣхали въ ворота и подь крыльцо освѣщеннаго дома. Множество экипажей стояло въ полусвѣтѣ у конюшни.

— Панъ по мечу и кудели! шепталъ Говорковъ, выльзая изъ нетечанки: — панъ отъ двѣнадцати колѣнъ панскихъ, этотъ нашъ пріятель Дѣдятовскій! Въ гербѣ у него, говорятъ, суцая шляхетская диковина: пуль-пса и пуль-кôзы, да, какъ говорятъ еще въ Польшѣ, «чърна вѣшка по бембѣмку гôпке біе!»

Кто-то распахнулъ на крыльцо двери, и насъ разомъ обдало свѣтомъ.

— А! Скавронскій! Говорковъ! какая радость!

И Романъ Романычъ уже душилъ насъ въ своихъ объятіяхъ.

— Вонъ, кричалъ онъ, таща насъ на крыльцо:—что значить мѣстоположеніе! Живу на самомъ пупѣ земли, на бугрѣ; ко мнѣ и слетаются всѣ братья! Пожалуйте!

Но, сказавши это, онъ тутъ-же засуетился и исчезъ. Мы прошли въ боковую особую комнату, наскоро перелѣлись и пошли въ залъ.

Не успѣли мы туда войти, какъ Дѣдятовскій уже стоялъ въ толпѣ другихъ, окружавшихъ какого-то разскащика.

Романъ Романычъ былъ по старому въ ермолкѣ, для прикрытія своей полнѣйшей плѣши, въ сѣренькомъ сюртукѣ и съ огромнымъ клѣтчатымъ платкомъ въ ру-

кахъ, по случаю нюханія табаку. Не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и очень маленькій ростъ, Романъ Романычъ сохранялъ еще много бойкости и подвижности права. Страсти въ немъ еще кипѣли. Тѣло было уже плоховато, какъ отзывался порою онъ самъ. Голосокъ у него былъ тоненькій и онъ часто заливался веселымъ смѣхомъ. Выйдя рано въ отставку и женившись на милѣйшей и красивѣйшей женщинѣ, онъ скоро вдался въ хозяйство, но остался въ немъ, какъ и въ своихъ убѣжденіяхъ, охранителемъ стараго. Сорокъ лѣтъ онъ прохозяйничалъ, но не улучшилъ имѣнія ни на волосъ, и въ концѣ могъ сдать его въ томъ видѣ, какъ принялъ. Получая порядочный, но ровный всегда доходъ, онъ и его не проживалъ. Гдѣ-то, въ сундукахъ ли, или на сторонѣ, составился у него значительный капиталъ. Но, смотря уже въ гробъ, одолаваемый болѣзнями, предтечами послѣдней расплаты, онъ не могъ сказать: я привольно пожилъ на свѣтѣ! Теперь уже и хотѣть-то онъ ничего не могъ. Его деньги были—орѣхи подъ старость беззубой бѣлкѣ. Скопидомство перешло въ скупость. Сперва свои сборы онъ беречь изъ разчета не заявитъ ихъ молодой женѣ и молодымъ друзьямъ; потомъ сталъ таить, какъ мрачный и негодный скряга. И говорятъ, боясь сдѣлать о нихъ даже завѣщаніе, чтобы не узнали про нихъ и не промотали ихъ дѣти, онъ могъ вовсе погубить этотъ капиталъ». Любя искусства отъ природы, онъ и теперь еще игралъ

часто на скрипкѣ и на фортепьяно. Но, отставши отъ литературы за хозяйствомъ, т. е. за самую дурною стороною хозяйства — за сидѣньемъ надъ работникомъ, съ утра до вечера, онъ уже не понималъ современныхъ явленій мысли и прикрывалъ себя довольно пошлою и жалкою отговоркою. — «Вы читаете что нибудь теперь, Романъ Романычъ?» спрашивали его. — «Э! не читаю ничего, кромѣ бѣбулы, (оберточной бумаги), отвѣчалъ онъ: — съ тѣхъ поръ, какъ карбонары стали писать тамъ всякое эдакое!» Не имѣя на головѣ ни одинаго волоска, Романъ Романычъ всегда носилъ длинные сѣдые усы.

— А! шепнулъ мнѣ Говорковъ, когда мы вошли и стали незамѣченные въ толпѣ другихъ: посмотрите, — Романъ Романычъ и броду запустилъ, а ругаетъ радикаловъ!

Въ самомъ дѣлѣ, у него изъ-подъ жабо торчала пресмѣшная, бѣлая, какъ кружевной воротникъ, борода. Онъ ее поминутно гладилъ. Послѣ мы узнали, что эту бороду онъ запустилъ потому, что одинъ его знакомый, старикъ и его другъ, тоже запустилъ ни съ того, ни съ сего бороду.

— Онъ умный человѣкъ и даромъ ничего уже не сдѣлаетъ! говорилъ Романъ Романычъ: — отпущу и я бороду, а при встрѣчѣ его спрошу, зачѣмъ это; коли нужно, — оставлю, а нѣтъ, — то сбрею!

— Ха ха ха! раздалось вдругъ среди залы изъ круга слушателей...

Мы съ шапками подошли ближе.

— А я ему говорю! продолжалъ разскащикъ: — что же, что вы въ комитетѣ были?...

— Ну, что же онъ? что же онъ? заговорилъ было кто-то изъ толпы слушателей.

Разскащикъ, говорившій, какъ говорили на сходкахъ въ былыя времена гетманы, т. е. по мѣстному выраже- нію, всѣхъ озираючи и ни на кого особенно не глядя, бросилъ презрительный взоръ на вопросившаго, сердито сбиль пальцемъ пепель съ папироски, помолчалъ, вздохнулъ и началъ снова.

— Ну, я и пошелъ его валять, и пошелъ! Да мы, говорю, васъ, щелкоперовъ, на выборахъ прокатимъ! Да мы теперь и губернскаго предводителя на воронихъ провеземъ! Да мы васъ опубликуемъ! Что вы? А?! а?! Насъ продавать?...

Слушатели и самъ Романъ Романычъ раболѣпно молчали, внимая этимъ перунамъ.

— Кто это? шепнулъ я на ухо молодому бѣлокурному господину, стоявшему впереди меня, именно одному изъ двухъ, встрѣченныхъ нами у плотины въ бѣлыхъ фуражкахъ.

— Пивантьевъ....

— Что же онъ такъ сердится?

— А видите ли, онъ теперь чернить дѣйствія нашего уѣзднаго депутата по комитетѣ; этотъ депутатъ ему

бѣльмо въ глазу. На выборахъ того единогласно выбрали, а Пивантьева забалотировали.

Новый хохотъ покрылъ какую-то выходку ликующаго Пивантьева. Онъ самодовольно отошелъ къ сторонѣ и направился въ гостиную къ дамамъ. Слушатели тоже разошлись, кто въ кабинетъ, гдѣ играли въ карты, а кто въ садъ, гдѣ гуляли дѣвицы.

— Это, однакожъ, пріятно! прибавилъ бѣлокурый незнакомецъ: — у толпы есть въ спокойныя минуты свой инстинктъ самосохраненія. Теперь она этому господину дѣйствительно аплодируетъ, а тогда его не выбрали. Говорятъ, Пивантьевъ прежде служилъ въ какой-то комиссіи и былъ нечистъ на руку...

— Пойдемте къ дамамъ, шепнулъ Говорковъ.

Сѣвши къ сторонѣ, въ гостиной, мы окинули глазами присутствующихъ. Слава Богу, ни одной знакомой!

— Правда ли, Марѳа Петровна, говорила, при нашемъ входѣ, одна помѣщица въ зеленыхъ лентахъ другой, бывшей въ коричневыхъ, набирая себѣ на блюде варенья, что уже наши дѣвки намъ ни шить, ни прясть ни вязать, ни служить безъ денегъ не будутъ?

— Правда, матушка, правда, отвѣчала дама въ коричневыхъ лентахъ.

— Такъ позвольте же васъ спросить, неожиданно крикнула та же дама въ зеленыхъ лентахъ:—какъ же

я буду жить, когда у меня девятеро дочекъ, а имѣнія, кромѣ долговъ моего Филаши, ничего нѣтъ?

— Плохо, плохо! пицала низенькая въ розовыхъ лентахъ сосѣдка говорившей: много миѣ рассказывали, много читали, и про какія-то урочныя работы, и про общины толковали. Ни клочка не поняла и не припомню изъ всего,—хоть Богъ меня убей, ни клочка, клянусь моею душою! Такъ написано!...

—Да еще то диво, что не чувствуютъ стыда! прибавила первая дама, въ зеленыхъ лентахъ:—даже выѣзжаютъ уже въ свѣтъ, къ избирателямъ въ мирные дома входятъ!

—Это на нашъ счетъ! шепнулъ миѣ Говорковъ:—стыдитесь!

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Слуги разносили конфекты и арбузы.

—А будетъ ли выкупъ? спросила протяжно молодая дама, недурная собой и не скидавшая перчатокъ.

Ей не отвѣтили.

—Я полагаю, что выкупъ, потому что это разомъ разрѣшитъ нашъ міровой вопросъ! нѣсколько учено прибавила милая дама, бойко разрѣзывая маленькими ручками арбузъ, но не безъ волненія видя, что ея собесѣдницы ей не отвѣчаютъ, не смотря на ея перчатки и миловидность.

На какой-то новый вопросъ она опять не дождалась

отвѣта. Только вилка судорожно звякнула въ рукѣ дамы съ зелеными лентами, усердно уплетавшей арбузъ.

—Милая пенсильванка! замѣтилъ Говорковъ:—пойду къ тебѣ на помощь!—и подѣлль къ ней.

Не рекомендованные, по случаю близкаго конца праздничнаго дня, какъ и двое-трое другихъ, подѣлльхавшихъ еще послѣ насъ, мы свободно располагались, гдѣ хотѣли. Оставя Говоркова съ «милой пенсильванкой», я пошелъ въ кабинетъ.

Тучи дыма висѣли надъ игравшими въ карты. Съ дивана, сквозь тотъ же дымъ, торчали ноги и головы бесѣдовавшихъ. Какъ новый человѣкъ въ краѣ, и здѣсь я былъ не замѣченъ.

—Да, продолжалъ разговоръ, съ дивана, молодой человѣкъ, съ длинными черными волосами и недурной собой:—ужь и выдумали же штуку—уступить, продать имъ земли!... Да я-то этого не хочу! Я-то, слышите ли, не хочу! Земля моя—и баста! Или уже, если продавать, такъ по вольной цѣнѣ! Я меньше двухсотъ цѣлковыхъ за десятину не возьму!...

—Семь въ червяхъ! Вистъ! Пасъ! отдавалось на это со столовъ играющихъ въ карты.

У окна въ креслахъ сидѣлъ высокій, рябой, мѣдно-цвѣтный, какъ житель Отаити, господинъ, въ рыжеватобуромъ парикѣ, толстый и сырой, лѣтъ восьмидесяти, держа и ворочая въ рукахъ изломанную, замасленную

пуховую городскую шляпу и поминутно обливаясь потомъ. На него рѣшительно никто не обращалъ вниманія. Внукъ хозяина, девятилѣтній разбойникъ, сзади то посыпалъ ему сахару на парикъ, чтобъ липли на него мухи, то просто его щипалъ и толкалъ. Не принадлежа къ кругу помѣщиковъ, этотъ господинъ, впрочемъ, держалъ себя гордо и, утирая потъ съ лица, презрительно улыбался на иные разговоры. Кто-то съ дивана сказалъ, что теперь ходитъ вообще множество всякихъ темныхъ слуховъ.

—Да, повторилъ рябой старикъ и всталъ, порывисто двигаясь въ короткихъ брюкахъ и во фракъ съ протертыми локтями, какъ у Робера Макера:—въ наше время этого не было. Тогда уважали законность! да, законность! Вотъ и у меня, въ мои дни, когда я былъ губернаторомъ—вѣдь я былъ губернаторомъ!—никто у меня не уходилъ безъ аттенціи—ни-ни! *Suum cuique!* Всякому была дана помощь! А теперь?! Насъ презираютъ...

И онъ обвелъ кабинетъ желтыми, воспаленными глазами, теребя въ одной рукѣ шляпу, а въ другой клѣтчатый, бумажный, продыравленный платокъ.

—Да, теперь, добавилъ онъ шопотомъ и озираясь:—да! пришли послѣднія времена!...

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ тотъ же бѣлокурый знакомецъ нашъ, съ бѣлой фуражкой, и съ нимъ Говорковъ.

—Что, Андрей Петровичъ, что ты тутъ, наговорилъ опять и навралъ? спросилъ громко и насмѣшливо бѣлокурый.

Старикъ ошалѣлъ, завертѣлся, кашлянулъ и сѣлъ со словами, что онъ многое слышалъ въ городѣ.

—Въ городѣ? Да ты, ваше превосходительство, въ городѣ уже пять лѣтъ не былъ! Лучше попроси у меня цѣлковый на вышивку, а не ври! Иначе исправнику пожалуюсь!

Исправника старикъ, какъ видно, очень боялся, потому что замолчалъ окончательно.

Сидѣвшіе у стола стали опять играть. На выходку бѣлокураго никто не обратилъ вниманія. Старикъ былъ очевидно въ черномъ тѣлѣ у общества.

— Кто это?, спросилъ я Говоркова, указывая на бѣлокураго.

— Турбачёвъ, старшій братъ... ихъ два брата, здѣшніе богачи. Этотъ отказался отъ выборовъ два раза. У обоихъ пять тысячъ десятинъ земли. Ведутъ хозяйство по новому способу и сущіе янки. Не служатъ, путешествуютъ, хозяйничаютъ и живутъ въ свою волю. Я съ этимъ сошелся. Благороднѣйшій пенсильванецъ! Дамочка, къ которой я подсѣлъ, ихъ сестра, жена одного содержателя пансіона, тоже умнаго человѣка. А главное — оба смѣлы, самостоятельны и съ языками, какъ бритвы...

Говорковъ меня сейчасъ познакомилъ съ Турбачевымъ.

— Очень пріятно: много слышалъ! сказалъ онъ раз-

вязно и собираясь опять съ натискомъ на стараго вѣстовщика.

— Кто это? спросили мы съ Говорковымъ у Турбачева про послѣдняго?

— О! это личность удивительная! началъ вполголоса веселый и развязный Турбачевъ: — это Андрей Петровичъ Кузничевскій. Онъ, дѣйствительно, былъ лѣтъ двадцать или тридцать назадъ гдѣ-то вице-губернаторомъ, жилъ въ богатѣйшемъ домѣ, задавалъ пиры, развратничалъ и любилъ хапанцы, но слегка, потому что было и свое имѣніе. Тогда же онъ обобралъ одного родственника, честнѣйшаго малаго, кажется Твѣрдова, отнялъ у него послѣдній хуторокъ. Теперь колесо повернулось. Твѣрдовъ нажилъ новый хуторъ; Кузничевскій прожился въ пухъ, отставленъ отъ службы и живетъ у него же на хлѣбахъ, въ какой-то лачужкѣ, вымаливая у своего роднаго по четвертаку на утѣху! Клянусь честью, это не сказка! Да погодите, я его еще спрошу, какъ онъ возилъ съ собою въ Петербургъ одну одинадцатилѣтнюю особу...

Но Турбачевъ замолчалъ.

Въ это время въ кабинетъ впопыхахъ вошелъ хозяинъ дома, нашъ почтенный Романъ Романовичъ. За нимъ шла толпа, и впереди всѣхъ опять Пивантьевъ.

— Господа, позвольте! Слушайте, слушайте! заговорилъ вполголоса старикъ Дѣдятовскій, самъ виѣ себя отъ восторга ломая руки и подобострастно глядя на Пиван-

тьева:—вотъ Макарь Макарычъ насъ опять подарить хочетъ разсказами! Что за штиль, что за слова! Чисто жемчугъ! Вотъ кто наши защитники, вотъ кого мы должны въ золотыя рамки вставить!...

— Разскажете! разскажете! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ сѣли. Пивантьевъ, не поднимая глазъ и попрежнему гетманомъ стоя среди комнаты, началъ:

— Это пустое, господа, это случай; но о немъ нельзя умолчать въ наши дни.

Онъ оглянулся. У дверей, качаясь отъ дремоты, стоялъ ребенокъ-казачокъ.

— Вышлите его вонъ! шопотомъ сказалъ Пивантьевъ. — Пошелъ вонъ! Чего ты, ракалія, стоишь тутъ? все подслушиваешь! крикнулъ хозяинъ дома.

Мальчикъ, качаясь, вышелъ.

— Да-съ, въ нашемъ уѣздѣ былъ недавно такой случай! говорилъ, озираясь, Пивантьевъ. — Вы, конечно, Зеленчукá помѣщика знаете? Хорошо. Всѣ мы его знаемъ. Вотъ онъ прожилъ до этой эманципаціи, или, какъ тамъ ее зовутъ наши филантропы, до ампутаціи, что ли, пятьдесятъ лѣтъ безвыѣздно на своемъ хуторѣ. И какое же несчастье постигло его въ жизни! Его дочка влюбилась въ мѣщанина; случилось даже такое дѣло, что она пошла за него замужъ—убѣжала и обвѣнчалась А? А?... И теперь гдѣ-то—увы!—живетъ наемницей, гувернанткой. Тамъ

же и мужъ ея нанимается. А?... Ну, вѣдь подло поступила? Такъ ли? Хотя и славная барынька сама по себѣ вообще? Отецъ отъ нея, разумѣется, отрекся. Правда, что и самъ онъ проживалъ въ утѣшеніи, то есть держалъ своихъ шамшүрокъ...

Слушатели молча и почтительно внимали разскащику. Турбачевъ презрительно усмѣхнулся.

— Такъ что же вы тутъ находите особенно печальнаго? спросилъ онъ, со сдержанной злостью.

Страшный ропотъ раздался въ кабинетѣ. Добрый но трусливый отъ природы, Дѣдятовскій чуть не плакалъ, смотря на Турбачева. Сперва онъ дергалъ его за фалды, чтобъ тотъ не заходилъ слишкомъ далеко, а потомъ началъ ругать его.

— Это удивительно, до чего доходятъ нынѣ молодые люди! пицалъ Романъ Романычъ: — какая смѣлость, какое даже нахальство, какая самонадѣянность! Молокососы!

— Романъ Романычъ, Романъ Романычъ! началъ медленно и со вздохомъ Турбачевъ, дрожащими руками оправляя себѣ галстухъ: — это правда, вы меня на рукахъ носили, почти нянчили; вы были дружны съ моимъ отцомъ; я моложе васъ. Да за что же оскорблять меня? И вамъ ли опять жаловаться на своихъ вассаловъ? Тоже сорокъ лѣтъ съ ними живете? А обидѣлъ ли васъ хоть единый?

Въ дверь вошелъ лакей и нагнулся на ухо къ Дѣдятовскому. Тотъ сталъ, какъ обваренный; дыханіе замерло и ротъ раскрылся. Онъ шагнулъ къ дверямъ.

— Что вы? спросили его.

— Э! это пустое! пришелъ атаманъ, староста: чего-то мужики мои пришли тамъ!

И онъ торопливо вышелъ.

Турбачевъ шепнулъ намъ:

— Вотъ трусъ! Нарочно обѣгу кругомъ дома и посмотрю, въ чемъ дѣло. Я уже знаю его...

Какъ школьникъ, вышелъ Турбачевъ въ сосѣднюю проходную комнату, раскрылъ окно, осмотрѣлся кругомъ и выпрыгнулъ въ садъ, а тамъ завернулъ за уголъ дома, къ крыльцу, куда собрались мужики Дѣдятовскаго.

— Мнѣ не нравится эта безобразность, безцеремонность Романа Романыча, началъ вслухъ покровительственно Пивантьевъ, едва тотъ ушелъ. Скверно то, что всегда здѣсь какой-то сумбуръ! Назоветъ кучу гостей, всякаго сброда! Всѣ тычутся по угламъ; нѣтъ того, чтобы усѣсться, да побесѣдовать съ умными людьми! Приѣзжаютъ и уѣзжаютъ, какъ изъ трактира. А тотъ еще благодарить за посѣщеніе!

— Семь въ пикахъ! Вистъ! Пасъ! опять раздалось съ карточныхъ столовъ.

— Макаръ Макарычъ, васъ зовутъ дѣвицы! слышался голосъ изъ дверей.

Пивантбевъ вскочилъ и ушелъ въ садъ. У окна, сквозь табачный дымъ, мелькнула бѣлая фуражка.

— Господа, пожалуйста сюда!

— Мы съ Говорковымъ подошли. —

Вообразите, началъ онъ шопотомъ: — это просто невѣроятное событіе. Я подкрался къ окну кабинета. Смотрю, нашъ-то почтеннѣйшій Романъ Романычъ прибѣгаетъ туда, въ потьмахъ зажегъ спичку, возится, руки дрожатъ, и за тѣмъ тихо шагнулъ въ лакейскую. Я припалъ со двора къ окну лакейской. Онъ что-то шепчетъ казачкамъ, разстаниваетъ ихъ, отвернулся опять, тайкомъ перекрестился и ступилъ въ сѣни. Тутъ уже я его дожидаль въ потьмахъ, у крыльца, у водосточной трубы. Онъ вышелъ, еле дышетъ, спрашиваетъ у мужиковъ: «Что вамъ надо?» Тѣ подходятъ ближе; онъ къ сѣнямъ.... Да уже кто-то побойчѣе вышелъ изъ толпы, поклонился и говоритъ: «Мы, пане, цѣлый день возили хлѣбъ, а теперь воротились съ поля и пришли васъ поздравить съ именинами!» И кланяются. Онъ даже икнулъ отъ неожиданности, тоже поклонился, велѣлъ атаману имъ дать по рюмкѣ водки, еще что-то сказалъ и ушелъ... Ужъ девять мѣсяцевъ онъ лично не является на полевая работы.

Мы не вѣрили словамъ Турбачева.

— Клянусь вамъ, господа, добавилъ онъ: — все это правда! — Да вотъ онъ и самъ! Подожду я тутъ у окна въ саду.

Вошелъ медленно Романъ Романычъ, даже съ улыбкой, утерся платочкомъ, смиренно сѣлъ, сложилъ на колѣняхъ маленькія ручки и безопасно вздохнулъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но дыханіе его еще было неровно и самъ онъ былъ изжелта-зеленоватый. Ермолка была на затылкѣ.

— Что, Романъ Романычъ, гдѣ вашъ сынъ теперь? Мы такъ давно его не видали! спросили мы съ Говорковымъ, въ ободреніе его.

— Сынъ мой, сынъ? Да!... Я было васъ не разсуждалъ!... Ходятъ всякіе слухи, какъ вообще теперь. Да Богъ его знаетъ, гдѣ онъ! Все просить у меня, однако, денегъ. Я же говорю: отчего не служишь? А онъ говоритъ: давайте денегъ! А гдѣ я возьму денегъ! Доходовъ нѣтъ уже тридцать лѣтъ, и я боленъ! Впрочемъ, сынъ мой не можетъ въ кавалеріи служить; а въ пѣхотѣ не хочетъ. А вонъ его сынъ, мой внучекъ, бѣгаетъ, все Кузничевскому сахару на парикъ подсыпаетъ! Видите! Вотъ геній! Кольми паче еще няньку ругаетъ такъ, что просто молодецъ!...

Романъ Романычъ отиралъ съ лица обильный потъ.

— Нѣтъ, вы позвольте, вы позвольте, отозвался съ дивана голосъ того самаго молодого, съ длинными черными волосами, человѣка, который цѣнилъ у себя землю по двѣсти рублей серебромъ десятину:— вы мнѣ скажите, можетъ ли быть въ наше время новое переселеніе наро-

довъ? Возможны ли движенія народовъ съ сѣвера на югъ? Я думаю, что нѣтъ! Я, слава Богу, таки-учился: знаю экономистовъ тамъ западныхъ. Именно нѣтъ. Литераторы тоже трезвонятъ о филантропіи, о любви къ ближнему! Подлецы! чистые подлецы! Это все выскочить хотятъ на нашъ же счетъ; извѣстное дѣло, имъ рисковать нечѣмъ!... На коль бы ихъ посадить — пусть любуются видами!—четвертовать! Нѣтъ, господа, дайте мнѣ хоть еще пять лѣтъ сроку, и я ворочу въ доходахъ тройную цѣнность имѣнія; а тамъ хоть трава не расти....

— Кто это? спросилъ я опять Турбачева.

— Это другъ Пивантьева, довольно богатый и не совсемъ глухой человѣкъ, Торбанинъ, если даже хотите, нѣсколько и нашъ братъ, степной «янки», отличный хозяинъ, но закоренѣлый эгоистъ въ душѣ.—И вѣдь что тутъ грустно, продолжалъ Турбачевъ, облокотясь изъ сада въ окно: — будь онъ фронтвикъ; а то вѣдь изъ нашихъ университетскихъ и даже товарищъ мнѣ по факультету! Учился-то онъ плохо и товарищъ намъ былъ такъ себѣ, не изъ лучшихъ. Но все же таки натерся около науки и хоть по наслышкѣ зналъ имена Бэкона, Смита, Маколэя и хоть, положимъ, нашего Грановскаго... А теперь каковъ? Порочить каждый шагъ нашихъ комитетовъ, ругаетъ всякую прогрессивную мысль—и это двадцати-семи-лѣтній студентъ, выпущенный шесть лѣтъ назадъ! Посмотрите, съ какимъ благоговѣніемъ

слушаетъ его Дѣдятовскій!... Пойдемте, господа, въ садъ; здѣсь свѣжѣе....

При нашемъ выходѣ изъ кабинета, Торбанинъ, кусая до крови ногти, вдругъ взмахнулъ длинными волосами и, скрипя зубами и показывая кулакомъ въ воздухъ, сказалъ:

—Развѣ не будетъ выборовъ! Это ни на что не похоже! это безчестно! У насъ завелись уже предатели, слуги пресловутой гласности—я ихъ знаю! Трезвонять, грабятъ насъ! На колъ ихъ! Въ Австрійи Радецкій ихъ розгами сѣкъ...

Мы вышли въ садъ. Тамъ было, дѣйствительно, свѣжѣе. Часа полтора мы ходили, слушая рассказы! Турбачева о хозяйствѣ.

—Мы съ братомъ Петромъ, говорилъ онъ:—получили имѣніе раззоренное, хотя и порядочное. Не было сѣна—мы наняли въ долгъ луга; стали дешевы овцы—мы въ долгъ купили ихъ у тѣхъ, у кого они падали отъ голоду; продали отцовскіе экипажи, мебель и всякій хламъ, устроили салотопню и въ одинъ годъ выплатили съ сала и наемъ луговъ и за овецъ, а салотопни продали черезъ годъ и выплатили главный долгъ на имѣніи. Мы завели машинное хозяйство. Я самъ пробылъ два года въ Ливерпулѣ, на фабрикѣ хозяйственныхъ машинъ, и вывезъ оттуда паровой локомотивъ. Черезъ годъ мнѣ^м половины крестьянъ нашихъ не надо уже. А братъ ѣдетъ весной въ Америку...

У освѣщенной бесѣдки мы увидѣли Пивантьева. Онъ стоялъ, опять окруженный дѣвицами, и съ полнымъ свойствомъ мѣднаго лба занималъ снова всѣхъ разсказами. Увы! онъ помѣшался на роли говоруна единственно только потому, что какая-то старуха-аристократка, бывшая когда-то большая практикантка на счетъ молодыхъ людей, проѣздомъ черезъ Южнобайрацкъ, сказала ему гдѣ-то, за обѣдомъ: «Да вы, мсье, краснобай! Владѣете слогомъ!»

—Я прошу васъ, дѣвицы, разрѣшить мнѣ одинъ вопросъ, говорилъ Пивантьевъ, развязно качаясь и охорашиваясь:—хорошо или нехорошо брать жалованье на службѣ по выборамъ?

Тѣ, разумѣется, молчали, робко прижимаясь другъ къ другу и пугливо слѣдя за его туманными намеками.

—Ну, такъ я же вамъ скажу, что наши филантропы...

—Ну, погоди же ты! прошепталъ съ холодной злобой Турбачевъ:—я же тебя оборву! Вотъ скотина! Извините, господа, за такія крупныя выраженія! Вы себѣ представить не можете, до чего безобразенъ этотъ господинъ!

Мы ушли въ темныя аллеи. Еще проговорили съ полчаса. Турбачевъ спрашивалъ о нашемъ южнобайрацкомъ уѣздѣ, — посѣвахъ, сборѣ хлѣба, дѣлалъ предположенія объ устройствѣ громаднаго общества для торговли хлѣбомъ, спрашивалъ о нашемъ губернскомъ положеніи о крестьянахъ, и вообще смотрѣлъ съ большимъ

сочувствіемъ на все сдѣланное депутатами. Говорковъ, хотя и не бывшій въ составѣ комитета, въ качествѣ моего друга и писмоводителя, просто ликовалъ.—«Экъ, душа-то, душа-то!» шепталъ онъ, толкая меня.

Передъ освѣщенной ротондой, въ одномъ мѣстѣ сада, гдѣ играла музыка, ходилъ съ понуренной головой, съдой, съ длинными бѣлыми волосами на головѣ и въ длинно-поломъ сѣромъ сюртукѣ, старикъ помѣщикъ.

—Это печальный примѣръ, это профессоръ и нашъ помѣщикъ! началъ Турбачевъ, указывая на старика: онъ попалъ въ сосѣдній съ вами комитетъ о крестьянахъ. Я былъ когда-то его ученикомъ, любилъ его всею душою, вѣровалъ въ него и ожидалъ отъ него всегда многого и многого! Его чтенія въ классахъ распаляли насъ страстною любовью къ людямъ! Онъ былъ у насъ гуманистъ въ полномъ смыслѣ слова, поклонникъ Гегеля, Гейне... Открылся комитетъ. Онъ и тамъ сталъ изъ первыхъ, въ ряду либераловъ; даже тайкомъ его называли краснымъ, чѣмъ онъ втихомолку и гордился. Такъ дѣла шли мѣсяца два! И что же,—какъ-то на носъ предсѣдателя комитета сѣла муха, въ то самое время, какъ этотъ почтенный либераль читалъ свою длинную рѣчь, по какому-то вопросу; тотъ громко чихнулъ; члены тоже чуть не дремали. Этотъ обидѣлся, перешелъ на сторону оппозиціи и запутался такъ, что подъ конецъ даже трудно было понять, чего онъ хотѣлъ. Онъ рѣшилъ тѣмъ, что ки-

нулся въ объятія отсталыхъ, плантаторовъ,—но и тѣ его, говорятъ, не приняли.... Жаль мнѣ его; истинно добрый человѣкъ, только очень мягкій. Мы какъ-то съ пріятелями недавно поминали его: «Покойся, сномъ праведника, чистая карьера благо гегелиста; ты сталъ помѣщикомъ и все позабылъ!» говорили мы, расцѣвая надъ жонкой студенческія пѣсни.

—Пожалуйте ужинать! сказалъ слуга, добѣжавшій къ намъ на прямикъ, черезъ вишенникъ и поляны сада.

Въ ярко освѣщенной залѣ, мы уже всехъ застали въ сборахъ усаживанія за столъ и выбрали себѣ три мѣста рядомъ.

Стулья прогремѣли, слуги вошли съ дымящимися тарелками. Все шло чинно; дѣти гостей сидѣли за особымъ столомъ: самъ хозяинъ сидѣлъ на одномъ концѣ стола, жена его на другомъ. Пивантьевъ среди дѣвицъ, безпрестанно услуживая имъ. Попавши такъ неожиданно къ Дѣдятовскому, вообще любившему въ свои семейные праздники, какъ вѣрно выразился Пивантьевъ, принимать всякій сбродъ, лишь бы было побольше гостей,—мы опять принялись распрашивать Турбачева о разныхъ незнакомыхъ лицахъ. Рѣчь началъ Романъ Романычъ:

—А слышали вы, господа, у насъ на тотъ годъ предрекаютъ саранчу и голодъ?..

Пошли толки о саранчѣ.

—Что саранча! Говорятъ, залоговъ уже имѣній больше не будетъ! произнесъ кто-то.

Бородатый господинъ, едва дышавшій отъ толстоты, протянулъ руку за квасомъ и спросилъ, покашливая по-своему:

— Говорятъ въ нашемъ губернскомъ комитетѣ вышли несогласія; братъ возсталъ на брата и сынъ на отца, какъ говорится въ писаніи о послѣднихъ временахъ?

— Страмъ, чистый страмъ! подхватилъ Романъ Романовичъ: чуть не шли на ножи! Я тамъ не былъ, а слышалъ, что были случаи, какъ въ уѣздной школѣ! Даже по видимому садились по звонку, говорили и молчали, какъ въ классахъ, еще въ мои времена!

— Это и въ англійскомъ парламентѣ заведено, Романъ Романычъ! перебилъ Турбачевъ.

— Въ англійскомъ! Да хоть бы и въ китайскомъ! Что англичане? Соловецкій монастырь разграбили, заставили потопить наши корабли въ Севастополѣ, а теперь новые намъ за деньги сами строятъ! Вотъ австрійцы—это народъ! И неговоруны и незатѣйливы...

Незнакомый сосѣдъ мой съ лѣвой сторонѣ, горбатый, подслѣповатый, немного выпившій и навеселѣ, толкнулъ меня подъ бокъ, указывая на высокаго и блѣднаго, черно-волосаго лакея, стоявшаго съ тарелкою за чьимъ-то стуломъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Посмотрите сюда: вотъ слуга, — началъ горбатый сосѣдъ, сопя и ковыряя перышкомъ въ зубахъ:— слуга, лакей! только хитрое и умное созданіе... у! чистая бѣстія! посмотрите на его 'глаза! Его отдавали въ художники, въ академію, въ Петербургъ—и вышелъ, ничего, артистомъ!... Славно малюетъ-сь. Даже тамъ въ какую-то барышню было, говорятъ, влюбился! Ну, да ничего—теперь служить и объ искусствахъ говорить: хоть нескучно! Хитрая бестія!... Павелъ!

Сосѣдъ мой кивнулъ головою; черноволосый слуга подошелъ къ нему и нагнулся.

— Кто былъ первымъ художникомъ въ Россіи? спросилъ горбатый сосѣдъ вполголоса.

— Карлъ Павловичъ Брюловъ, творецъ картины «Послѣдній день Помпей», тихо и какъ-то ласково-грустно отвѣтилъ лакей, подь шумъ общихъ разговоровъ.

— А что такое искусство? продолжалъ глумиться веселый мой сосѣдъ.

— Свободное творчество! отвѣчалъ лакей.

— А что лучше — хорошій ли обѣдъ, или картина? говорилъ насмѣшливый баринъ, хихикая себѣ подь носъ и ковыряя въ зубахъ.

Лакею художнику готовились новыя шутки и веселости, какъ въ другомъ концѣ стола раздался нежданно шумъ,

скоро перешедшій въ крупную перепалку. Спорили Пивантьевъ и какой-то студентъ.

—Нѣтъ, этого быть не можетъ, рѣзко повторялъ студентъ:—ваши слова отзываются личностями! А кто злится, тотъ не правъ!

—Личностями? подхватилъ Пивантьевъ:—ха, ха, ха! Прошу вашего вниманія, господа! Юноши зовутъ насъ отсталыми; враги на возрастъ зовутъ насъ плантаторами! Гдѣ же тутъ молчать? Въ качествѣ плантатора, имѣю честь передать вамъ, что нашъ предѣдатель того... свихнулся!

Головы и глаза общества устремились къ спорившимъ. Дѣдятовскій сталъ даже торопиться уничтоженіемъ тарелки какого-то любимаго соуса.

— Какъ это, какъ это? расскажите! подхватилъ Романъ Романычъ, утирая губы: — ахъ, не могу молчать! Вотъ настоящій плавный штиль! вотъ истинное краснорѣчіе! вотъ наши защитники! Расскажите!

— Дѣло было вотъ какъ, началъ, важничая и дерзко поглядывая на всѣхъ, Пивантьевъ:—я не служу въ комитетъ, не имѣю этой высокой чести, да, не имѣю, но знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что, мѣтя на какое-то значительное мѣсто, нашъ здѣшній великій сановникъ затѣялъ составить себѣ сильное большинство по одному дѣлу... Сталъ вывѣдывать передъ балотировкой—оказывается, что голоса раздѣлились такъ, что не только не

выходило сильнаго большинства его мнѣнію, но даже и съ его голосомъ на сторонѣ его было однимъ шаромъ меньше....

— Правда это? шепнулъ мнѣ Турбачевъ, схвативши меня за руку и едва подавляя въ себѣ волненіе: — вы были сами въ комитетѣ! Правда это?

— Клянусь Богомъ, ничего подобнаго не было; у насъ дружное большинство встрѣтило и до конца провожало всякое дѣйствіе предѣдателя...

— Благодарю васъ... Хорошо... Будемъ слушать!

И Турбачевъ впился глазами въ Пивантьева, изрѣзывая мелкими кусочками хлѣбную корку.

— Да-съ, плохо приходилось нашему офиціалу! продолжалъ Пивантьевъ:— онъ рѣшительно терялся. Вдругъ въ умѣ его мелькнула счастливая мысль. Вспомнилъ онъ, печально вглядываясь въ списокъ членовъ, объ одномъ господинѣ, съ широчайшими бакенбардами и либерализмомъ и страстью къ англomanіи, бывшемъ на сторонѣ его враговъ, сообразилъ, что англomanъ сильно нуждается пока въ субсидіяхъ по поводу одной городской интрижки, а впослѣдствіи въ тепломъ мѣстечкѣ, позвалъ его, подъ общій шумъ и споры, къ своему креслу и шепнулъ ему на ухо: «выходите въ залъ». Тамъ въ будущемъ обѣщано представленіе къ мѣсту, и дѣло слажено.... Пошло на голоса, и мнѣніе его восторжествовало.... И вотъ, господа, пути, по которымъ разыгрываются дѣла у насъ....

Сказавши это, Пивантьевъ спокойно принялся за недоѣденный кусокъ.

Тарелка звякнула въ рукахъ Турбачева.

— Вы лжете! сказалъ онъ гладко и какъ-то особенно кругло и внятно, смотря Пивантьева, — а самъ былъ бѣлѣе полотна:—вы лжете, какъ пяталѣтній мальчикъ! И это не дѣлаетъ вамъ чести!

Многія вилки остановились на воздухѣ; многіе рты, не проглотя вкуснаго цыпленка съ грибами, остались незакрытыми.

— Что-о-о? спросилъ озадаченный Пивантьевъ, еще блуждая глазами и сперва не разобравши, кто его такъ оборвалъ.

— Вы лжете! опять звонко и кругло сказалъ Турбачевъ:—это клевета...

Слуги стали убирать тарелки и разносить жаркое.

— Нашъ пенсильванецъ, однако, тоже горячится! шепнулъ мнѣ Говорковъ.

— Вотъ мило! Это еще у насъ, господа, и не слышно! возразилъ Пивантьевъ, стараясь улыбнуться какъ можно беззаботнѣе, поперхнувшись и озираясь во всѣ стороны:—за столомъ, при дамахъ, говорить такія дерзости!

Глаза общества однако мигомъ устремились въ тарелки. Блѣдныя и встревоженныя дамы стали торопливо перешептываться, косясь то на Дѣдятовскаго, то на его

жену. Но хозяева тоже молчали. Романъ Романычъ было обозвался, тоже улыбнувшись и поперхнувшись, словами: «Да, правда! это немножко того, рѣзко сказать безъ причины: вы лжете» но тутъ-же утеръ губы салфеткой и, присмирѣвши, сталъ медленно жевать крылышко цыпленка.

— Вы клеветникъ, господинъ Пивантьевъ! продолжалъ тѣмъ же голосомъ Турбачевъ: — и мнѣ пріятно будетъ это доказать публично. Лучше заранѣе извинитесь сейчасъ же, за столомъ, сію минуту, передъ обществомъ и передо мною!

— Какъ? Мнѣ?? Передъ вами???. Ха-ха-ха!

Турбачевъ положилъ руки на столъ. Красивые перстни сверкнули на его кривыхъ пальцахъ.

— Если вы будете паясничать и хохотать, я васъ прогоню изъ за стола... почтеннѣйшаго Романа Романыча! началъ опять Турбачевъ, закрывая глаза отъ дрожи и злости, прохватывавшей его до костей.

— Меня? О, нѣтъ, нѣтъ! крикнулъ, красный уже, какъ ракъ, Пивантьевъ: я, господа, на васъ ссылаюсь, на васъ! Если бы не дамы, я проучилъ бы.... всякаго! Господинъ Турбачевъ богачъ, а я бѣднякъ! Имъ можно имѣть такую смѣлость! Я обиженъ, господа, обиженъ и буду требовать общественнаго суда, суда всѣхъ дворянъ, всего сословія, у губернскаго стола.... Я обиженъ.... Клянусь, я говорилъ правду, я желалъ обществу пользы. Все,

что я ни говорилъ, сущая правда! Я докажу.... здѣсь свидѣтелей нѣтъ, но я найду.... у меня будутъ свидѣтели моихъ словъ!

Прошло нѣсколько секундъ мучительной паузы. Всѣ сердца бились напряженно; всѣ глаза стремились, по обычаю въ такихъ случаяхъ; подъ столъ.

— Что же, господа, будемъ вставать! сказалъ было Романъ Романычъ, пуская известную уловку старины, любившей заминать всякія дѣла, не допуская ихъ до крутыхъ раздѣлокъ.

— Нѣтъ, господа, позвольте, подождите! перебилъ его Турбачевъ: — здѣсь обижены мы всѣ, и потому запросто, не вставая, кончимте дѣло. Противъ господина Пивантьева есть улика! Между нами теперь сидитъ одинъ изъ господъ депутатовъ комитета—г. Скавронскій!

Онъ обратился ко мнѣ, и взгляды всѣхъ остальныхъ послѣдовали за его движеніемъ. Даже неповинный ни въ чемъ Романъ Романычъ, и тотъ поспѣшилъ заглядить свой промахъ и спросилъ мейя: »Такъ вы тоже депутатъ? А я этого и не зналъ...»

—Позвольте васъ спросить, Александръ Сергѣичъ, какъ посторонняго свидѣтеля этой выходки, сказалъ мнѣ Турбачевъ: — было что нибудь въ нашемъ комитетѣ подобное тому, что такъ громко и свободно постарался передать г. Пивантьевъ?

Мертвая тишина осѣнила все общество. Даже слуги

остановились у дверей. Слышно было через стуль, какъ билось сердце у Говоркова и какъ тупоумно и обливаясь потомъ сопѣлъ отставной вице-губернаторъ.

— Я скажу одно, отвѣтилъ я:—подкупаль ли NN когонибудь изъ моихъ сочленовъ, я не знаю; но по дѣлу объ усадьбахъ, да и вообще во всѣхъ спорныхъ балотировкахъ, онъ въ этомъ не нуждался. Вездѣ мнѣнія круга, къ которому я самъ принадлежу и гдѣ онъ имѣлъ честь руководить, выражались всегда огромнымъ большинствомъ тридцати голосовъ—противъ десятерыхъ. Раздѣленія голосовъ поровну быть не могло; партія десятерыхъ у насъ до конца не завоевала себѣ ни одного голоса.

За моимъ отвѣтомъ раздался такой шумъ за столомъ, что ничего нельзя было разобрать. Всѣ спорили и кричали. А у Романа Романыча мелькали одни усы да борода; словъ его не было слышно. Турбачевъ сидѣлъ съ достоинствомъ и, блѣднѣе противъ прежняго, молча выжидалъ конца споровъ. Пивантьевъ кричалъ во все горло.

— Да, можетъ быть... но... все-таки, говорятъ, что было такъ! кричалъ, покрывая всѣ голоса, Пивантьевъ.

— Покоритесь, сосѣдъ! раздался голосъ съ другаго конца стола:—покоритесь, вы неправы, далеко хватили! И я въ этомъ случаѣ противъ васъ...

Это говорилъ, преклонивши сѣдую голову, тотъ самый отставной профессоръ, бывший депутатомъ коми-

тета сосѣдной губерніи, о бѣдственномъ паденіи котораго намъ передалъ въ саду Турбачевъ.

Пивантьевъ глянулъ на него и на всѣхъ, какъ волкъ на послѣдней угонкѣ, огрызающійся на близкія уже морды плотоядныхъ борзыхъ.

— Но какъ же, однако, это? Я не могу!! Нѣтъ, нѣтъ, я не могу поддаться на это доказательство! сказалъ онъ, едва уже владѣя собою.

Но въ то же время окно сзади Пивантьева зазвенѣло и стекла разлетѣлись въ дребезги. Мимо уха его, задѣвши за курчавый локонъ, просвистѣла фаянсовая тарелка, пущенная въ голову злополучнаго болтуна Турбачевымъ. Общество вскочило. Скандалъ вышелъ полный и небывалый...

— Что вы надѣлали? Боже, Боже! Осрамить мой домъ! вопилъ Дѣдятовскій, подбѣгая, когда всѣ встали и слуги стали поспѣшно уносить со стола посуду, то къ пылавшему местию и злобой Турбачеву, то къ ахавшимъ и пищавшимъ дамамъ.

— Нѣтъ, пересолилъ и нашъ пенсильванецъ! сказалъ мнѣ Говорковъ, съ сожалѣніемъ глядя на общій шумъ.

— Оррёръ, оррёръ! кричали нѣкоторыя изъ дѣвицъ.

— Такъ подобныхъ молодцовъ и учать! говорилъ студентъ, ставшій спиной къ кому-то изъ подошедшихъ къ нему съ увѣщаніями.

Мигомъ все общество стало развѣзжаться.

Но шумъ не прекращался въ кабинетѣ, куда друзья Пивантьева собрались толпой, съ угрозами отмстить Турбачеву. Турбачевъ неожиданно и смѣло вошелъ туда, съ хлыстомъ и папирской, и объявилъ, что вызываетъ каждаго, кто еще пикнетъ о комитетѣ. Пивантьевъ, ероша волосы, стоялъ у окна.

— А васъ, сказала Турбачевъ Пивантьеву:— я прошу ожидать отъ меня, гдѣ бы мы ни встрѣтились, всего, что только можно сдѣлать пятью пальцами! Теперь, не сходя съ мѣста, прошу васъ объявить сейчасъ же, при всѣхъ, что вы за столомъ сказали ложь, и съ умысломъ.

Пивантьевъ оглянулся за спину, на окно, потомъ на общество и сказалъ, запинаясь:

— Да, извините, я за столомъ немного ошибся...

Студентъ, дама-аболиціонистка, еще два три гостя и сѣдовласый профессоръ-помѣщикъ, очевидно искавшій, въ полномъ осужденіи своего сосѣда Пивантьева, чистосердечнаго искупленія своей недавней депутатской карьеры, — стояли на крыльцѣ, вдали отъ озлобленныхъ разѣзжавшихся пріятелей Пивантьева.

— Ай да Турбачевъ! говорила громко и съ увлеченіемъ молодежь изъ гостей, въ потемкахъ усаживаясь во дворѣ въ экипажи:— вотъ такъ проучилъ! Да еще чуть на выкинулъ въ окно! Заставилъ сознаться—и тотъ сознался! Дуэлистъ! Въ университетѣ онъ побилъ одного господина...

Къ стоявшимъ на крыльцѣ подошелъ, сверхъ всякаго чаянія, самъ Пивантьевъ, уже закутанный въ шинель. Онъ всхлипывалъ и билъ себя въ грудь.—Меня называли лжецомъ! меня! пустили въ меня тарелкой! говорилъ онъ.—Богъ ему судья!... О, до чего я дожилъ, до чего... Нельзя было уже и пошутить! Я желалъ сословію добра! Ахъ! грустно и горько у насъ служить обществу!...

Онъ опять ударилъ себя въ грудь, сѣлъ въ какую-то бричонку и уѣхалъ. А вдали, уже за деревней, опять гремѣли бубенчики и колокольчикъ на дышлѣ бойкой четверки, уносившей въ бѣлыхъ фуражкахъ нашихъ дорожныхъ знакомцевъ, братьевъ Турбачевыхъ. Уѣхали и дама, и студентъ, и профессоръ, и отставной вице-губернаторъ въ парикѣ, присыпанномъ сахаромъ. Послѣдній, говорятъ, подъ шумокъ, за ужиномъ, рѣшительно напился пьянъ, и его замятво уложили въ чью-то чужую телегу. Сюда онъ пришелъ за семь верстъ пѣшкомъ, во фракѣ и въ шляпѣ, безъ шинели.

Уѣхали и пенсильванцы, и каролинцы...

Остались дома одни хозяева, да мы съ Говорковымъ нуждавшея въ отдыхѣ и кормѣ лошадей. Ночь прекратила все гражданскія смуты. Оба лагеря погрузились въ тишину, на всемъ протяженіи губерніи, до новой схватки поутру.

Романъ Романычъ, нашъ былой короткій пріятель, простился съ нами сухо. Хорошая жена его тоже глядѣ-

да на насъ съ какимъ-то сожалѣніемъ, провожая насъ на покой.

Намъ отвели комнату во флигелѣ. Говорковъ, по обычаю, приобрѣтенному имъ еще въ какой-то ротѣ въ Сибири, прочитавши громко и съ поклонами при мнѣ всѣ молитвы, легъ и заснулъ, какъ убитый. Мнѣ не спалось. Проявившись на постели, я всталъ и посмотрѣлъ на часы, наведя ихъ на мѣсяцъ: было два часа ночи. Я вышелъ на крыльцо, вырубилъ огня и закурилъ сигару.

Дворъ, домъ и садъ спали въ тишинѣ.

Посидѣвши нѣсколько времени, я уже хотѣлъ идти во флигель на кровать, какъ изъ-за угла кухни, отъ села, раздались мѣрные шаги и какое-то мурлыканье грубымъ голосомъ, точно кто едва двигался и бормоталъ или пѣлъ самъ съ собою. «Конкуррентусъ, винентусъ бабентусъ» отдавалось въ тишинѣ.

Я вышелъ за кухню. На полномъ сіяніи мѣсяца, двигался ко двору по полянѣ, съ палкой и въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, не то въ халатѣ, не то въ длинномъ сюртукѣ, видъ человѣка, старика и, очевидно, слѣпаго. Точно, это былъ слѣпой старикъ. Ощупывая палкой знакомую дорогу и напѣвая про себя непонятное: «Конкуррентусъ, винентусъ, бабентусъ....» онъ поравнялся со мной, остановился и вдругъ скинулъ шапку.

— Здравія желаю! сказалъ онъ, шамкая губами и въ носъ.

Это меня сперва удивило. Но потомъ я понялъ, въ чемъ дѣло.

Запахъ сигары далъ ему средство угадать мое присутствіе.

— Кто ты такой? спросилъ я старика.

— Крѣпостной его благородія Романа Романыча!... крепостной и усердный холопъ, Елизаръ Приходько! Отставной музыкантъ, капельмейстеръ, сочинитель нотъ и пѣвчій— отъ малыхъ лѣтъ имѣлъ необычайный голосъ!... А вы кто?

Я назвалъ себя и объяснилъ свое депутатство. Онъ гордо выпрямился, отставилъ ногу и, помахивая шапкой, съ презрѣніемъ отвернулся.

— Это все пустяки, дрянъ, ваша милость!

— Какъ пустяки, отчего?

И я сталъ объяснять ему, что вотъ «пришла пора» и что теперь господа и правительство даютъ и вскорѣ объявятъ крестьянамъ свободу.

— Это все пустяки, повторилъ онъ:—сами не знаютъ, что дѣлаютъ! я съ малыхъ лѣтъ пѣвчимъ былъ у отца моего настоящаго пана; дискантище у меня бѣдовый былъ! А теперь? Вотъ сегодня я пьянъ; ну, пьянъ и пьянъ, даже въ канавѣ проспалъ цѣлый день... Ну, панъ-то мой, значитъ, Романъ Романычъ наидобрѣющій, только глянулъ на меня, да и полно; а прежде дали бы дѣрку, посватали бы съ березой липовой, на пять недѣль....

Я не оспаривалъ отставнаго музыканта, сказавши толь-

ко, что пожалуй ему-то вольность и не нужна, да молодые-то за нее поблагодарятъ. Онъ усмѣхнулся и помолчалъ. Выраженіе безбородаго, блѣднаго и морщиноватаго лица его изъ насмѣшливаго перешло въ грустно-задумчивое, ноющее.

— Скучно на свѣтѣ жить! добавилъ онъ: — скучно, а выпьешь, и веселѣе станетъ.... Эхъ, панычъ вы мой, паныченко! сказалъ онъ, качая сѣдой, плотно-остриженной головой: гдѣ она, вольность-то у насъ на свѣтѣ? Птицы ее, что ли, имѣютъ? или мухи крылатыя? или звѣрь полевой? Не-мà ея, не-мà, и бѣсъ ее знаетъ, гдѣ она! Не-мà! И пусть на нее молодые не таращатся. Не-мà, паныченко! И не ищите!

Онъ надѣлъ картузь, какъ-то всхлипывая вздохнулъ, хлопнулъ по картузу ладонью и пошелъ далѣе, черезъ дворъ, къ какой-то канурѣ, коверкая опять на латинскій ладъ безсмысленныя слова. Я ему крикнулъ вслѣдъ: «Елизаръ, погоди, я объяню тебѣ кое-что... ты не понимаешь!» Но старикъ не воротился. Старый слуга вѣрилъ старому времени...

На дворѣ свѣжѣло. «Стожаръ», или «волосожаръ», по мѣстному названію — голубоватая кучка звѣздъ на сѣвѣрной сторонѣ неба, отливалась розово-золотистымъ огонькомъ и спускалась къ землѣ. Это опущеніе здѣсь считается за близость утра. Большая медвѣдица, по здѣш-

нему—возъ, также склоняла уже къ землѣ и свое дышло, и свои оси, и бока своей воздушной колесницы....

Со стороны вольной слободы, гдѣ стояли, по словамъ стараго музыканта, солдаты, послышался въ тишинѣ медленный крикъ. Замолчалъ онъ и отдался опять. Я сталъ вслушиваться. Кто-то изъ гущины вербъ, ограждавшихъ огороды—должно быть, солдатъ—кричалъ на-веселѣ и должно быть товарищу, на всѣ лады: «Ивановъ, Ивановъ! А чи не хочешь ты Гапки?» (*) — И этотъ окликъ повторялся нѣсколько разъ, разносясь по тихимъ полянамъ и по рѣкѣ, уже подернутой туманомъ близкаго разсвѣта.

* Гапка—сокращенное имя Агафы.

IV.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ НА ДНѢПРѢ.

(Изъ воспоминаній дѣдушки***).

— А что, кѹме, увидимъ Царицу?....

— Увидимъ!

— И царенягъ увидимъ?

— И царенягъ....

Такъ толковали наши украинцы по всей степи, отъ Чернигова до Крыма и отъ Харькова до Запорожья.

Она ѣхала въ кругу отборныхъ лицъ двора, въ сопровожденіи пословъ Французскаго, Австрійскаго и Англійскаго, и ожидая на дорогѣ еще встрѣчи двухъ вѣнцесцевъ, польскаго короля Станислава Августа и австрійскаго императора Іосифа Второго. Поѣздъ ея совершался въ раззолоченой каретѣ. Четырнадцать другихъ каретъ и сто двадцать четыре саней везли свиту и дворъ. Въ

кареты впрягалось по восьми лошадей. До 600 лошадей заготовлялось на каждой станціи.

Каждому ея странствіе казалось шествіемъ божества по землѣ. Лица, окружавшія ее, казались геніями; на-мѣстники, въ вышитыхъ золотомъ кафтанахъ, королями. Самимъ лакеямъ ея кланялись, принимая ихъ за генераловъ, и еще куда тебѣ за генераловъ? за сенаторовъ. Свѣтлѣйшій, прибавя себѣ, для мѣстной красоты, прозвище казака *Грицька Нечосы*, ничего не щадилъ, чтобы путешествіе Екатерины сдѣлать по истинѣ волшебнымъ.

Цѣлые дворцы были построены для ея ночлега. Цѣлые лѣса онъ пожегъ на освѣщеніе пути для ея каретъ. Черезъ каждыя тридцать сажень, по сторонамъ дороги, горѣли костры изъ сосенъ и сотни исполинскихъ смоляныхъ бочекъ. Цѣлые рынки куръ, гусей, индѣекъ и барановъ уничтожались на перевалахъ, для насыщенія желудковъ царственнаго поѣзда.

По сторонамъ дороги на-скоро съ осени посажены были сады и цѣлые лѣса. Встрѣтился ветхій хуторъ, заброшенное панское село—долой все старое и ветхое! Подгнившія избушки снесены, а на мѣсто ихъ выстроены новыя, съ «веселыми перспективами» и «романическими перистилиями». Кое-гдѣ возведены триумфальныя ворота, съ амурами и стихотворными надписями. На опустѣлыя поля согнаны огромныя стада овецъ и табуны лошадей. Пастухи одѣты въ красивые наряды, въ шляпы и ленты,

и на свирѣли привѣтствовали свою царицу. Это уже было весной на Днѣпрѣ. Нѣтъ вовсе сель? И то не бѣда. Нарисованы красивыя декораціи деревень, съ господскими домами, и поставлены на столбахъ, въ укрытіи двухъ трехъ холмиковъ или подъ лѣскомъ, въ сторонѣ отъ дороги. Царица переждетъ на ночлегѣ, декораціи соберутъ и перевезутъ далѣе, гдѣ уже ихъ ставятъ либо на косогоръ, либо на берегъ рѣки. Императрица увидитъ и похвалитъ. Какіе прелестныя виды! И гдѣ-же? Гдѣ еще недавно рыскали поляки и носилась дикая татарва. Пріятныя маленькіе обманы были во вкусѣ вѣка. О нихъ быть можетъ, подъ рукою, и знали. Ну, да они щекотали самолюбіе и спасали отъ упрековъ свѣта избалованнаго любимца счастья. А вотъ и безлюдныя степи! Вдругъ на нихъ встаетъ пыль клубами, несутся ряды коней и всадниковъ. Пищали звенятъ, бьютъ барабаны, аммуниція блеститъ на солнцѣ. Это новое войско Украйны, отряды Донцевъ и гусаровъ, въ «удобныхъ и нарядныхъ мундирахъ» придуманныхъ самимъ Свѣтлѣйшимъ. И тутъ же ближе, глядя на эволюціи гусаровъ, ходятъ хороводами поселяне и поселянки. Крики и пѣсни, звуки танцевъ и музыки несутся съ берега. На сухомъ пути знатное дворянство и шляхетство, сановники свѣтскіе и духовные, привѣтствовали ее пышно-льстивыми и искусно-сложенными рѣчами. Въ Мстиславлѣ Могилевскій архіепископъ Георгій Конисскій встрѣтилъ ее знаменитою рѣчью: «Ос-

тавимъ астрономамъ доказывать, что земля около солнца обращается! Наше солнце вокругъ насъ ходитъ!»—
 А въ Каневѣ на Днѣпрѣ встрѣтилъ ее король Станиславъ Августъ, въ ожиданіяхъ великой царицы пожертвовавшій здѣсь, по тогдашнему острому словцу Европы: «тремъ мѣсяцами времени и тремя милліонами денегъ, за три часа свиданія съ Императрицею русскою!»

Въѣздъ въ Кіевъ совершенъ былъ при ста-тридцати-одномъ выстрѣлѣ изъ пушекъ и сдачѣ ключей комендантомъ крѣпости. Триста купчихъ и мѣщанокъ въ малороссійскихъ одеждахъ бросали цвѣты передъ каретою Императрицы. Она явилась мѣстному дворянству на городскомъ балѣ, веселая, милостивая, любезная, румяная и полная, въ атласномъ зеленомъ сарафанѣ и въ шитыхъ золотомъ башмакахъ, проиграла до десяти часовъ въ карты и удалилась въ свои покои, повергнувши всѣхъ въ очарованіе и восторгъ.

Объ этомъ въѣздѣ въ Кіевъ, Екатерина, съ акуратностію, почти мелочною, описывавшая все, что касалось ея занятій, въ письмахъ къ разнымъ особамъ изъ приближенныхъ, писала такъ на утро къ генераль-поручику и сенатору Еропкину въ Москву. Копіи съ ея писемъ въ печати есть. Вотъ отрывки:

«Петръ Дмитріевичъ! Вчерашній день въ пять часовъ за полдень Я сюда благополучно и здорова пріѣхала. Я думала найти въ сихъ полуденныхъ мѣстахъ и подь со-

рокъ девятымъ градусомъ воздухъ теплый; а напротивъ того, Мы въѣхали въ сей городъ съ двадцати градуснымъ морозомъ, который и въ Петербургѣ рѣдкость. Однако все воздухъ здѣсь имѣеть менѣе суровости; понеже, при величайшемъ людствѣ и встрѣчѣ, непримѣтно было, чтобъ кто отморозилъ уши или носъ, что бы на сѣверѣ конечно воспослѣдовало. Здѣсь пріѣзжихъ тьма, но, кромѣ гетмана Браницкаго, прочихъ еще не успѣла узнать.—30 января 1787 года.»—И въ другихъ письмахъ къ Еропкину, удивляясь, что въ Малороссіи «на сто тридцати верстахъ разстоянія дубоваго и сосноваго лѣсу столько, какъ съ роду не случалось видѣть въ одинъ день!» она, между прочимъ, писала о Кіевѣ:—«Здѣсь великое множество Поляковъ наѣхало и всякій день еще прибываетъ. Прошедшее воскресенье у Меня былъ балъ, на которомъ персонъ до пятисотъ было обоего пола.»—«Здѣсь третій день, какъ не мерзнетъ, и погода весенняя.»—«Мы всѣ здоровы въ ожиданіи вскрытія Днѣпра, который въ устьи у Херсона и выше пороговъ уже вскрылся, а здѣсь еще продержитъ легкими морозами, при солнечномъ сіяніи во весь день.»—Днѣпръ занималъ умы всѣхъ. Два съ половиною мѣсяца, съ января до половины апрѣля, онъ приковывалъ Екатерину въ Кіевѣ. Отъ 23 марта она писала къ Еропкину: «Сегодня Днѣпръ тронулся и уже въ лодкахъ оный переѣзжаютъ; однако еще холодно вато, а надѣюсь, аще Богъ изволить, въ половинѣ бу-

дущаго апрѣля отселѣ на галерахъ пуститься далѣе.» Въ письмѣ къ Королевско-Великобританскому надворному совѣтнику и лейбъ-медику Циммерману, передъ отъѣздомъ изъ Кіева, она писала: «Завтра отправляюсь въ путь и поѣду внизъ по Днѣпру до Херсона. Кіевъ своимъ положеніемъ есть мѣсто совершенно живописное. Четыре части города весьма обширны, но очень худо застроены. Однакожъ давно уже сей городъ не имѣлъ столь большой нужды въ хорошихъ квартирахъ, какъ во время трехмѣсячнаго моего въ немъ пребыванія. Число разныхъ пріѣзжихъ народовъ было весьма велико. Трудно отгадать, что ихъ привлекло въ Кіевъ, ибо нельзя полагать, чтобъ все они обмануты были нѣкоторыми газетами, которыя изо всей силы повѣщали будущее мое коронованіе въ Тавридѣ, или здѣсь, о чемъ никогда и не думано.»

22 апрѣля Императрица и Дворъ со свитою сѣли въ галеры, раззолоченныя и убранныя флагами. На каждой помѣстился хоръ музыки. Галера «*Днѣпръ*» увѣнчалась адмиральскимъ флагомъ. Здѣсь ѣхала Императрица. По сигналу все сходились обѣдать на галеру «Десну». Время шло быстро. Черезъ недѣлю прибыли въ Кременчугъ. Это было 30-го апрѣля. Императрица вышла рано утромъ изъ каюты, гдѣ постоянно еще топился каминъ, на палубу, и изумилась. Украинская весна была во всемъ блескѣ...

Я хорошо, дѣти, это помню. Я самъ былъ въ ея свитѣ.

Тогда уже пышно цвѣли въ прибрежныхъ садахъ вишни, черешни, дули и бергамоты. Берега устилались каймами цвѣтовъ; голубыя прѣлѣски цѣплялись по отвѣсамъ скалъ. Алый воронѣцъ, раскрывая свой колоколь на-встрѣчу веснѣ, торчалъ среди моря первой густой и сочной, приземистой зелени. Лиловые присы и желтые дикіе тюльпаны, ненасаженные рукою человѣка, мелькали по пригоркамъ и луговинамъ. А сады и лѣса стонали отъ криковъ птицъ. Тамъ тогда водились еще дикія козы и медвѣди. Дикій голубь припетень, наполнялъ своимъ воркованьемъ прибрежные *чагарники*, мелкій приземистый дубнякъ. У самыхъ зеленоватыхъ водъ Днѣпра, надъ камышами, перепархивали: лежни-дупеля, шпаки, хохотвы, желтощокіе жаворонки и краснобрюхіе ѳгари. Съ кормы галеръ нѣкоторые изъ свиты забрасывали удки и ловили чабаковъ, желтосѣрыхъ выюновъ, лещей и на большіе крюки сомовъ! Между чернѣющими проточинами скалъ виднѣлись порою черные и сѣрые ужи, золоторогія змѣйки. Семьи тысячъ насѣкомыхъ уже слетали на берега. Цапля мѣрно шагала въ камышахъ, по колѣни стоя въ водѣ и высматривая лягушку. А пеликанъ, баба-птица, едва успѣвала въ исполинскій зобъ укладывать мелкую, глотаемую ею у береговъ рыбку. Небо было сине, какъ море, и безъ единой тучки. Близость юга была слышна на каждомъ шагу. По вечерамъ, на зарѣ, гребцы—всетуземцы, все чубатые и усатые хохлы,

затягивали пѣсни, и, подѣ мѣрный плескъ весель, слышались напѣвы: *Гриця*, *Доли* и веселой тогдашней *Вербушки*, пѣсни, подѣ которою раждались цѣлые полки гусарь Екатерины, изѣ мѣстныхъ родовитыхъ слободскихъ и запорожскихъ казаковъ.

Такъ подвигалось шествіе водою до 6-го мая, когда, галеры были уже въ пятидесяти верстахъ отъ Кайдакъ.

День открывался туалетомъ Императрицы, при разнесеніи кофею. Вскрывались пакеты, доставленные съ гонцами въ ночь сухимъ путемъ, на-перерѣзъ, черезъ ближніе города изъ Петербурга, Москвы и чужихъ краевъ. До обѣда шло время въ разговорахъ. Императрица въ пловучей залѣ, работала съ своими секретарями и писмоводителями. Тутъ же были и аудіенціи высшимъ сановникамъ. Обѣдали за общимъ столомъ. Одушевленные рѣчи пересыпались французскимъ остроуміемъ. Принцъ де-Линь, какъ знали все собесѣдники, велъ путевыя записки. Императрица также вела дневникъ. Послѣ обѣда читали новыя французскія и нѣмецкія комедіи, писали шуточные русскія и французскія анаграммы, буримэ, загадки, сатирическіе куплеты, играли въ фанты, шахматы и въ карты. Какой-то нѣмецкій секретарь красками снималъ виды скалъ и береговъ Днѣпра. Прошелъ слухъ, что императрица каждый вечеръ, одѣвшись въ бѣлый чепчикъ и въ бѣлую кофту, усаживается на сафьянное кресло передъ столомъ, въ своей каютѣ, открываетъ го-

лубую шелковую занавѣску у окна, выходившаго на рѣку, облитую сіяньемъ украинскаго мѣсяца, замыкаетъ дверь, придвигаетъ чернилицу, въ видѣ сидящаго турецкаго визиря въ чалмѣ, и на листахъ, переплетенной въ зеленый атласъ, тетрадки выводитъ стихъ за стихомъ. Придворные сгарали нетерпѣніемъ услышать новое произведеніе автора Эрмитажныхъ драмъ; но хранимое инкогнито не позволяло заикнуться. Въ послѣдствіи открылось, что это была комическая опера: Храбрый и смѣлый витязь Ахридѣичъ, игранная потомъ въ Петербургѣ.

Въ куплетахъ оперетки видимо отражалось собственное пріятное настроеніе души Императрицы въ тѣ минуты. Екатерина писала, безпрестанно перемарывая строки, хотя, какъ говорятъ, и не затрудняясь въ подбораніи рифмы. Я еще помню эти стихи:

«Днесъ шумять потоки, тихи вѣтры вѣютъ,
И ключи изъ горокъ воду бьютъ;
Прешироки рѣки водъ плескать не смѣютъ,
А струи водъ свѣжихъ въ поле льютъ;
Сладко напоая землю растворенну,
Естество прекрасно обновятъ;
Обольщенны очи, зряци на вселенну,
Нѣжны чувства тѣмъ увеселятъ...

«Я куда ни погляжу,
Тамъ утѣхи нахожу;
Тамъ поютъ соловьи,
Множа радости мои...»

Или, напримѣръ, монологъ Ивана Царевича:

«Смѣшные нынче вѣки!

Дерутся лѣшіе, какъ будто человѣки!

Подъ шляпу невидимку

Я сокрою бѣлую личинку;

Сапожки-самоходы

Отслужать все походы,

Уйдуть отъ зайца и отъ волка;

А скатерть хлѣбосолка

Накормить, напоить...

И сердце взвеселить....»

Литературныя занятія Екатерины были однажды неожиданно прерваны легкимъ стукомъ въ двери. Она спросила: «*Wer ist dort?*» — Веселый и звонкій голосокъ фрейлины Пехтеревой торопливо отвѣтилъ: — «*Da ist jemand von dem Fürst!*» Императрица велѣла тотчасъ ввести. Посоль отъ князя Потемкина былъ графъ Михаилъ Петровичъ Румянцовъ. Онъ прискакалъ отъ фельд-маршала съ извѣстіемъ, что императоръ Австрійскій, Юсифъ II, путешествовавшій подъ именемъ графа Фалькенштейна, проѣхалъ уже около 6-го мая Миргородъ и 8-го въѣхалъ въ Койдаки, собираясь посѣтить Екатерину на галерахъ.—Императрица сей часъ-же приказала кинуть якоря и сама поѣхала на берегъ, гдѣ рядомъ съ галерами, по сухому пути, шли ея придворныя кареты. Тамъ она пересѣла въ первую карету, со свѣжими ло-

шадьми, и въ сопровожденіи двухъ фрейлинъ, графа Румянцова и графа Безбородко, поспѣшила отъ Днѣпра на встрѣчу къ графу Фалькенштейну....

— Везите скорѣе, друзья мои, скорѣе! сказала она кучерамъ изъ мѣстныхъ жителей, усѣвшись въ раззолоченный рыдванъ и жадно впивая въ круглое, съ рѣзьбою, окно душистый свѣжій воздухъ весенняго утра.

Главный кучеръ бойкаго, поджараго обывательскаго восьмерика, повернулся и, скинувши шапку, при чемъ свѣсилъ за ухо его черный чубъ, отвѣтилъ, указывая на карету:

— *«Якѣ бы не отся золота цяця, такѣ мы бѣ тебе, Мамо, такѣ пидхопыли, шо-бѣ ажѣ колеса шкварчали!»*

Императрица съ улыбкою выслушала переводъ этого оригинальнаго замѣчанія отъ графа Безбородко, который, по свойственной ему изворотливости, непременно воспользоваться этимъ случаемъ и началъ переговариваться съ землякомъ: «Якъ тебе зовуть?»—«Митрѣ Качка.»—«А почимъ ковшъ лиха?»—«По грошу, безъ карбованця!»—«А де раки зимують?»—«У нашего пидсудка Нестеренка въ кишени, та у пани Койдацкой попади у скрыни!» — Поговоркамъ графа и ловкимъ отвѣтамъ Митрѣ Качки не было конца. Екатерина хохотала до упаду. Фрейлины и графъ Румянцевъ усердно ей подражали.

Между тѣмъ карета вѣхала на крутую возвышен-

ность праваго берега Днѣпра и быстро покатилаь по узенькому проселку. Было шесть часовъ утра....

Сзади, за каретою, мелькали берега Днѣпра, покрытые туманомъ и поросшіе камышами. Справа тянулись холмы, пересѣкаемые зеленѣющими «логами», — влѣво пахати Койдацкихъ обывателей и окраина поселянской, сѣнокосной степи. Въ одномъ мѣстѣ въ воздухѣ, надъ головами, какъ-будто зазвенѣли трубы. Фрейлина Пехтерева выглянула изъ кареты: тремя косяками отъ Крыма на Днѣпрѣ тянулись по небу исполинскія стаи журавлей. Форейторы скакали въ пыли и съ криками погоняли лошадей.

— «Я начинаю походить приключеніями моего вѣка на Петра Великаго!» начала Екатерина, глядя на безпре-станно-мѣнявшіяся вокругъ кареты картины видовъ: «но что Богъ ни дастъ, а по примѣру дѣдушки, унывать не стану! Принцесса Ангальтъ-Цербтская стала Русскою Императрицею, а два вѣнценосца ей ѣдутъ на встрѣчу...»

— Однако, Ваше Величество, перебилъ ее графъ Безбородко: что будетъ, если императоръ Іосифъ теперь сидитъ гдѣ-нибудь съ обломанною осью и безъ лошадей? По этой дорогѣ не слишкомъ разлетишься...

Въ самомъ дѣлѣ, толчки дороги давно давали себя чувствовать. Рыдванъ круто свернулъ вправо, потомъ опять влѣво, и пошелъ по-берегу невзрачной рѣченки. Густой лѣсъ тянулся по другую ея сторону; болотистый

берегъ былъ усѣянъ кочками, и лошади едва бѣжали рысью между ними. Вдругъ передовой фореиторъ зама- халъ шапкою и закричалъ:

— «Шо-съ ййде, шо-съ ййде!» — И въ-то-же время изъ-за угла лѣса, въ полу-верстѣ, навстрѣчу рыдвану, показалась рессорная дорожная коляска, также запря- женная восьмерикомъ. Лошади коляски неслись въ карьеръ. Это былъ Юсифъ, бросившій свою свиту и ѣхав- шій съ однимъ Потемкинымъ. Встрѣча Екатерины и Фалькенштейна не замедлила совершиться. Экипажи съѣхались среди поля, въ долину, у кучки вербъ, подъ которыми была корчма сосѣдняго казацкаго хутора. Ды- маясь отъ пара, остановились лошади обѣихъ экипажей..

Императоръ выскочилъ первый и подоспѣлъ къ от- кинутымъ подножкамъ кареты, изъ которой выходила Императрица. Они обнялись и нѣсколько минутъ провели въ обычныхъ привѣтствіяхъ. Завидя бѣлую мазанку корч- мы и чтобы дать лошадямъ немного вздохнуть, Екате- рина предложила нѣсколько минутъ переждать. Предло- женіе принято. Екатерина и Юсифъ пошли особо. Свита немного поодаль. Потемкинъ указывалъ дорогу.

«И что это за корчма? И чортъ бы ее побралъ! шеп- талъ Свѣтлѣйшій, между тѣмъ, не зная самъ, куда идетъ и куда ведетъ двухъ вѣщносныхъ странниковъ: ну, ожидалъ ли я, ч то они тутъ встрѣтятся? Строилъ горо- да, рылъ горы, завоевывалъ царства, крестилъ Татаръ,

чтобы прославить Екатерину, и совершилъ чудеса, чтобы въ безлюдномъ краѣ она царственно проѣхала и увидѣла многолюдство; короля Польскаго заставилъ выѣхать ей на встрѣчу въ Каневъ, а Австрійскаго императора въ Херсонъ. Все устроилось отлично, — и вдругъ они встрѣтятся въ гнилой корчмѣ, гдѣ попадетя какой-нибудь жидъ или хохоль, или пьяный шляхтичъ. Наговорятъ ей, наврутъ; беспорядокъ...»

— Ваше величество, пожалуйста!» сказалъ Свѣтлѣйшій, ловко отворяя дверь корчмы и ступая туда за ними, какъ давно знакомый и съ этимъ мѣстомъ и съ самой корчмой, между тѣмъ, какъ глаза его, напряженно и не безъ волненія, слѣдили изъ-за спины гостей за внутренностью комнаты, куда они вошли.

Первыя впечатлѣнія отъ комнаты были пріятны. Чистыя лавки шли вдоль стѣнъ. Образа въ главномъ углу были утыканы сухими вѣтвями. Лампадка теплилась передъ иконою Николая Чудотворца, праздникъ котораго 9-го мая былъ черезъ два дня. Двухъ-лѣтній ребенокъ сидѣлъ у самаго порога комнаты на полу и деревянною ложкою колотилъ что-есть-мочи по головѣ поделѣповатаго котѣнка, котораго успѣлъ поймать и придержать между ногъ. Рябая курица вышла изъ-подъ лавки къ печкѣ, при чемъ, на только-что подметѣнномъ и усыпанномъ пескомъ полу, оставила рядъ крестиковъ отъ своихъ осторожныхъ лапокъ и клевала съ припечка, изъ деревянной

миски, покрытой полотенцемъ, пшениую кашу, припасенную на ужинъ. Не видя хозяевъ, Екатерина обратилась къ Потемкину:

— «Вѣроятно, здѣшняя хозяйка ушла на работу или на базаръ?» и, обращаясь къ Юсифу, прибавила:—«Не могу не замѣтить вамъ, графъ, удивительный здѣсь народъ; простота изумительная! Вотъ тутъ, напримѣръ: весь домъ оставленъ на руки двухъ-или полутора-лѣтняго ребенка!»

— «И еще—корчма! шинокъ!» прибавилъ почтительно Безбородко: «шинокъ, гдѣ продается вино! вотъ и бочка! А вѣдь никто и не тронетъ!»

— Это потому, ваше величество, замѣтилъ графъ Фалькенштейнъ, что все здѣшнее народонаселеніе ушло въ-надеждѣ увидѣть у Днѣпра свою Императрицу...

Императрица ласково протянула руку Юсифу, который ее поцѣловалъ, и съ улыбкою попросила его сѣсть. Потемкинъ, Румянцевъ, Безбородко, Шуваловъ и мы всѣ, изъ свиты Екатерины и Юсифа, почтительно стали удверей.

— Чѣмъ далѣе, ваше величество, началъ Юсифъ, тѣмъ болѣе я изумляюсь...

— Да, подхватила весело Екатерина, указывая на Потемкина, и глаза ея сверкнули счастіемъ и самодовольною гордостью: хорошо видѣть эти мѣста своими глазами! Враги князя все употребляли, чтобы очернить его передо мною и передъ свѣтомъ. Намъ сказали, что наѣдемъ на жары, несносные челоѣчеству, а мы наѣхали

на воздухъ теплый и вѣтеръ свѣжій, пріятный и самый веселый! Стенъ, правда, что безлѣсная и почиталась безводною, а мы, однако, видѣли повсюду ручьи и рѣчки, при которыхъ поселеній уже не въ маломъ числѣ! Пользы заведеній не всегда въ началѣ открыты понятію множества! Санктпетербургская губернія даетъ осьмую часть доходовъ всей Имперіи; она существуетъ восемьдесятъ четыре года, и Дворъ тамъ имѣетъ свое пребываніе. Посмотримъ, каковы доходны будутъ здѣшніе порты черезъ короткое время...

— Да, возразилъ графъ Фалькенштейнъ, играя кистью своего плаща: у князя Потемкина много враговъ, но еще болѣе друзей!

Екатерина продолжала:

— Кричали и противъ климата, пугали и отсовѣтывали! Обозрѣвъ самолично, сюда пріѣхавши, ищу причины такого предубѣжденія безразсуднаго... Слыхала я, что Петръ Первый въ разсужденіи Петербурга, долговременно находилъ подобныя! И я помню еще, что тотъ край никому не нравился... Но, во-истину, и этотъ не-въ-примѣръ не хуже, тѣмъ паче, что съ симъ приобрѣтеніемъ исчезаетъ страхъ отъ Татаръ, которыхъ наши Бахмутъ, Украина и Елисаветградъ по нынѣ помнятъ... Да, графъ, я теперь, съ немалымъ утѣшеніемъ, ежедневно ложусь спать, видя своими глазами, что я не причинила вреда, но величайшую пользу своей Имперіи...»

Вслѣдъ за тѣмъ разговоръ перешель къ иностранной политикѣ и къ Туркамъ. Живое любопытство предмета, и обмѣна глазъ на глазъ сокровенныхъ мыслей увлекли Екатерину и Юсифа. Придворные оставили ихъ на единѣ. И когда императрица снова позвала Петемкина и тотъ остался съ ними въ разговорѣ еще въ троемъ, былъ уже часъ по-полудни. Императрица не замѣтила, какъ провела болѣе двухъ съ половиною часовъ. Желудки путниковъ начинали себя напоминать. Первый нашель Безбородко и шепнулъ два слова Потемкину. Князь закусылъ губы. Екатерина какъ-бы угадала его мысли.

— Графъ, обратилась она къ Фалькенштейну: передъ отъѣздомъ къ галерамъ, не закусить ли намъ чегонибудь?

— Какъ угодно! Еще Петрарка сказалъ, что можетъ родиться племя, которому не тяжело и умирать: «*Nasce una gente a cui morir non duole*» отвѣтилъ Юсифъ, охотникъ до стихотворныхъ цитатъ: это прямо относится къ намъ и къ нашему странствованію...»

— Но есть-ли у насъ что съ собою? спросила Екатерина.

Кинулись къ экипажамъ. Оказалось, что въ-попыхахъ забыли взять съ собою придворную кухню Императрицы. Въ коляскѣ же графа Фалькенштейна нашли только недопитую, плоскую и широкую бутылку стараго венгер-

скаго, да краюшку сухаго хлѣба, которымъ графъ, на станціяхъ, охотникъ до лошадей всякаго рода, кормилъ своихъ рукъ обывательскихъ коней.

— А далеко ли до Днѣпра? сколько мы отѣхали? спросила Екатерина.

— Версть тридцать, Ваше Величество! Кажется не меньше будетъ! отвѣтилъ Потемкинъ: ѣхать тяжело и лошади устали; но не худо бы сейчасъ и продолжать путь!..

Юсифъ покрутилъ носомъ; ему очевидно хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь перекусить и заморить начинавшійся голодь.

— Да неужели тутъ нѣтъ чегонибудь, хоть самаго простаго? начала Екатерина: ну, масла, куръ, яицъ, сметаны?...

— Трудно достать! подтвердилъ Свѣтлѣйшій: мѣсто глухое и все теперь въ полѣ, на работѣ! Да версть на десять тутъ и поселка не найдешь... Вѣдь это, Ваше Величество, уже почти Запорожье...

Тутъ нашелся Безбородко.

— А шо, ваше сіятельство? мы и такъ нагодумемъ нашу Царицу! Гайда! Ось побачьте лишень...

И, подвязавши подъ-мышки носовой платокъ въ родѣ фартука, онъ открылъ трубу, наложилъ въ печку щепокъ, вздулъ огонь, поставилъ на треногъ сковороду; очень ловко угадалъ, что подъ лавкою, въ горшкѣ съ золою, дол-

жны быть яйца, выпустилъ ихъ дюжину на сковороду, и яичница зашипѣла въ огнѣ. Румянцевъ и Шуваловъ отъ него не отставали: нашли гдѣ-то крынку масла, съ чердака стащили провѣшеный въ дымникѣ свѣжій окорокъ, достали въ клѣтушѣ, въ сѣняхъ, два кувшина молока, и все это устали на столъ. Примѣръ увлекъ всѣхъ. Фрейлины чистили и поджаривали на вертелѣ, импровизированномъ изъ деревянныхъ щепочекъ, окорокъ. Іосифъ снималъ съ молока изъ кувшиновъ на миску сливки. Самъ Потемкинъ, въ душѣ посылая къ чорту всякія дорожныя приключенія, въ чулкахъ и башмакахъ, закинувъ полы шитаго золотомъ кафтана, не отставалъ отъ самодѣлковыхъ поваровъ истряпухъ: онъ засучилъ рукава, съ блондовыми манжетами, и перемывалъ и перетиралъ для Царскаго завтрака глиняныя миски и деревянныя тарелки шинкаря. «Ну, какъ вы себѣ тамъ ни радуйтесь этому!» кажется, думалъ онъ: «однакоже желудокъ всегда игралъ великую роль въ дипломатіи! И какъ-бы Іосифъ за эту яичницу не прибралъ бы насъ какъ-нибудь къ рукамъ въ начинаемомъ дѣлѣ съ Турками...» Пока завтракъ готовился, въ открытыхъ дверяхъ показался старикашка, согнутый, съ краснымъ носомъ и съ жиденькимъ бѣлымъ пухомъ на головѣ, около ушей и подъ носомъ. Онъ остановился на порогѣ, поглядѣлъ на всю компанію и засмѣялся тонкимъ, дряхлымъ голосомъ. Всѣ

замолчали и въ разныхъ положеніяхъ, съ любопытствомъ устремили на него глаза. Онъ вошелъ черезъ садъ.

— А що, паны, началъ старичекъ, очевидно бывшій слегка на-веселѣ: ходилъ я на царицу подивиться! Та ба. Ничего не видалъ... Нѣту уже по-за-вчера проѣхала!

Ризбитныя движенія его и шамкающій голосъ занялъ всѣхъ.

— Ты шинкаръ? спросила Екатерина.

— Шинкаръ, пани-матко, шинкаръ! А вы, зъ Мирной, чи зъ Кременчука?

— Изъ Кременчуга, изъ Кременчуга! отвѣтила Екатерина, съ улыбкою, втайнѣ радуясь, что ее не узнали.

Глаза Свѣтлѣйшаго такъ и впивались въ красноватые, разбѣгавшіеся глазки старика.

— А что, давно ли ты здѣсь шинкуешь? спросила императрица.

— Да какъ *Пугача* еще ловили, то я внука на войну снарядилъ, а самъ тутъ сѣлъ; вотъ съ какого году, считайте!

Имя Пугачова неловко подѣйствовало на слушателей.

Потемкинъ начиналъ кусать губы.

— А сынъ у тебя есть? продолжала Екатерина.

— Былъ, да уже сорокъ два года, какъ умеръ!

— Который же годъ, дѣдушка, тебѣ самому?

— Какой годъ, какой годъ? подхватилъ старикъ, улыбаясь: а вотъ какой! Десяносто осьмой годъ, говорятъ!

Я еще и Шведа не забылъ, какъ подѣ Полтавою бился, да и царя Петра Алексѣевича видѣлъ...» Имя Петра Перваго произвело общее изумленіе. Всѣ удивились и тѣсно сдвинулись къ старику. Потемкинъ подошелъ къ нему, ободрилъ его, даже съ улыбкою благосклонно потрепалъ по плечу. — Говори, говори, старикъ! какъ тебя звать? подхватила Екатерина.

Старикъ кашлянулъ, вынулъ изъ запазухи клѣтчатый платокъ и утерся.

— Постоите, добродію, что-то утомился, сяду не много, потому-что утомился, ходилъ пѣшкомъ до Днѣпра на царицю посмотриѣть, какая тамъ она есть. Да уже проѣхала! А я скажувамъ, царя Петра Алексѣевича видѣлъ я и говорилъ съ нимъ, какъ уже погнали Шведа до Переволочной, и мы панихиду служили! А зовутъ меня Грицько Галайда, а выпить я хочу... То нѣтъ-ли у васъ, господа, горѣлки? Моя Хвеська гдѣ-то запропастилась; а ключъ у-нея, и мнѣ не даетъ, хоть горѣлка моя!

— Кто же это Феська? спросилъ Безбородко.

— А моя наймичка! Она горѣлку мою продаетъ да меня доглядаетъ; а я уже не осилю; только что кулишь ѣмъ, да Богу молюся! Хорошая дѣвка, да шкодлива: отъ москалей не отобьешься!

Старика усадили.

— Такъ какъ-же, какъ? спрашивала его Екатерина: какъ ты, дѣдушка, видѣлъ царя Петра?

Беззубый Грицько потребовалъ вторично водки, выпилъ; потомъ попросилъ у Шувалова табаку изъ табакерки, замѣтя, что тотъ, изъ за-спины другихъ, нюхаетъ, понюхалъ, крякнулъ и началъ. Графъ Безбородко переводилъ его слова.

— Былъ я, пани-матко моя, началъ Грицько; былъ я, голубочко, панночко моя, тогда козакомъ и служилъ у Мазены въ войскѣ; только ему не передавался и царю не измѣнялъ. Какъ наступалъ на насъ Шведъ, а меня поставили съ алебардою и пицаль въ руки дали. Только туда-сюда, глядь; ажъ велятъ бить москалей и Шведу передаться. Не передались мы и пошли ватагою до лагеря. Тутъ палятъ изъ пушекъ, а мы поѣли хлѣба съ солью, да и сами давай палить. Послѣ насъ перевели за Ворсклу, черезъ Лыкощинъ-бродъ. А тутъ уже и самъ царь. Какъ стали стрѣлять, какъ стали, смотримъ — бѣгутъ русскіе, а тутъ и Шведы побѣжали. Вотъ такъ стоитъ царь, да въ трубу смотритъ, а такъ редутъ стоитъ а тутъ палатки... Ну, и побили мы ихъ! Да въ Переволочной и перетопили. Слышимъ: зовутъ на панихиду! Пришли мы; а трупы навалено, и Боже упаси! Чугунъ, ядра да кони. А тутъ и царь стоитъ: такой на немъ кафтанъ, и сапоги съ раструбами, и шпага. Попы поютъ канонъ, крестъ высокій такой на могилѣ ставятъ; а онъ поднялъ икону, что Шведъ-антихристъ на поруганіе расписалъ на шашечную доску и въ лагерьъ своею въ

шашки на ней игралъ, прослезился и при всемъ народѣ поцѣловалъ, а послѣ на освященіе отдалъ. Какъ сошелъ съ могилы, генералы окружили его, а онъ къ намъ. Обходить ряды. То съ тѣмъ, то съ другимъ изъ насъ поговорить. А мы казаки уже такъ и ждемъ, что стануть насъ перебирать. Объ Мазепѣ говоритъ. Онъ, говоритъ, уже въ Турецкую землю убѣжалъ, и мы, говоритъ, его оттуда вызволимъ. Сталъ наискосокъ, такъ противъ меня, да крутить усъ. Ты, говоритъ, румяный, откуда? А я былъ, какъ макъ румяный, и рослый, да сильный.— Изъ Койдакивъ, говорю, ваше царское величество!— Убилъ же ты хоть одного шведа? спрашиваетъ.— Семейныхъ, говорю, убилъ, да упалъ: а одинъ скурвинъ-сынъ безъ сабли былъ, повалилъ меня сзади, да платокъ изъ кармана вынулъ и удралъ опять. Такъ, загулящій народъ! Только бабъ нашихъ зобиждаютъ!— Усмѣхнулся онъ, постоялъ и говоритъ тому генералу, что выше да толще другихъ былъ и ближе къ нему стоялъ: вотъ этотъ, говоритъ, румяный и правду сказалъ, что Шведы дрянной и загулящій народъ! Мы баталію хорошую одержали!—А тутъ уже, послѣ панихиды, насъ и распустили по домамъ: кто куда хотѣлъ, туда и шелъ! И долго мы поминали царя...

Этимъ разсказомъ не кончилось. Императрица не одинъ еще вопросъ задала старику о видѣнномъ имъ, и жадно ловила его слова.

Въ умѣ Потемкина, между тѣмъ, зрѣла другая мысль. Онъ не хотѣлъ даромъ пропустить и этой случайной встрѣчи въ степи съ живою скрижалю время петровскихъ. Обратясь къ Императрицѣ, онъ сказалъ:

— Ваше величество! на обратномъ пути изъ Крыма, въ Полтавѣ, я намѣренъ представить вамъ зрѣлище, матери отечества и мудрыя царицы достойное: именно маневры воинскіе, гдѣ бы два разные лагеря представили на дѣлѣ примѣрно полный бой, блаженныя памяти, Императора Петра Великаго съ Карломъ XII, и для вѣщней вѣрности въ расположеніи войскъ и хода боя, возьму этого старика. Ему совершенно можно повѣрить, и онъ все отлично расскажетъ по памяти!

Сказано и сдѣлано.

Отъ старика наконецъ болѣе не хотѣли скрывать, кто передъ нимъ былъ. Онъ нѣсколько мгновеній не могъ найтись и оставался въ совершенномъ столбнякѣ. Потомъ упалъ на колѣни и вскрикнулъ: «Мамо, царица, помилуй!»

Императрица милостиво сама подняла его, снова обладала, поручила его графу Безбородко, спросила еще кой-о-чемъ и видя, какъ онъ занялъ ея гостей и въ особенности Юсіфа II, садясь въ экипажъ, спросила у старика:

— Ну, дѣдушка, скажи же ты мнѣ, чего ты желаешь? Все, что скажешь, исполню! Говори! Не робѣй...

Провожая Императрицу, старикъ остановился на порогѣ, сложилъ и опустилъ руки, взглянулъ на пышныхъ странниковъ, на придворныхъ, которые суетились, и задумался. Хмѣль его прошелъ...

— Ваше Царское Величество! сказалъ онъ: коли просить, вотъ чего я попрошу! Дайте мнѣ грошей, денегъ двадцать рублей мнѣ нужно! Есть у меня племянникъ — полюбилъ дѣвку и посватался; а батько ея не отдалъ. За тѣмъ, что бѣдный онъ! Ну, онъ и продался въ рекруты, панялся, выходитъ, за мѣщанина одного, за двадцать рублей — ну, и гуляетъ теперь! Такъ коли бы его спасти отъ солдатчины, пропитыя деньги мѣщанину воротить, а его женить! Вотъ бы мнѣ подмога и была... Да и жаль его: малюетъ, вокъ какъ малюетъ всякія картины, что поискать! Въ Борисовкѣ учился и совсѣмъ вышелъ маляръ: еще и въ Переяславѣ въ ученьи, въ бурсѣ былъ! Совсѣмъ грамотный!

— Гдѣ же твой племянникъ? спросила Екатерина: я думаю, ему уже лобъ забрили теперь?

— Ни, мамо! Срокъ еще до завтра; а онъ въ Мирномъ, тутъ не по далеку, на ярмаркѣ, съ своимъ наемщикомъ и гуляетъ...

Императрица обратилась снова къ графу Безбородко, поручила ему судьбу старика и его племянника, назначила сумму на выкупъ изъ рекрутъ и на свадьбу послѣдняго, и

уѣхала снова на Днѣпрѣ, къ своимъ галерамъ, съ графомъ Фалькенштейномъ.

И вотъ старый Грицько, котораго уже и Потемкинъ не желалъ упустить изъ виду, очутился въ раззолоченной каретѣ, и съ графомъ Безбородко понесся на ярмарку въ Мирное. Графъ, пользуясь тѣмъ, что Императрица должна была переждать нѣсколько въ Койдакахъ и потомъ спуститься ниже, для заложенія города Екатеринослава, и чтобы лично угодить ей, самъ поѣхалъ порѣшить судьбу племянника старика.

Невыразимо, говорятъ, было впечатлѣніе ярмарочнаго люда, когда золотая карета въѣхала на торгъ, и изъ кареты стали видны важный панъ, въ шелкѣ и въ бархатѣ, и старый дѣдъ, въ опухахъ и въ свиткѣ. Кинулись искать новаго рекрута, и не долго нужно было его искать. Онъ отыскался тутъ же, подъ горою, и явился къ каретѣ, какъ былъ, съ музыкантами и съ толпою народа, вездѣ ходившаго за нимъ слѣдомъ. Новому рекруту оставалось докучивать еще одинъ день, и онъ задавалъ ему духу.

По обычаю мѣстному, сохраненному и донинѣ, Боровиковскій, (такъ звали племянника стараго Галайды), еще съ утра обвѣшался лентами и платками, взялъ снова музыкантовъ, которыхъ бралъ ежедневно во всю выговорную съ хозяиномъ педѣлю, и пошелъ на торгъ. Хозяинъ, толстый мѣщанинъ, въ долгополой свиткѣ, съ трепетомъ долженъ былъ слѣдить и по уговору исполнять малѣй-

шее желаніе своего рекрута. По уговору положено было: ему, Боровиковскому, казаку и ремесломъ маляру, идти волею въ рекруты за мѣщанина, а мѣщанину за это дать ему двадцать рублей денегъ, да горѣлки вдоволь на цѣлую недѣлю, и цѣлую недѣлю выполнять каждое его желаніе. И вымѣщаль же за это Боровиковскій и всякій продававшійся въ рекруты, на его мѣстѣ, за потерю свободы! Чего только онъ ни придумывалъ, въ простотѣ своей, въ эту буйную и роковую недѣлю! Напримѣръ, въ первый же день онъ напивался до омертвѣнія, ложился среди улицы, приказывалъ прикатить боченокъ водки и собравшейся толпѣ кричалъ: «пейте! всѣ пейте!» Всѣ пили, а хозяинъ не смѣлъ отказать въ этомъ. Воспользовавшись ярмаркой, онъ водилъ гурьбу народа за собой. Подплясывая подъ музыку, также взятую на счетъ хозяина, онъ хваталъ съ купеческихъ прилавковъ шелковые и нитяные платки, серьги, ленты и гранаты, кричалъ: «на-те, это вамъ; люди добрые! берите!» и швырялъ ихъ горстями въ народъ, а хозяинъ, молча, расплачивался. Оставясь передъ бочкой съ дегтемъ, онъ кричалъ хозяину: «*Мажь встлж!*» Всѣ подставляли ноги, купецъ мазалъ кому сапоги, кому черевики, и хозяинъ снова безмолвно за все расплачивался. А попробуй онъ не заплатить! Продающійся имѣлъ тогда право тотчасъ отказать и идти въ рекруты за хозяина, и всѣ угощенія и данная сумма лопались безвозвратно. Подѣхавши къ торгу, Без-

ор одко остановился противъ любопытной гурьбы съ рекрутомъ.

— Ты наемщикъ въ рекруты? ты Боровиковскій? спросилъ онъ, взглядываясь въ забулдыгу, который уже не могъ танцевать, но все еще подъ хоръ музыки переминался на мѣстѣ и подплясывалъ.

— Я Боровик... Боровиковскій!

— Ну, Боровиковскій, готовься же: меня послала царица! Бросай своего хозяина. Вотъ деньги за тебя и за все, что ты растратилъ!

Изумленіе мѣщанина было невыразимо; онъ вытаращилъ глаза и, дрожа всѣмъ тѣломъ, лепеталъ: «За что же, помилуйте, не погубите!»

— А тебя, сказалъ Безбородко съ улыбкой:—я прощаю за противный законамъ подкупъ! Только, чтобы загладить вину противъ царицы, за нехотѣніе служить, ты долженъ сейчасъ же поступить на службу. Вотъ твои деньги!

Мѣщанинъ взялъ сто рублей и довольный тѣмъ, что получилъ въ пятеро болѣе, чѣмъ задолжалъ ему его рекрутъ, на другой же день самъ сдался въ солдаты.

Боровиковскій проспался и не вѣрилъ глазамъ. Онъ уже былъ дома. Дидусъ «Галайда», зажегши свѣчку у образовъ и закуривши ладанъ въ ручной поливяной курильницѣ, молился. Хвѣська, стоя у дверей, плакала. Когда дѣдъ удостоилъ вертопраха заговорить съ нимъ,

первымъ дѣломъ его было достать изъ огромной скрыни завязанныя въ холстъ деньги. Царица дала на свадьбу Боровиковскому особо сто рублей. А это была, въ тѣ годы, почти баснословная сумма для простолюдина въ Украинѣ, да и вездѣ. Молодой маляръ, еще вчера рекрутъ, не выдержалъ, упалъ на колѣни передъ образомъ, и залился слезами, цѣлуя царскія деньги. «Господи Боже! за что такая милость! Спаси и помилуй царицу! А тебѣ, дидусю, вотъ какое спасибо!» И онъ поклонился ему въ землю. Старику и маляру велѣно было немедленно снаряжаться и ѣхать на царской подводѣ въ Полтаву.

И кстати.....

На возвратномъ пути изъ Крыма, Императрица подѣ Полтавою смотрѣла неслыханные и невиданные дотолѣ маневры, гдѣ былъ представленъ примѣрный бой Русскихъ и Шведовъ. И эти маневры устроены по указаніямъ стараго Галайды. Конечно, онъ не могъ помнить подробнаго расположенія частей войскъ и хода боя. Зато съ невыразимою ясностью онъ помнилъ главныя черты побоища, и самое важное—могъ указать, гдѣ стоялъ, въ такое-то время, гдѣ скакалъ и гдѣ распорядился самъ царь. «Вотъ тутъ онъ глядѣлъ на Шведовъ! А тутъ понесся къ пушкамъ! А тамъ погналъ уже врага вовсе съ поля!»

Боровиковкій же отличился на другомъ поприщѣ.

Полтавское дворянство, въ самомъ городѣ, выстроило

заль, для встрѣчи Императрицы. Маршалу его кто-то шепнулъ о происшествіи близъ Койдакъ и о любопытной судьбѣ племянника старика, руководившаго приготовленіемъ царскихъ маневровъ. Онъ призвалъ маляра.

— Можешь расписать царскій заль?

— Могу.

— А какъ брешешь?

— Ни, убей Богъ, не брешу!

— Ну, смотри же! Вотъ тебѣ краски и кисти, что остались отъ новаго иконостаса въ соборѣ. Малой, да берегись! Испакостишь дѣло, дамъ тебѣ двѣсти батоговъ въ спину...

Боровиковскій принялся за работу и изумилъ всѣхъ.

Когда Императрица въѣхала въ Полтаву и вошла въ дворянскій заль, четыре картины на четырехъ стѣнахъ представились ея глазамъ.

На одной изображенъ былъ, во весь ростъ, Петръ Великій, въ видѣ плугатаря, пахавшаго тяжелымъ плугомъ пустынную, заросшую терніемъ и бурьянами почву Россіи.

На противоположной стѣнѣ изображена была Екатерина Вторая, въ видѣ сѣятеля, бросавшаго, изъ лукошка на плечѣ, сѣмена въ эту разрыхленную уже почву.

На третьей стѣнѣ изображалась опять Екатерина, съ перомъ въ рукѣ и со вдохновенно-откинутою головою, надъ своимъ знаменитымъ Наказомъ о составленіи проекта новаго уложенія.

На четвертой: семь греческихъ мудрецовъ, въ разныхъ положеніяхъ, удивлявшихся и ломавшихъ голову надъ этимъ Наказомъ.

Дальнѣйшая судьба Галайды не извѣстна. Боровиковскій же получилъ ходъ и въ послѣдствіи прославился въ Петербургѣ своими работами по церковной живописи.

ПАСЪЧНИКИ.

(РАЗСКАЗЪ ЗЕМЛЕМЪРА).

Однажды, среди хлопотъ по полюбовному размежеванію, провозился я, въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей *** уѣзда, что-то очень долго. Дѣло шло о поёмныхъ лугахъ и о водяной мельницѣ, между старухой помѣщицей и ея сосѣдомъ однодворцемъ. Барыня не уступала; не уступалъ и однодворецъ. Посредники выходили изъ себя. Нашъ-братъ, землемѣръ, въ такія минуты оказывается рѣшительно лишнимъ. Вѣтхіе старички иногда еще коротаютъ время, прохаживаясь, съ астролябією и вѣхами въ рукахъ, по пустыннымъ окрестностямъ, подготавливая очерки спорныхъ луговинъ, гдѣ-нибудь подъ горою, что въ Пѣстушахъ, или планъ сельца Колокольчикова, что въ Подзозулиной-балкѣ. Но мы, пылкіе юноши, у которыхъ на ногахъ еще не видно мозолей отъ

свершенныхъ прогулокъ по свѣту, мы просто не знаемъ, что дѣлать отъ скуки. Изволь бесѣдовать съ отряженными къ тебѣ вѣховщиками, которые, особенно въ теплую погоду, такъ и смотрятъ въ лѣсъ.—«Дѣло понятное!» думалъ я, проживая въ старомъ флигелѣ у помѣщицы: «съ такою хозяйкой просто со скуки умрешь!» Въ предчувствіи близкаго пораженія, необузданная барыня питала ко всему нашему сословію ненависть непримиримую. За хозяйскій столъ меня не звали; порція наливки въ рукахъ буфетчика уменьшилась... А на бѣду еще, посредники и предводительскій чиновникъ уѣхали, по случаю дворянскаго засѣданія, въ городъ. Къ-счастью, я вспомнилъ объ одной сосѣдкѣ, о милой дамочкѣ, съ которой встрѣтился зимою на вечерѣ у предводителя, и рѣшился, отъ нечего дѣлать, завернуть къ ней на село, и, замѣтите, завернуть пѣшкомъ, потому-что объ экипажѣ нечего было и намекать разобиженной полюбившимъ размежеваніемъ барынѣ...

Стояла весна.

Сборы были не долги. Село Бѣлобабовка на рѣкѣ Грунь-сухая лежало какихъ нибудь въ семи, или восьми верстахъ; пройти ихъ землемѣру было также легко, какъ иному мужику, ворочающему жернова и чугунные берковцы, смолотить лишній десятокъ сноповъ въ день. Я закурилъ трубку, запасся инструментами, въ надеждѣ, если не застану самой помѣщицы дома, позаняться съ

ея прикащикомъ провѣркою ея участковыхъ плановъ; распросилъ о дорогѣ и пошелъ.—«Идите, этакъ прямо!» говорилъ мнѣ тоненькою фистулою, ломаясь и важничая, главный поваръ барыни, Доримедонтъ, стоя, съ трубкою въ зубахъ, на крыльцѣ кухни:—«Спуститесь подъ горку; тутъ вамъ будетъ, такъ сказать, поворотка въ боръ, тамъ ступайте все прямо, прямо, одна дорога и есть; тутъ, около дороги, затѣнка, по-просту лѣсная пасѣка, и живетъ на ней пасѣчникъ Гордѣй; окликните его,—а онъ уже васъ и доведетъ!» прибавилъ убѣдительно поваръ, сплевывая въ сторону и косясь на мои пятки: «а онъ и доведѣтъ!»

Я спустился подъ гору, свернулъ на поворотку и не замѣтилъ, какъ охватили меня темные своды бора. На душѣ моей повеселѣло; я забылъ и старую помѣщицу, и хлопоты по полюбовному размежеванію, и самую цѣль своей прогулки въ село Бѣлобабовку...

Шаги мои робко раздавались по узкой просѣлкѣ. Въ два ряда, по сторонамъ, стояли такія сосны, что взглянуть на нихъ, такъ шапка валилась. Вообще этотъ боръ принадлежалъ къ рѣдкимъ исключеніямъ безлѣснаго *** уѣзда, составляя вѣковое достояніе множества мѣлкопомѣстныхъ владѣльцевъ, отъ рѣки Грунь-тихой, вплоть до ея сосѣдки, Грунь-сухой. Любо было даже издали глядѣть на его ровный, сосна къ соснѣ и вершина къ вершинѣ, нетронутый и многолѣтній островъ. Гордо выси-

лись даже мелоча, разбѣжавшіяся отъ главнаго клина кудрявыми и веселыми древесными выселками, по легкимъ водомоинамъ и приземистымъ холмамъ гладкой, какъ стрѣла, степи. Въѣзжихъ дорогъ въ этотъ боръ было очень мало. Причиною этому, впрочемъ, была не столько заботливость владѣльцевъ о сохранности его, сколько обширная, болотистая низменность, лежавшая по ту сторону бора, съ извилистыми, влажными тропинками, по которымъ съ трудомъ пробирались окрестные поселяне, искони знаменитые садовники и пчеловоды. Часто, проѣзжая здѣсь, вы встрѣтите большой обозъ съ дровами.

— «Откуда, братцы, ѣдете?»

— Изъ-подъ Трофимцовъ! — отвѣтятъ вамъ.

— «А какіе дрова?»

— «Груша, да яблоня лѣсная!»

И вотъ нынѣшняя участь старинныхъ грунтовыхъ садовъ и заповѣдныхъ засеѣкъ стараго украинскаго юга.

Боръ неожиданно смѣнился кущами чорнаго лѣса. Надо мною затемнѣла и сдвинулась сѣтчатая листва берестняка и кленовъ. Въ ея зелено-золотистыхъ просвѣтахъ, съ легкимъ свистомъ, шныряли дрозды и тѣ странныя, степныя птички, «ракши», которыхъ иногда можно встрѣтить у дороги, на копнѣ сѣна или на кочкѣ, и при взлетѣ которыхъ, кажется, что зеленый вѣверъ, брошенный изъ-за угла, раскрылся и летитъ по воздуху. Замелькали свѣтлыя лужайки. Близость воды была очевидна.

Въ простѣнкѣ мелкихъ орѣшниковъ, мелькнула верхушка куреня... И чѣмъ ближе къ пасѣкѣ, деревья становились свѣжѣе и зеленѣе. Точно пчелы сманивали лучшихъ красавцевъ бора. Всѣ деревья кругомъ стояли, какъ въ праздничныхъ нарядахъ, распространяя то первое, еще не прискучившее, весеннее благоуханіе, которое такъ радуетъ живущихъ вблизи лѣсныхъ мѣстъ. Вездѣ стояли столбы нѣжныхъ черемухъ, окинутыхъ медвяно-душистымъ цвѣтомъ. Вездѣ покачивались стрѣлчатая лозы, усыпанныя пушистыми, голубоватыми куколками, и гордо красовались кудрявыя дикія яблони, точно одѣтыя въ розовыя и палевыя мантіи, съ которыхъ, при легкомъ вѣтрѣ, сыпалась на кусты и на травы душистая метель крылатыхъ бабочекъ...

Я обошелъ маленькій ровъ и вступилъ на пасѣку. Въ куренѣ не было ни души. Я окликнулъ пасѣчника Гордѣя. Отвѣта не было; только эхо, звонко отозвавшись въ нѣсколькихъ мѣстахъ бора, вызвало прежнюю, еще болѣе торжественную тишину...

Будучи не чуждъ хозяйственныхъ соображеній, къ которымъ невольно привыкаешь, живя между нашими помѣщиками, охотниками потолковать о хозяйствѣ, я оглянулъ пасѣку, въ которой было мало-чѣмъ меньше сотни ульевъ, и тутъ же пожалѣлъ, что пасѣчникъ, хотя и выбралъ такое удобное мѣсто для первой перекочевки пчелъ, по всей очевидности ходилъ за этимъ дѣломъ, спустя рука-

ва. Ульи стояли маленькіе, кривые, на-скоро прикрытые черепками и лубками, и почернѣвшіе отъ дождей и вѣтра. Другіе—пустые, печальною грудю лежали тутъ же, въ сторонѣ, въ ожиданіи близкой поры роенья. Тѣсные домики крылатыхъ медоносицъ тонули въ густой травѣ, которая такъ вредна для пчелъ, заводя сырость и насѣкомыхъ. А между-тѣмъ, повторяю, лучшаго мѣста для пасѣки трудно было выбрать. Тутъ же, внизу площадки, виднѣлось и маленькое озерко. Пчелы въ это время еще не носили меду, а собирали по лугамъ и деревьямъ воскъ для новой «дѣтвы», какъ говорится, «новили»—заново мебелировали восчанья клѣточки своихъ домиковъ. Недавно еще слабая и черезъ силу преодолевающія легкій весенній вѣтеръ, онѣ уже съ мятежнымъ шумомъ вылетали изъ ульевъ за душистымъ, цвѣтовымъ «взяткомъ»—и пасѣка издавала пріятное, такъ знакомое пчеловедамъ гудѣнье. Между разною утварью, кинулся мнѣ въ глаза неуклюжій заиндѣвѣвшій самоварчикъ и какая-то запачканная книжка. Посуда и кое-какое платье были разбросаны тутъ же, по угламъ. Исключеніе составлялъ большой муравлений кувшинъ съ водою, поставленный на полкѣ и заткнутый пучкомъ только-что сорванной, свѣжей клубники. Я опустился въ курень, на солому. Смятое, належаемое мѣсто на ней было такъ уютно, что, казалось, здѣсь больше ничего нельзя было и дѣлать, какъ только лежать и ничего не дѣлать....

Со стороны бора слышались шаги. Кто-то обошелъ деревья, миновалъ улы и сталъ у куреня, молча, какъ бы слушая. Нѣсколько минутъ прошло въ тишинѣ...

«Осторожный человѣкъ!» подумалъ я и приподнялся на соломѣ. У низенькаго, треугольнаго входа въ курень, показались голова, съ рыжеватыми усами, и рука, съ наломанными вѣтками. Это былъ пасѣчникъ Гордѣй, полу-мужикъ и полу-мѣщанинъ, изъ вольноотпущенныхъ.

Назвавъ себя, я вышелъ изъ куреня, при чемъ худощавый и длинный пасѣчникъ обрисовался передо мною во весь ростъ, въ зеленомъ замасленномъ картузѣ, долгополомъ сюртукѣ изъ голубой нанки, какую носятъ въ мѣлкихъ городкахъ мѣщане, въ первую пору счастливыхъ барышей, и въ темныхъ съ цвѣточками брюкахъ, заботливо всунутыхъ въ высокіе сапоги. И ни одинъ пасѣчникъ явился передо мною. Рядомъ съ нимъ, на веревкѣ, стояли еще двѣ огромныя собаки, мохнатая и полуслѣпая отъ нависшей клочками сивой, почти красной шерсти, почему постоянно имъ простригали косые зеленые глаза.

— Не кусаются? спросилъ я.

— Даже и не лаютъ! отвѣтилъ отрывисто Гордѣй, бросивъ въ курень вѣтки и картузъ, и молча отправившись привязывать собакъ къ дальней соснѣ, за ульями.

Собаки Гордѣя точно не лаяли. За то ходили грудью

на волка и, кинувшись, безъ всякаго шума, на какую бы то ни было добычу, тутъ же ее и душили на смерть. Въ такихъ собакахъ особенно нуждаются южные поселенцы, не храброй руки, которымъ приходится водворяться въ степныхъ слободскихъ и приднѣпровскихъ участкахъ. — «Не можешь ли ты, братецъ, провести меня на Бѣлобабовку?» спросилъ я Гордѣя.

Пасѣчникъ молча оглянулъ меня и сталъ ближе, какъ бы изъ уваженія но въ тоже время съ напряженнымъ любопытствомъ осматривая меня. Погладивъ, на мой вопросъ, голову, онъ только переступилъ съ ноги на ногу и закинулъ руки за спину, при чемъ сухощавый станъ его нѣсколько сгорбился. Такъ, сколько замѣтилъ я, обыкновенно держатся дворовые люди, не первой молодости и резонёрскаго характера, отшедшіе, посредствомъ отпускной, на такое житье, гдѣ можно сразу успокоиться и вдоволь належаться и выспаться. Гордѣй принадлежалъ къ числу ихъ. Слѣды былой, избалованной и исковерканной на дармоѣдствѣ жизни проглядывали у него во всемъ. Впрочемъ, хотя онъ сѣлъ на пасѣку и не прямо отъ плуга, совершенно лѣнливымъ назвать его было нельзя. Встрѣчаясь съ нимъ не одинъ разъ впоследствии, я узналъ, что онъ былъ даже человѣкъ старательный и особенно усердно заботился о своемъ прибыткѣ. «А кого вамъ, смѣю спросить, надо на Бѣлобабовкѣ?» возразилъ Гордѣй.

Я рассказалъ ему свои намѣренія. Осторожный Гордѣй, какъ видно, успокоился (онъ на Бѣлобабовкѣ снималъ участки бора и опасался назойливыхъ соперниковъ), тутъ-же разговорился и объявилъ, что ему всѣ Бѣлобабовцы чуть не кумовья, что онъ тамъ бываетъ почти каждый день, у прикащика недавно крестилъ сынишку, на церковь пожертвовалъ новую икону и у помѣщицы снимаетъ уже второй годъ на бору, тутъ-же не далеко, еще мѣсто для пасѣки.

— А что? спросилъ я, закуривъ трубку и заинтересованный Гордѣемъ: какъ идетъ хозяйство бѣлобабовской помѣщицы?

Гордѣй подумалъ и не отвѣтилъ ни слова.

— А что? плохо идетъ? Да, ты братъ, не бойся: я челоуѣкъ посторонній и сору изъ избы не вынесу...

Гордѣй, улыбнувшись, сталъ водить рукою по листьямъ орѣшника.

— Странное дѣло! продолжалъ я, въ то время, какъ каріе рысы глазки Гордѣя такъ и слѣдили за мною: вѣдь вотчина этой барыни чего не захватываетъ: отъ Печѣреновскихъ пустошей и до Пяти-колодцевъ, все ея луга да залежи!

— «Да!» замѣтилъ, какъ бы въ раздумьи, Гордѣй: «много угодій... только-съ говорится, велика Ѳедора....» и, замолчавши, отвернулся; въ подвижномъ лицѣ его играла каждая жилка...

— Вотъ,—оно какъ! подхватилъ я, не безъ любопытства: а поди ты съ нашимъ братомъ, землемѣромъ; вѣдь мы, отмѣривая-то каждый день этакія линіи взадъ и впередъ, и Богъ знаетъ, чего не заберемъ въ голову! И богатство-то, и раздолье-то, и всякое довольство!....

Гордѣй оживился.

— «Да, сударь, всякія бываютъ земли; вотъ хоть бы и на долю нашей сосѣдкѣ! Измѣрилъ и я не мало дорогъ и бездорожья на свѣтѣ; цѣну земелькѣ знаю!»

— Такъ, стало-быть, мы съ тобой одного болота кулики? подхватилъ я, желая еще болѣе подзадорить неразговорчиваго собесѣдника.

— «Да-съ! продолжалъ Гордѣй: такихъ плодородныхъ земель, какъ въ этихъ мѣстахъ, такъ я еще и не видывалъ! Это правда,—вотъ хоть бы и въ Бѣлобабовкѣ: рабочихъ рукъ точно мало; за то земли по тридцати, да по сороку десятинъ на душу; три водяныхъ мельницы, объ осьми жерновахъ; лѣсъ дубовый, весь строевой, а по рѣчкѣ славъ; только подавай; берутъ и на колеса, и на сваи, и на доски; а конскій табунъ такъ еще покойный отецъ наслѣдницы завелъ, какъ былъ въ здѣшнихъ мѣстахъ исправникомъ! Нѣтъ-съ, имѣніе хорошее, хорошее! Нечего жаловаться!

— Да отчего же барынѣ-то бѣлобабовской тутъ не живется? Вѣдь, чай, и теперь въ городѣ?

— «Да-съ, въ городѣ! Такъ уже, не живется, видно, да и только!» отвѣтилъ Гордѣй, усмѣхнувшись...

Мы этакъ не мало ходили, бесѣдуя, съ Гордѣемъ по пасѣкѣ, съ площадки которой виднѣлась вся обширная болотистая низменность, отдѣлявшая боръ отъ возвышенности, за которою, въ туманномъ просвѣтѣ синѣющаго далекаго лѣса, очевидно обозначавшемъ логовище большой рѣки, чуть виднѣлась верхушка бѣлобабовской церкви.

Въ это время заворчали собаки.—Между сосенъ, въ кустахъ орѣшника, показались два старика, одинъ выше, другой пониже, оба бѣлые, какъ черемухи въ цвѣту въ бѣлыхъ шапкахъ и въ бѣлыхъ, широкихъ кафтанахъ до земли. Гордѣй извинился и пошелъ къ нимъ. Нѣсколько минутъ онъ съ жаромъ о чемъ-то говорилъ съ ними, размахивая руками, и вернулся не въ духѣ. Старики еще постояли, поглядѣли на меня и, въ своихъ бѣлыхъ кафтанахъ и шапкахъ, колышась, какъ тѣни, медленно удалились къ повороткѣ просѣки.

— Кто это?

— «А!» отвѣтилъ, съ неудовольствіемъ и какою-то неприязненностью Гордѣй: «прахъ ихъ побери! Тѣшинскіе богачи, тоже пасѣчники; тутъ на бору близъ меня и заведеніе; отецъ съ сыномъ; такъ сюда всѣ и ползутъ мѣста нѣтъ! Одному сто-пятнадцать, а другому восемьдесятъ лѣтъ! Шутка ли? Деньги лопатами загребаютъ, а

туда же попрошайничаютъ; улы, вишь, понадобились; пчелы роиться стали! У кого что, а у нихъ уже роятся!...

Гордѣй плюнулъ; онъ былъ очевидно разсерженъ.

— Что же ты, обѣщаль имъ?

— А съ какой стати я буду обѣщать? ну, ихъ! отвѣтилъ Гордѣй и молча глянулъ въ ту сторону, гдѣ между кустовъ орѣшника, уже едва виднѣлись бѣлыя шапки тѣшинскихъ пасѣчниковъ....

Мы походили еще нѣсколько между куренемъ и со- снами.

— Ну, а у тебя какъ дѣла идутъ? спросилъ я, оставиваясь у обрыва площадки и невольно продолжая любоваться зелеными топяи.

— Ничего! отвѣтилъ Гордѣй: идутъ себѣ, плетутся!

— То-есть, какъ же это?

— Да такъ же; плохо идутъ, коли хотите знать, да и все тутъ!

— Быть не можетъ! Пчелы идутъ плохо? При этой-то веснѣ? Расскажи, пожалуйста! Что-то странно это, когда подумаю, что весь вашъ край только и хвалится, что вашими, да еще волчанскими пчеловодами...

Рыжіе усы и рысьи глазки Гордѣя задвигались. Видно было, что въ внутри его опять кипѣло. И не мудрено, какъ я узналъ впоследствии: Гордѣй былъ, какъ выражаются о такихъ людяхъ, «придорожное гореваньеце»...

Я выбралъ мѣстечко, у края площадки, сѣлъ на перевернутый улей и занялся вооруженіемъ большой пѣнковой трубки, которая составляла неизмѣнную утѣху мою во всѣхъ многообразныхъ похожденияхъ «дѣловой практики» уѣзднаго землемѣра.

Гордѣй началъ:—«Скажу вамъ, сударь, то-есть, по чистой по правдѣ, что нѣтъ тому на свѣтѣ бѣльшаго такого горя, какъ видѣть гоненіе судьбы-сѣ! А, опрѣчь того, еще просто непонятныя дѣла!»

Гордѣй на минуту перемолкъ и началъ опять тихимъ, какимъ-то плаксивымъ и будто размякшимъ для большей жалости голосомъ:

— «Пришелъ я, сударь, въ эти мѣста изъ крѣпостныхъ, какъ вольную получилъ! Много на первыхъ-то порахъ, сѣ горяча, путей и дороженекъ я поиспробовалъ! Глупъ былъ! кидался и въ наемъ по камердинерамъ, и въ трактирные, и въ мелкое, какъ есть торгашество по мостамъ, да на перекресткахъ въ городахъ! Я изъ Великороссіи, сударь; на Окѣ, если изволите знать, и родина моя! Понамаялся! Ну, да этому и давно, лѣтъ уже сѣ десять, и больше будетъ; ходилъ и въ тонкомъ сукнѣ, и при часахъ, и въ бархатныхъ жилеткахъ; а случалось и такъ, что сѣ позаранку-то, какъ народу еще мало на улицахъ, и милостыню просилъ. Всего было! Глупъ былъ! Опомнился я однако во время; осадилъ меня одинъ, изъ вольноотпущенныхъ тоже,—старикъ уже былъ, безсе-

мейный и совѣмъ, какъ говорится, прогорѣвшій съ перваго размаху; говоритъ: «Куражъ куражомъ, а о спасеніи души тоже помышляй!» Шла молва въ нашей сторонѣ о здѣшнихъ пасѣчникахъ; меня вотъ такъ и подманило... Мѣста въ лѣсахъ, думаю себѣ, ни почемъ, да и сбытъ хорошій; въ городѣ, по близости, какъ извѣстно и вашей милости, свѣчная восковая фабрика, а медъ и помѣщики, и монастыри, и нашъ братъ, здѣшній поселенецъ, берутъ, только подавай! Ну, я и сѣлъ на пасѣку; да что, — дѣло совѣмъ выходитъ плѣвое! Эти, старыето здѣшніе пчеловоды точно заворожили, всѣ мѣста на бору; хоть брось!

— Что жъ такъ однако? Времена дурныя подошли, что ли?

— «Нѣтъ! сударь, нѣтъ! отвѣтилъ Гордѣй мягче и какъ-то грустно задумчиво: на времена пожаловаться нельзя; травы родятся по колѣно: пчела только носи! Маломѣдности въ здѣшнемъ краѣ и не знаютъ! А не идетъ у меня однако, да и только! Какъ заколдовано, другаго и не придумаешь. Да вотъ, просто, сударь, вамъ сказать, продолжалъ Гордѣй, присѣвъ на траву: видали-ль вы когда, какъ на жнивѣ иной колосъ стоитъ въ ростъ человѣческій; а тутъ же, въ серединкѣ-то, завелась худосочина, отъ земли или и такъ, отъ сѣмени; не родится на ней хлѣбъ, да и полно! Вотъ такъ и у меня! То вдругъ гнильцовая зараза ударить, передъ утренниками, какъ насту-

пять первыя росы; то пасѣка съ пасѣкою чужою въ сѣтку ударится, вотъ какъ-бы настоящее сраженіе происходитъ, — ажно страшно становится; и переведется иногда, въ одинъ разъ, полъ-завода! То такъ, видно кто-нибудь дорогу перейдетъ, станутъ вдругъ всѣ пчелы, какъ сонныя, и мрутъ до той поры, что и на рои ничего не останется! Ходилъ я и къ бабамъ, и солдатъ одинъ ворожилъ; ничего не беретъ! А вотъ, года съ три, такъ случилась такая оказія. До тысячи колодокъ было; семерыхъ работниковъ держалъ; повѣрите ли, господа съѣзжаться стали смотрѣть; губернаторъ мальчика въ ученье отдалъ! Ну, и перебился я зиму; кормилъ пчелу лучшимъ медомъ и еще прикупалъ. Привалила, хоть бы и теперь весна, да запалилъ жаръ, и зароились мои пчелки, — да такъ, что ульевъ въ городѣ на сто цѣлковыхъ подрядилъ. Что же, сударь! Въ полъ-лѣта это вдругъ налетѣли жукалки такія, «шѣршни» здѣсь прозываются, съ хоботкомъ да съ рожками, стали бить и поѣдать пчелу; а тутъ пошли дожди, завелась тля, да такая, что какъ перевернули ульи, а тамъ даже и воску нѣтъ; одна паутина, да гниль! Такъ тутъ, повѣрите ли, хоть въ воду, какъ изъ тысячи-то колодокъ, да осталась вся пасѣка на тридцати! Вотъ оно, какъ идутъ у меня дѣла, если вы желали знать! Теперь и другую особенную пасѣку развожу второе лѣто, тутъ же на бору, — да что?... Проку нѣтъ, вотъ что! Проку, барышей.... нѣтъ....

И Гордѣй, съ усиліемъ проговоривъ послѣднія слова, нагнулся къ землѣ и замолчалъ. Я также молчалъ, смиренно потягивая изъ погасавшей уже и храпѣвшей трубки.

Въ это время, за кустами внизу площадки, послышалось тѣньканье колокольчика; раздался быстрый и мягкій стукъ неокованныхъ колесъ, и изъ-за холма, въ сторонѣ кустовъ, показался на телѣжкѣ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, въ полотняной фуражкѣ и старомодномъ сюртукѣ, домашняго покроя.

— Сысочъ! прикащикъ изъ Тѣшина! шепнулъ Гордѣй, поспѣшно вскакивая съ травы....

Не успѣлъ онъ приподняться, какъ голубая телѣжка круто повернула вниз, между раkitникомъ, и подвезла къ обрыву площадки коротенькаго, румянаго толстяка, сидѣвшаго среди мѣшочковъ и какихъ-то связокъ. Телѣжка, при помощи краснощекаго и сутуловатаго мальчишки кучера, въ долгополомъ армякѣ, остановилась; только разбитый колокольчикъ на дышлѣ долго еще не могъ успокоиться и неистово заливался, потому-что косматыя и, какъ видно, приобрѣтенныя въ разное время лошаденки, въ дышлѣ, были чуть не на полъ-аршина одна выше другой и долго не могли найти точки равновѣсія. Сысочъ съ усиліемъ повернулся между клажи, позвалъ къ себѣ Гордѣя и спросилъ тихо, однако же такъ, что я слышалъ: — «А кто это?»

Гордѣй назвалъ меня и, какъ видно, тутъ же на-ско-

ро, выболталъ ему всю подноготную о моихъ намѣреніяхъ идти на Бѣлобабовку и повѣрить тамъ запущенные участковые планы помѣщицы. — Слова Гордѣя погрузили тѣшинскаго прикащика въ раздумье, при чемъ онъ нѣсколько разъ поднималъ на меня красноватые, заплывшіе жиромъ и весьма плутоватые глазки.

— «Ну, миленькій, вотъ же что!» заговорилъ опять шопотомъ Сысончъ: «сходи, миленькій, въ курень и захвати кувшинчикъ съ водицей; страхъ хочется, испить! Просто, какъ-будто вотъ горить что внутри!» — И онъ пощупалъ животъ.—«А куда изволите?» спросилъ Гордѣй развязно, косясь на меня и устанавливаясь поближе къ телѣжкѣ, съ хозяиномъ которой онъ былъ, очевидно, на пріятельской ногѣ, или по-крайней-мѣрѣ хотѣлъ это показать....

— «А къ Семенычу, къ винокуру, голубчикъ!» возразилъ, зѣвнувъ, толстый прикащикъ: «вообрази, звалъ новопосѣлой отвѣдать; это на какихъ-то косточкахъ шельма настоялъ! Говорить, какъ нальешь, такъ точно масло, — не льется наливка, а капаетъ; чуточку только послѣ въ носъ пошибаетъ!»

Гордѣй на это льстиво замоталъ головою и пошелъ въ глубину площадки.

—«Да ужъ и медку, мамочка, захвати кстати!» крикнулъ ему вслѣдъ пожираемый жаждой толстый Сысончъ...

И, не слѣзая съ телѣжки, Сысойчъ снялъ бѣлую фуражку, причеъ на полномъ и розовомъ, какъ яблоко, темени его не оказалось ни единого волоска, и, поклонившись мнѣ, произнесъ:

— Честь имѣю-съ... Тѣшинскій управитель изъ разночинцевъ, Ардальонъ Сысойчъ!

Я также отрекомендовался.

— Въ наши мѣста изволили пожаловать? спросилъ онъ съ деликатною улыбкой.

— Да-съ, есть одно дѣло по сосѣдству, по размежеванію; а пока теперь предпринялъ прогулку на село Дарьи Романовны Стебликовой, если знаете?

— «Какъ не знать? какъ не знать?» произнесъ Сысойчъ; и, вздохнувъ, прибавилъ: «А вотъ, я никакъ, простите, въ толкъ не возьму: отчего это теперешніе господа совсѣмъ не живутъ въ своихъ вотчинахъ, точно они имъ и не нужны?»

Я счелъ долгомъ сослаться на пріятности нынѣшней городской жизни, такъ сманивающей нашихъ деревенскихъ хозяевъ, и пустился развивать мысль объ общественныхъ увеселеніяхъ. Но толстый собесѣдникъ меня не слушалъ. Онъ, съ усиленнымъ вниманіемъ, глядѣлъ на площадку и вдругъ спросилъ меня:

— «А что, изволили вы говорить съ здѣшнимъ пасѣчникомъ?»

— Говорилъ; а что?

— «Такъ-съ; хорошій человѣкъ!» — замѣтилъ прикащикъ, какъ бы въ раздумьи и продолжая глядѣть въ ту сторону, откуда долженъ былъ появиться хлопотавшій для него Гордѣй.

— «Не пьеть, не буянить и всемъ пріятенъ!» продолжалъ онъ: «только вотъ бѣда, дѣла-то его какъ-то того, не клеятся! Дѣла-то его...»

Я спросилъ о причинѣ. Сысойчъ подмигнулъ....

— «Причина очень простая!» скромно замѣтилъ онъ, какъ-бы готовясь читать самое отрадное, похвальное слово Гордѣю: «очень простая причина!—Есть здѣсь въ степяхъ, въ простонародьи, такое слово, еще испоконъ-вѣку идетъ между здѣшними хозяевами, что дѣло пчельное удается только людямъ *чистымъ*, непорочнымъ, такъ сказать, безъ всякаго изъяну! Это, можно выразиться, оселокъ человѣка!... Присмотритесь-ка; вѣдь здѣсь, по этой причинѣ, ногой не пустятъ на пасѣку человѣка, который бы лишнее слово иногда любилъ ввернуть въ разговоръ! Сказано бо есть въ народѣ: «ходи за пчелою, какъ за твоею душою!...» Ну, а у Гордѣя безъ изъяну не обойдется; и хорошій онъ человѣкъ, и о прибыткѣ заботится, да и вытерпѣлъ много на своемъ вѣку, а не обойдется! Бывали за нимъ грѣшки, и не большіе грѣшки, а бывали! Есть за нимъ одна маленькая исторійка такъ-себѣ, дѣльцо прошедшее, и почти давно позабытое... а дѣльцо нечистое.... и я его знаю...»

Мистическій Ардальонъ Сысоичъ замолчалъ. Въ концѣ площадки, между сосенъ, показался ликующій Гордѣй, съ кувшиномъ воды и крынкой меду. Видно было, что онъ особенно старался угодить гостю. Напившись и уложивъ крынку на телѣжку, Сысоичъ сказалъ мнѣ еще два-три слова, лукаво подмигнулъ на Гордѣя и тронулся далѣе. Пасѣчникъ пошелъ съ нимъ рядомъ.—«А что же-съ?» заговорилъ онъ почтительно: «Когда же-съ, на счетъ прибавки платы тѣшинскимъ плотникамъ? Я уже, сударь, обѣщаль ихъ артельному!»—Сысоичъ на это съ улыбкой погрозилъ ему пальцемъ, еще разъ кивнулъ мнѣ и поѣхалъ далѣе.

— «Очень добрый человѣкъ!» произнесъ отрывисто Гордѣй, возвращаясь ко мнѣ, при чемъ однако въ лицѣ у него не было ни кровинки: «Только нечего ему совсѣмъ дѣлать у насъ при старостѣ, да при конторщикѣ! Въ здѣшнемъ окологдѣ, скажу вамъ, совсѣмъ никакихъ даже происшествій не бываетъ; народъ самый тихій и работающій! Такъ, вотъ только, отъ скуки все ѣздитъ по знакомымъ!»—И, засмѣявшись, Гордѣй запахнулъся кафтаномъ.

На дворѣ начинало вечерѣть. Я вспомнилъ о цѣли своей прогулки.

— «Ты мнѣ, Гордѣй, сказывалъ, что другую теперь пасѣку разводишь на бору? Не по дорогѣ ли она намъ будетъ? Проведи, братецъ, на Бѣлобабовку, уже время!»

— Да куда-же вы, сударь? заговорилъ быстро Гордѣй: еще успѣете на село; чай, пѣшкомъ-то устали; да и прикащикъ тамошній теперь еще въ полѣ; вечеромъ тоже не много наработаете! Лучше посидите еще, да и медку не желаете ли? у меня прошлогодній припасень, а то можно и самоварчикъ взогрѣть;—а завтра холодкомъ, на зарѣ, и пойдете; и пасѣку мою другую тогда лучше поглядите! Авось, съ легкой руки вашей, и счастье мнѣ привалить!..

— «А и въ самомъ-дѣлѣ, пережду я у него!»... подумалъ я: «торопиться нечего; погода славная, я же и усталъ!»

— Ну, благодарствуй, Гордѣй! сказалъ я: быть по твоему, остаюсь у тебя! Угощай гостя!

Гордѣй засуетился; вздулъ сухой дождевикъ, родъ гриба, который постоянно дымился у него на пасѣкѣ, съ подвѣтренной стороны, отгоняя отъ ульевъ комаровъ и мошекъ; и скоро на травѣ, у куреня, задымился низенькій, пузатый самоварчикъ. Гордѣй повеселѣлъ; суровое и рѣзкое выраженіе его узкихъ и блѣдныхъ губъ, его сухощаваго лица исчезло; острые глазки увлажнились; рыжеватые усы заботливо шевелились. Онъ отъ души хотѣлъ меня угостить; и, не смотря на свое постоянное отвращеніе къ самоварамъ и самоварникамъ, которые такъ не ладятъ съ нашею несложною, степною

простотой, я обрадовался, когда налитой стаканчикъ очутился передо мною. . . .

А между-тѣмъ стѣны исполинскихъ сосенъ, площадка съ ульями и островерхимъ куренемъ, долина внизу и камыши, все уже подернулось вечернимъ отблескомъ. Солнце скатилось къ окраинѣ горизонта. И на всемъ, на островерхомъ куренѣ и стволахъ сосенъ, на голубомъ кафтанѣ и брошенномъ по-одаль картузѣ Гордѣя, на крышкахъ ульевъ и головахъ страшилищныхъ собакъ, на дальнихъ озарахъ и на концахъ моихъ сапогъ, вездѣ легли желтопурпурныя, перебѣгающія пятна. . . .

И вотъ, заслышавъ близкія сумерки, слетѣлись первые отряды рабочихъ пчелъ. Бодрья и радостныя работницы, какъ бы не хотя, какъ бы желая еще разъ взглянуть на отдаленные луга и перелѣски, гдѣ цѣлый день метались и звонко гомозились онѣ, не опускались еще къ темнымъ отверстиямъ знакомыхъ ульевъ и, забывъ свои пѣсни, медленно плавали вверху деревьевъ, надъ нашими головами и, будто засыпая, золотистыми искорками висѣли въ вечерѣющихъ потокахъ соннаго воздуха. . . .

Совеѣмъ стемнѣло.

— «А кто тебѣ, Гордѣй, обѣдать готовить?» спросилъ я, перевертывая послѣдній стаканъ и развалившись у куреня, на травѣ.

— «Кумушка одна, молодка, готовить, на деревнѣ;

тутъ недалеко и живетъ!...» отвѣтилъ развязно Гордѣй, суетясь за собираніемъ посуды.

Стаканы скоро были унесены. Сонъ меня сталъ сильно одолѣвать. Я перебрался въ курень, упалъ на мягкую солому и скоро заснулъ. Но въ первыя минуты мнѣ все слышался голосъ Гордѣя. Впослѣдствіи я сообразилъ, что Гордѣй въ-самомъ-дѣлѣ рассказывалъ мнѣ о сосѣдяхъ старикахъ, тѣшинскихъ пасѣчникахъ, къ которымъ онъ питалъ нерасположеніе, о стопятнадцатилѣтнемъ отцѣ и осьмидесятилѣтнемъ сынѣ.

—«Вы не повѣрите», рассказывалъ насмѣшливо Гордѣй: «что это за сквалыги! Отецъ сталъ уже совсѣмъ, какъ не человѣкъ, ничего не помнитъ; а скупъ, говорятъ, и деньги зарываетъ! Продалъ, съ годъ назадъ, меду и зашилъ два цѣлковыхъ въ голенищу; а сынъ-то подмѣтилъ и вырѣзалъ! Вотъ, пришелъ отецъ жаловаться къ исправнику.—«Такъ и такъ, говоритъ: уймите сына; шалить, говоритъ, надо посѣчь, батюшка; обворовалъ меня!»— Позвать сына, говоритъ исправникъ: а какой ему годъ!—«Восьмидесятый годокъ пошелъ, батюшка!»—раземѣялся на это исправникъ и успокоилъ старика! Можетъ это и не правда, а только говорятъ, и я въ городѣ слышалъ...»

Многое еще говорилъ Гордѣй, сидя у двери куреня, склонивъ голову и обхвативъ колѣни руками; но я скоро почувствовалъ сладкое обаяніе неудержимаго сна;

голосъ Гордѣя сталъ мнѣ казаться голосомъ комара, который будто возился гдѣ-то у меня надъ ухомъ; треугольный просвѣтъ куреня превратился въ зеленоватый глазъ, убѣжалъ прочь и сталъ колыхаться вдали, межъ кустами, будто поддразнивая меня. Словомъ, всякая чепуха полѣзла въ голову....

Когда я опять раскрылъ глаза, была уже черная, черная ночь. Я приподнялся. Гордѣй, раскинувшись навзничь, спалъ у куреня. И онъ измаялся. По лѣсу шли какіе-то глухіе, завывающіе звуки; точно перекликались въ его чащѣ волки. Собаки пасѣчника не лаяли, но слышно было, какъ онѣ иной разъ тревожно метались на длинной привязи, точно высматривали кого въ кустахъ. Я посидѣлъ еще немного и опять упалъ, какъ убитый...

Было ясное утро, когда я проснулся. Гордѣй уже исчезъ. Онъ до зари еще снялся и пошелъ съ разными снадобьями, въ сопровожденіи собакъ, на другую свою пасѣку, а меня не захотѣлъ разбудить. Онъ, какъ дѣловой человѣкъ, торопился; время роенья было недалеко, барыши его подмывали...

Вмѣсто Гордѣя, у куреня сидѣлъ приземистый, плоненькій, грязненькій и, какъ говорится, пришибенный мужичокъ, въ обдерганной шапкѣ и въ старой свиткѣ, съ прорванными локтями. Въ немъ я тотчасъ узналъ савинскаго *Михрютку*, какъ его прозывали въ окрестностяхъ, одного изъ работниковъ, проживавшихъ въ най-

махъ у того самага однодворца, о которомъ я упомянулъ въ началѣ разсказа.—«А! Михрютка!» закричалъ я, протирая съ полусонья глаза: «ты здѣсь?»—Михрютка закивалъ головою и что-то забормоталъ, при чемъ его подслѣповатые глазки изъясляли уже несказанное удовольствіе при видѣ знакомаго. Онъ сидѣлъ и рылся въ землѣ. Это было его вѣчное ремесло. Куда бы его ни послали, онъ шелъ безъ отговорокъ, на пути заглядывалъ подъ каждое бревно, подъ каждую вѣточку, собирая грибы, общипывая травы и безпрестанно разсуждая съ самимъ собою вслухъ. Прозвище Михрютки было ему дано по случаю неказистой и загнуанной его фигурки. Съ боку прищѣка и пятая спица въ колесницѣ во всемъ, онъ однако былъ любимъ всеми. Оно точно: суровый и дубоватый однодворецъ, хозяинъ его, держалъ его, какъ бы не замѣчая, и Михрютка, работая на него, какъ ломовая лошадь, также какъ-будто не выражалъ къ своему хозяину ни особой пріязни, ни особаго отвращенія. Но посторонній глазъ могъ примѣтить въ этихъ отношеніяхъ тѣнь за-таенной симпатіи. Хозяинъ и работникъ жили, какъ живутъ на свѣтѣ, по выраженью народа: «ложка да миска, петля да пуговка, топоръ да топоріще.» Они были нужны другъ другу. Нуженъ оказывался, впрочемъ, Михрютка и не одному угнетенному сосѣдкой однодворцу. Всякой работѣ его у хозяина было свое время; да и немного было работы, съ тѣхъ поръ, какъ сосѣдка-помѣ-

щица вздумала оттягать у него поёмные луга и мельницу. Онъ сталъ подмога и вѣстовщикъ всѣхъ почти окрестныхъ поселянъ; одному несъ въ поле брусокъ для косы, другому забытаго въ хатѣ ребенка, съ третьимъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ, толкуя по своему, отрывистыми и какими-то слезливо-насмѣшливыми фразами о томъ, что: «Вотъ, точно, Гарасько, возьмутъ у тебя сына въ косари, возьмутъ!» или: «Нечего, друже, дѣлать; околѣла твоя корова, околѣла, бѣсъ ее побери!» И утѣшалъ онъ и задумывался, какъ бы пріискивая средство помочь горемыкѣ, и двигался во всѣ стороны, какъ лихорадочный, приговаривая: «Ахъ ты, бѣда-бѣда! Горе, да и только!»—Такъ и теперь Михрютка занесъ Гордѣю обѣдать по пути, Богъ вѣдаетъ, какимъ-образомъ, изъ далекой Бѣлобабовки на свои выселки.—«А, что, какъ? того... ваше благородіе... какъ на счетъ той пани? Возьмутъ у насъ мельницу, возьмутъ?» спрашивалъ онъ дрожащимъ голосомъ, заворачивая въ дырявый платокъ съ полъ-десятка набранныхъ подъ кустами грибовъ, должно быть для дѣтей своего хозяина, и выводя меня, по просьбѣ ушедшаго утромъ Гордѣя, на тропинку, къ другой пасѣкѣ послѣдняго.

— «Ничего, братъ, не бойся!» говорилъ я: «по законамъ рѣшатъ дѣло! Скажи своему Ѳедору Иванычу, чтобы не опасался и даромъ не ѣздилъ въ городъ! Скажи, по законамъ все рѣшится! Да прибавь, что дѣло его

правое, посредники давно признали это, и только надо еще, понимаешь, собрать нѣкоторыя справки!»—Михрютка притихъ и шелъ, слушая меня, съ замирающимъ, трепетнымъ восторгомъ. — «Вотъ, вотъ...» началъ онъ, останавливаясь на перекресткѣ и утирая слезившіеся глаза: «Вотъ оно, какъ теперь! вотъ оно!» И быстро пошелъ въ сторону, размахивая руками.—«Куда же ты? Пстой!»—Но Михрютка ничего уже не слышалъ; дырявая свитка его залихватски колыхалась, платокъ развернулся и грибы посыпались на траву, а ноги учащали скорѣе и скорѣе. «Куда же ты?» кричалъ я ему во слѣдъ... Михрютка обернулся. Лицо его сіяло, брови двигались, по бородѣ текли слезы. «На слободку! Туда!... Ѳедоръ Иванычъ... Дѣтки его!...» Михрютка не договорилъ и скрылся за кустами...

Я пошелъ далѣе.

Въ лѣсу стало темнѣть. Сосны смѣнились дубомъ и берестнякомъ. Въ просвѣтѣ, между ихъ маковокъ, скоро кинулся мнѣ въ глаза улей-бортовикъ; высоко подвязанный къ вершинѣ исполинской липы. Но, вмѣсто гладкой поляны, на которой, по словамъ Гордѣя, онъ пробивалъ мѣсто для новаго пчельника, передо мною предстала дикая, глухая просѣка, въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ, съ десятками бѣлыхъ, огромныхъ ульевъ, надъ которыми жужжали и метались тучи пчелъ. «Это не-то!» подумалъ я: «сбилея съ дороги, должно быть!» И въ то же время

передо мною, изъ-за кучи зеленаго хвороста, наваленнаго по близости, очевидно для ограды, поднялся весь бѣлый, какъ призракъ, старикъ съ густою и широкою бородою. Этотъ день ознаменовался для меня еще однимъ знакомствомъ.

Не трудно было узнать въ представшемъ старикѣ одного изъ видѣнныхъ мною вчера пасѣчниковъ-сосѣдей Гордѣя; другой старикъ, помоложе, хотя такой же бѣлый, накинувъ черную сѣтку на лицо, стоялъ поодаль, нагнувшись передъ кустомъ и готовясь собирать въ улей новый рой, тогда, какъ разомъ изъ двухъ ближнихъ ульевъ поднимались другіе рои и, то свиваясь, то развиваясь въ воздухѣ, клубомъ стояли надъ пасѣкою. Старикъ, по завѣту старины, готовясь переселить молодыхъ медоносицъ въ новый улей, заботливо обмахивалъ и освѣжалъ его бѣлую, чистую средину вѣникомъ изъ первыхъ, благовонныхъ травъ, обрызгавъ ихъ медовою сытою, съ молокомъ и крещенскою водою. Заботясь о будущемъ жилищѣ для молодаго роя, онъ совершенно былъ углубленъ въ работу и не замѣчалъ моего прихода. То были образцы старинныхъ украинскихъ пчеловодовъ, какихъ уже теперь мало, старцевъ чистыхъ и благочестивыхъ, сурово-степенныхъ и важныхъ на слова.

— «Богъ въ помощь!» сказалъ я, подходя къ старшему обитателю бора и невольно любуясь живописными и рѣзкими морщинами его лица, которое, среди благоу-

хающаго лѣса и всегда на вѣтрѣ и свободѣ, цвѣло здоровьемъ и какою-то мудрою веселостью, въ то время, какъ глаза его, уже едва глядѣвшіе изъ-подъ густо-нависшихъ, клочковатыхъ бровей, ласково встрѣчали гостя.

— «Спасибо!» отвѣтилъ съ улыбкой и поклономъ старикъ, щурясь на меня изъ-подъ ладони и едва передвигая ноги.

— «Или уже роятся?» спросилъ я, оглядывая, съ застенчивымъ наслажденіемъ, его пасѣку, отъ которой такъ и вѣяло стариной и таинственностью.

— «Да, роятся; далъ Господь! Вонъ, какое тепло! хорошее время!» произнесъ старикъ медленно, обращаясь лицомъ къ солнцу и почесывая рукою открытую, загорѣлую грудь.

— «А какъ тебя звать, старинушка?»

— «Тарасомъ!» отвѣтилъ старикъ, ласково прищуриваясь на меня.

— «Ну, Тарасъ, я же у тебя отдохну!» сказалъ я и вошелъ въ курень, сопровождаемый медленными шагами и поклонами старика.

Какая разница съ Гордѣемъ и его обстановкою!

Въ куренѣ было бѣдно и пусто. Но малиновка лучше не свила бы своего гнѣзда. Самовара и чашечекъ, правда, здѣсь не было, и трава обильно проростала плоскую крышу куреня, походившаго, вслѣдствіе этого, на зеленую кудрявую голову, выглядывающую изъ-за ульевъ. За то всѣ нужныя средства, для лѣченья и сбереженья пчелъ,

стояли тутъ же, на полкахъ, а въ главномъ углу куреня, на рѣзной липовой подставкѣ, виднѣлись образа угодниковъ *Савватія* и *Зосимы*, завѣтныхъ покровителей пчеловодства. Заговорилъ я съ Тарасомъ, его рѣчи не были рѣзки и холодны, какъ рѣчи Гордѣя, который и стариковъ-сосѣдей не щадилъ, и Ардальонъ Сысоича охажалъ, и на самихъ пчелъ смотрѣлъ какъ-то равнодушно-непріязненно, видя въ нихъ одно средство къ прибыли. . . Не то было съ Тарасомъ. Послѣдній о пчелахъ говорилъ не иначе, какъ съ какимъ-то сіяющимъ, торжественнымъ увлеченіемъ, причемъ широкая, сѣдая борода его такъ важно покачивалась нагруді; не иначе называлъ ихъ, какъ непорочная, чистая пчела. Упомянулъ я о Гордѣѣ; онъ и о Гордѣѣ выразился:

— «Да, жаль; человѣкъ работающій, только не удается ему дѣло что-то; жаль!»—И только.

— «Ну, а сынъ твой, доволенъ ли ты сыномъ, дѣдушка?» спросилъ я.

— «Ничего доволенъ!» отвѣтилъ кротко старикъ: «человѣкъ онъ тихій и праведный!»

— «Навралъ!» подумалъ я, вспоминая вчерашній рассказъ Гордѣя объ исправникѣ и о вырѣзанныхъ деньгахъ. — Долго еще сидѣлъ я въ куренѣ стараго пасѣчника; съ особеннымъ восхищеніемъ влущивался я въ тихія рѣчи его, межъ тѣмъ, какъ вѣтеръ, съ тихимъ шелестомъ пробираясь сквозь соломенные стѣнки куреня,

доносилъ ко мнѣ медвяный запахъ травъ съ ближней луговины.

Провожая меня, Тарасъ остановился подъ темнымъ дубомъ и, на вопросъ, кто первый завелъ у нихъ пасѣнку, степенно-торжественнымъ и однозвучнымъ голосомъ разсказалъ мнѣ:

— «Охъ, годы мои, годы! Какъ вспомнишь, такъ просто тяжело становится, что до этой поры не прибралъ Господь! Долго живу я, пожалуй и Потемкина-князя помню, какъ мимо насъ въ Туречину ѣздилъ; а отецъ-то мой еще долѣе жилъ! Завелъ покойникъ пасѣнку тогда еще, какъ населялось Тѣшино, Бѣлобабовка, да и всѣ почти ближнія наши слободы... То было хорошее время...» — И старикъ на минуту поникъ головой. — «За то же, илюбо было, какъ караваны, въ десятки возовъ, шли отъ насъ за Кіевъ и въ Крымъ, съ медомъ да воскомъ! Повѣрите ли? у нашего брата, простаго казака, на Ворсклѣ, да на Донцѣ, иной разъ бывало по двѣ и по три тысячи колодокъ пчель! И пчелы не теперешнія, выродившіяся, а дикія, отъ созданія свѣта, вылетали изъ нашихъ затинокъ! А теперь.... и народъ выродился, и пчелы выродились!» — Тарасъ, внезапно освѣщенный пробившимся сквозь листву дуба лучемъ, опять замолчалъ. — «Да что! молодые изъ хозяевъ не обращаютъ вниманія теперь на эту прибыль. Что имъ она? Много ли дастъ барышей? Вонъ, нашъ тѣшинскій, умный такой прикащикъ, а вырубилъ весь

свой лѣсъ, да обстроилъ конскій заводъ. Былъ я на мѣстѣ, какъ онъ рубилъ старый, запущенный липнякъ, за Груню! Топоръ-то какъ хватилъ, а двухъ-сотлѣтняя липа и повалилась; — смотримъ, а въ дуплѣ ея старая борть; и вынули изъ нея бѣлую, какъ слезу, глыбу дикаго меду, пудовъ въ тридцать. Мы такъ и ахнули! Пчелиная-семья давно уже за грѣхи наши улетѣла, а хозяйство намъ оставила; на-те, значить, берите, а мнѣ не нужно, Богъ съ вами!» Тарасъ замолчалъ.—Поднявшійся вѣтеръ перебиралъ листочками сосѣдней ясени. Старикъ, подъ вдохновеніемъ завѣтныхъ воспоминаній, стоялъ передо мною, полузакрытый низенькими порослями дуба, какъ таинственное лѣсное видѣніе....

—«А вотъ, хоть бы и отецъ мой покойный, началъ онъ: не намъ былъ чета. Силы неимовѣрной былъ! Черезъ три года, подъ осень, какъ пчелъ на зиму въ амшеникъ складывалъ, къ родичамъ за Полтаву ходилъ. И ничего; перевалить, было, за плечо котомку и пойдетъ отмѣривать; по сту верстъ въ недѣлю дѣлалъ! И какой чудной еще былъ; дожилъ до того, что уже какъ дитя сталъ. Напослѣдокъ только сидѣлъ все на солнцѣ у куреня, да грѣлся... Я только, бывало, смотрю на него. Вотъ однажды и призываетъ онъ меня къ себѣ: «Возьми ты, говоритъ, меня, Тараско, и вынеси на гору, что надъ большою проѣзжею дорогою, за сѣломъ, гдѣ лѣсъ!»—Богъ знаетъ, отчего, только забилось у меня сердце, какъ я это услы-

шалъ. Взялъ я его на плечи (посильнѣй, знаете, тогда еще былъ), и понесъ. Несу его огородами за околицу— Вынесъ... «Ну, теперь опусти ты меня, говоритъ, на травку. Посади, говоритъ, лицомъ на поле и на столбовую дорогу. Хочу, говоритъ, въ послѣдній разъ поглядѣть на все: и откуда, говоритъ, пришелъ я, и какъ день и солнце заходятъ!»—Опустилъ я его на траву, надъ горою, а самъ чуть живой стою и себя не помню. Сидѣлъ онъ этакъ долго, да все озирается, да все смотритъ и точно усмѣхается, а вѣтеръ волосы перебираетъ на головѣ... Страшно мнѣ стало... Погода была, вотъ хоть бы и теперь, весенняя, теплая; птицы щебетали, по дорогѣ шли косари, пѣсни пѣли... Да вдругъ онъ обернулся ко мнѣ и говоритъ не своимъ голосомъ: «Ой, что-же это? слѣпну я, что ли, Тараско?» Протянулъ передъ собою руки, точно шарилъ, искалъ чего, поводилъ-поводилъ руками, да тутъ же и отошелъ... Повѣсилъ я голову и какъ ни судилъ, а пришлось просить священника, и похоронили его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ желалъ... И глядитъ онъ теперь денно и ночью на столбовую дорогу и на поле и видитъ, какъ день начинается, и какъ солнце заходитъ...»

Я простился съ Тарасомъ.

Разговоръ съ Михрюткой, отыскиванье Гордѣя, бесѣда съ Тарасомъ и новые поиски Гордѣя—все это отняло у меня не мало времени; и, когда я нашелъ опять Гордѣя, солнце снова начинало уже опускаться къ закату

Я чувствовалъ себя въ какомъ-то особенно-пріятномъ настроеніи. Закусивъ пирогами и ухой, которые были принесены утромъ Михрюткой со слободки, я вступилъ съ Гордѣемъ въ подробные распросы о сосѣдяхъ и не разъ улыбался на его ѣдкия, острыя выходки противъ окрестныхъ чудаковъ. Онъ вообще былъ смышленный и даровитый человѣкъ. Желая помочь ему докончить къ вечеру расчистку лунокъ для ульевъ и подготовку забора, я тоже принялся подскабливать травы и обтесывать колышки.

— « Ты говоришь, что пришелъ изъ дворовыхъ? » спросилъ я между прочимъ Гордѣя, вспоминая рассказъ Ардальона Сысоича и любопытствуя узнать, что за грѣшки водились за Гордѣемъ и что могло повредить благодатному успѣху его занятій пчельнымъ дѣломъ? Я и самъ на разъ слышалъ, что, по степнымъ повѣрьямъ, особенно грѣховные поступки въ отношеніи къ женщинамъ вредятъ этому....

— « Да-съ! » отвѣтилъ Гордѣй: « точно такъ; баринъ нашъ скончался, а тутъ, видите-ли, по его духовной, всей дворнѣ и дали отпускныя! »

— « Что-же, гдѣ же теперь проживаетъ ваша дворня, твои бывлые товарищи? »

— « Да, по правдѣ вамъ сказать, при жизни покойнаго барина дворня-то наша была велика, шестьдесятъ семь человѣкъ, и при этомъ еще была очень распущена,

все плясала больше безъ всякаго дѣла, дармоѣдничала; а тутъ уже и совсѣмъ разбрелась...

Когда, въ сумерки уже, отведя опять собакъ на старую пасѣку, повелъ меня Гордѣй къ долину, на Бѣлобабовку, онъ какъ-будто о чемъ-то все думалъ, о чемъ-то хотѣлъ все поговорить со мною. Я изъ-подъ тишка наблюдалъ его; голубой кафтанъ его какъ-то особенно козыристо покачивался на немъ, а зеленый картузь, свѣшенный на-бокъ, просто отчаянно сидѣлъ на его головѣ. Молча шагала онъ, взглядывая то вдаль, то на меня, то въ землю, то на кусты, и вдругъ произнесъ:

— «А вѣдь я знаю, сударь: вѣдь вы вчера говорили, должно быть, обо мнѣ съ тѣшинскимъ прикащикомъ?»

— «Говорилъ! А что развѣ?»

— «Да такъ-съ. ничего! Онъ изъ нашихъ мѣстъ и тоже, какъ и я, сюда пріѣхалъ! Другаго только барина былъ!»

— «А; такъ вотъ онъ откуда! Я этого и не зналъ!»

Я замолчалъ. Онъ тоже. Такъ мы вошли въ первые кусты долины...

Видно терпѣніе Гордѣя наконецъ лопнуло. Онъ какъ-то особенно передернулся, притиснулъ къ носу козырекъ и обратился ко мнѣ. Лицо его было блѣдно, узенькіе глаза пристально слѣдили за мною....

— «Досадно мнѣ, право, сударь, началъ онъ: что этотъ

человѣкъ выносить соръ изъ избы, и вездѣ меня порочить одною вещью!»

Гордѣй, пройдя съ форсомъ нѣсколько шаговъ, замолчалъ, какъ бы выжидая, какое впечатлѣніе произведутъ его слова на меня. Но мнѣ было особенно грустно; я шелъ молча.....

Гордѣй раза два еще взглянулъ на меня, прошелся, еще порывистѣе придернулъ къ носу замасленный картузь и возразилъ:

— «А вотъ, видите ли сударь, а вотъ теперь уже мнѣ и понятно: тѣшинскій Сысоичъ отлично успѣлъ на меня вчера наговорить! Ну, да пусть его знобить! Пусть... Эка звѣрь! Вотъ душа-то; нѣтъ, вотъ бездушный!...»

И, когда я сказалъ, что Сысоичъ рѣшительно ничего мнѣ такого не говорилъ, Гордѣй задумался и сказалъ: «Нѣтъ, сударь; не обманывайте меня; я съ разу замѣтилъ, что онъ уже успѣлъ поговорить обо мнѣ! Была со мной точно одна исторія; и хотя она давно уже была, а все еще такъ, вотъ, и стоитъ передо мною... и я хочу, сударь, вамъ рассказать ее!...»

И онъ началъ:

— «Былъ я у барина сперва на селѣ; мужиченкомъ съ косою ходилъ. Услышалъ разъ баринъ, какъ я пою на работѣ, и взялъ меня во дворню, въ пѣвчіе. Такъ я и жилъ при немъ. Ну, нельзя сказать, чтобъ въ первую пору опять не манило на деревню! Жила у насъ на селѣ

дѣвка умная и красивая. Одна осталась на хозяйствѣ сиротою; да на какомъ хозяйствѣ! Изба новая большая, хоть на двѣ семьи; огородъ, чуть не на десятину; а лѣсъ—такъ дикихъ однихъ яблокъ, да грушъ, изъ ея участка, по три воза продавали! Я и сталъ за нею при-волакиваться. Слюбились мы. Передъ петровками все это уладили; приходимъ къ барину и бухъ въ ноги. А баринъ, какъ я уже докладывалъ, былъ очень старъ чего не помнилъ и все только сидѣлъ въ креслѣ, а камердинеръ ему книжки читалъ!—«Я, говоритъ, голубчики, Богъ съ вами! ничего не знаю; по мнѣ—Богъ васъ да благословить; только дѣло это отъ старосты зависитъ, какъ онъ рѣшитъ!» Мы къ старостѣ. А это былъ прехидный человѣкъ.—«Нѣтъ, говоритъ: какой онъ мнѣ работникъ! Женится на Дарьѣ, на село перейдетъ; а какой онъ мнѣ пахарь! Мужикъ намъ, батракъ нуженъ, а не дворовый, картежникъ, да лѣнтяй. Богъ съ ними, съ этакими!»—Такъ и отрѣзалъ барину. А баринъ любилъ и почиталъ его. Что ты будешь дѣлать! Ужъ я и мать къ нему, съ полотномъ, засылалъ и самъ носилъ мадеру, и Дарья женѣ его новой полушубокъ снесла! Не беретъ ничего, да и баста! Честности былъ удивительной! Такъ мы бились цѣлый годъ.... Вижу, невѣста моя совѣмъ измаялась, на себя не походитъ; все смотрять на нее да головами качаютъ!... «Ну, Гордѣюшка, говоритъ: что хочь, вели, все для тебя сдѣлаю; не пожалю те-

перь ни себя, ни добра своего!» Сидѣли мы этакъ и говорили. Поглядѣлъ я на нее, а она вся не своя, дрожитъ, и жаръ въ глазахъ. — «Что-жь, говорю, Дарья: приходится намъ, видно, съ тобою разлучиться! Такъ долше уже нельзя намъ любиться; и ничего между нашихъ душенекъ не было; только баринъ узнаетъ, плохо будетъ мнѣ!» — Она, какъ была, такъ и ударилась; руки упали, головою бултыхнулась объ стѣну, и ни слова, вся помертвѣла... Я къ ней: «Пошутилъ я, говорю, душа моя, пошутилъ! еще не все пропало!» Вотъ она и говоритъ: «Ну, Гордѣй, хорошо же; приходи завтра опять сюда, объ эту же пору; увидишь тогда!» Сказала, встала этакъ и пошла улицею. Пошелъ и я на барскій дворъ: а сердце такъ и колотится. Вотъ, занялось утро, позвали насъ къ обѣду; и, только-что я хлебнулъ первую ложку, слышимъ, бѣгутъ: *Пожаръ, пожаръ!* Выбѣжали... Дарьяина изба вся въ поломѣ, а искры уже перекидываетъ на крестьянскіе хлѣба, которые тутъ, къ сторонкѣ, стояли; осенью только-что мужики и собрали. Вѣтеръ былъ отъ села; другихъ дворовъ не тронуло; а Дарьяина изба и весь мірской хлѣбъ сгорѣли до тла. Да еще та бѣда: подъ скирдами прилежь соснуть нашъ лѣсничій, старичекъ такой тихій былъ, только немного изъ себя тучновать; чуть, бывало, пригрѣетъ солнце, онъ уже и тычется гдѣ-нибудь, въ холодкѣ, приляжетъ и проспитъ до вечера. Сгорѣлъ также. Схватили дѣвку, ведутъ къ до-

просу. «Такъ и такъ, говоритъ старостѣ, а сама убивается: не повинна я въ душѣ человѣческой, видитъ Богъ, не повинна; а несла золу изъ печи, да и обронила уголь!» Стали ее судить. А мнѣ такъ на чистоту шальная все сказала: «Любила я тебя больно, Гордѣюшка, больно любила и хотѣла выжечь все свое богатство; пускай себѣ не зарятся! судомойкою бы пошла во дворню, а доказала бы тебѣ любовь свою!»

— «Ахъ, ты дура, дура! подумаль я. Ну, подите же! Да что! Такова уже видно моя участь, еще въ тѣ поры, была!»

— «Что же ты, женился на ней?» перебилъ я, невольно заинтересованный его разговоромъ...

— «Гдѣ жениться, помилуйте!» замѣтилъ иронически Гордѣй и пристально взглянулъ на меня: «вѣдь на поселеніе присудили сумасбродницу, за поджогъ и причиненіе смерти, по закону присудили, а мнѣ же не идти за нею....»

Онъ продолжалъ:

— «Какъ теперь это помню, захотѣлось мнѣ увидѣть какъ везти ее стануть. Выпросилъ у кучеровъ барскаго коня, да ночью, до свѣта, и махнулъ въ городъ! Что же вы думаете? Все наше село уже тамъ! Вѣдь хлѣбъ у всѣхъ погубила, лѣсничаго сожгла, а ничего! Таковъ уже народецъ! Староста было слово, а они: знаемъ, молъ, кормилецъ, знаемъ, что она преступленіе сдѣлала; знаемъ;

судъ ее и караетъ за это, и идетъ она въ Сибирь! Да утѣшеніе-то ей нужно, кормилецъ, утѣшеніе! И стали съ иконами на дорогѣ, и всего-то надавали ей на телѣгу конвойную, и такъ это жалобно все говорятъ, да кланяются: голубушка, родненькая, бѣдненькая ты, дѣвчоночка наша! Такъ, что, вижу конвойнаго офицера даже до слезъ прошибло; а я, стоячи за угломъ, такъ просто чуть головой обѣ стѣну не бился!...»

Мы вошли въ камыши, между которыми извивалась терялась вдали узенькая влажная тропинка....

Солнце между-тѣмъ давно закатилось; боръ едва уже виднѣлся за озерами, и низменность тонула въ туманѣ. Впрочемъ, лучи солнца какъ-будто еще носились въ сумеркахъ и захватывали кое-гдѣ выступившіе верхи зеленыхъ кустарниковъ, да синеватыя полосы водныхъ застоевъ.

Гордѣй молчалъ. Молчалъ и я...

И вдругъ, точно благовѣсть въ глухую, передъ-праздничную ночь, со стороны бора, раздалась громкая, въ нѣсколько десятковъ голосовъ, пѣня. Быстро перелетѣла она черезъ кусты и камыши и, пройдясь по доли-нѣ, сначала замерла и затерялась въ отдаленіи. Но опять и еще громче зазвучали голоса, точно сердились и на жалобы Гордѣя, и на мое тоскивное раздумье. Свѣжею и благодатною струей повѣяло отъ нихъ. И, не прошло пяти минутъ, какъ, промежъ камышей,

затопали десятки шаговъ, и на дорогу высыпала цѣлою деревнею толпа крестьянъ, съ граблями и косами. Нарядныя бабы и дѣвки, всѣ въ цвѣтахъ и лентахъ, шли впереди; статные мужики шли сзади; съ боку, въ припрыжку, съ цѣлыми ворохами цвѣтовъ и болотныхъ порослей, бѣжали босоногіе ребятишки....

Толпа, поравнявшись со мною, поклонилась и на время замолкла; но, уже на близкой плотинѣ, опять раздалась ея пѣсня.

— Чьи это? спросилъ я Гордѣя.

— «Бѣлобабовскіе! съ косовицы ранней идутъ! Вы не повѣрите,» — прибавилъ онъ: «травы у мужиковъ уродило столько, что и не запомнятъ! Просто благодать! Даже досадно!» —

Въ потемкахъ уже не было видно Гордѣя; мы шли почти ощупью. Но я замѣтилъ, что пѣсня и вообще вся картина нежданно-выступившей крестьянской толпы сильно подѣйствовала и на него. Можетъ-быть вспомнилъ онъ молодость, когда бодрый и свѣжій, разгуливалъ съ косою и пѣсней по лугамъ и сѣннымъ раздольямъ.

Повѣяло нежданно сыростью. Между вербъ сверкнулъ въ потемкахъ прудъ; запахло дымомъ, и на косогорѣ тихо вздрогнувъ, будто развѣшенные по окраинѣ неба мелькнули огоньки деревни. Мѣсяцъ еще не вырѣзывался. Домъ помѣщицы выступилъ среди пространнаго двора, и во всемъ селѣ ни одна собака не лаяла...

VI.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЧЕРЕШНЯХЪ.

Былъ у меня въ сосѣдномъ казенномъ мѣстечкѣ, Черешняхъ, пріятель докторъ. Служа при военномъ госпиталѣ, онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Ну велико-ли казенное жалованье военного медика? А посмотрите, между тѣмъ, чего у него не было! Послѣдняя копѣйка шла на пріобрѣтеніе книгъ, газетъ и журналовъ. Рижскому, извѣстному садовнику и поставщику ботаническихъ припасовъ на всю Россію, Вагнеру, стоило только назвать имя Карталинскаго, онъ приходилъ въ восторгъ: «А! герръ Карталинскій, герръ Карталинскій! О! это великій знатокъ и покровитель флоры: онъ ее понимаетъ и живетъ ею!» Стоитъ ли прибавлять, что герръ Вагнеръ зналъ герра Карталинскаго по

перепискѣ, за полторы тысячи верстъ, и что садъ великаго покровителя герра Карталинскаго былъ величиною всего въ пять квадратныхъ сажень. И когда подумаешь, что другіе сосѣди, окрестные помѣщики, владѣльцы имѣній въ тысячу и въ пять тысячъ десятинъ земли, имѣютъ сады, гдѣ прозябаютъ искони одни яблоки, да дикорастущая туземная вишня, то невольно беретъ злость. Иной разъ пріѣдешь къ такому господину,—на дворѣ жарко, въ комнатахъ, безъ занавѣсокъ душно, и спѣшишь въ садъ.

— Куда вы?

— Въ садъ! Хочется посмотрѣть на ваши дорожки и бесѣдки. Вашъ садъ, говорятъ, столѣтній, и еще адъютантъ Потемкина, ухаживая за вашею прабабкой, насадилъ здѣсь каштаны.

— Э! помилуйте, отвѣчаетъ безъ запинки хозяинъ: стоитъ ли ходить по бурьянамъ? Каштанъ этотъ можетъ быть и есть, да я не видѣлъ его;—а дорожки у насъ не чистятся уже седьмой годъ. Перестали плодить бергамоты, мы его и запустили!

А у Карталинскаго чудеса, сущія чудеса. Пришелъ онъ чуть не пѣшкомъ въ мѣстный университетъ, кончилъ курсъ, живя уроками, женился, кажется на другой же день послѣ выпускныхъ экзаменовъ, на сестрѣ губернскаго учителя, такого же бѣдняка, какъ и онъ, и былъ причисленъ къ военному госпиталю. Квартирка его въ че-

решняхъ, бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ квартировалъ уланскій полкъ, состояла изъ трехъ комнатъ. При квартирѣ былъ дворикъ величиною съ любой залъ инаго помѣщичьяго дома. У этого-то дворика онъ и отрѣзалъ часть земли подъ садъ. Удобрилъ землю, насадилъ деревьевъ, и пошли дива дивныя. Въ одномъ углу сада, съ необычайною быстротою давшего уже густую тѣнь отъ бѣлыхъ акацій, дикаго жасмина и душистыхъ тополей, явилась тепличка, въ три аршина длины и вышины, куда невозможно было даже войти, но гдѣ разводились на зиму и выставлялись къ веснѣ на воздухъ оранжерейныя растенія. Въ другомъ углу возникъ парничокъ, и къ Пасхѣ за столомъ доктора стала являться зелень, редисы, щавель, салатъ и скороспѣлые огурцы. У самыхъ оконъ дома, выходившаго въ садъ, раскинулся диковинный цвѣтникъ такихъ цвѣтовъ, о которыхъ въ околоткѣ и не подозрѣвали. Среди клумбъ вознеслась бесѣдка, съ хитро разма- леванными карнизами и стѣнами. Хмѣлевая бесѣдка, съ ванною внутри, приткнулась уже у самаго плетня, въ переулокъ. Наконецъ вдоль бѣлой солнечной стороны до- мика, имѣвшей, даже въ осенніе дни, градусовъ до пят- надцати тепла, явились виноградныя лозы, и на второе же лѣто собственные ребятишки Карталинекаго, въ концѣ сентября, нарвали корзину, фунтовъ въ двадцать, своего винограду, да какого еще? первѣйшихъ южныхъ сортовъ, нарочно выписанныхъ изъ Крыма и Кавказа. А соб-

ственная душа Карталинскаго, любовь къ чести и къ правдѣ, вопреки мѣстной житейской логикѣ? Э! лучше о немъ и не упоминайте...

Люблю я такую слободку Черешни....

Сидѣлъ я на дняхъ въ садикѣ у Карталинскаго. Зелень едва проглянула, но на солнцѣ было уже тепло. Онъ курилъ сигару изъ своего доморощенного мерлендскаго табаку, который тоже воздѣлывалъ, и былъ въ торжественномъ настроеніи духа. Жена его, Вѣра Осиповна, еще въ ваточной мантильи, сидя на скамеечкѣ съ косымъ изголовьемъ, читала въ слухъ какую-то повѣсть изъ новыхъ журналовъ. Изрѣдка чтеніе прерывалось общими замѣчаніями. Чего, казалось, еще не доставало для счастія бѣдныхъ людей нашего десятка? Весна, первые теплые дни, умная книга, милое общество доброй молодой женщины. Соловьи только что прилетѣли. Кругомъ разносилось дыханіе первыхъ липкихъ почекъ тополей, одаренныхъ необыкновенною пахучестью. Кусты крыжовника убирались зелеными куколками. Береза изъ-за плетня опускала ожерелье своихъ гладенькихъ цвѣточныхъ сверточковъ. За ближними вербами, по ту сторону сосѣднихъ огородовъ, раздавалось веселое побрякиванье цымбалъ, и треньканье ходячей скрипки. Тамъ былъ спрятанъ подъ вѣтвями, у рѣвки, шинокъ. А надъ нами трагетно сквосила и точно носилась вверху и плавала «лазури таящая нѣжность»....

— А вѣдь вы не знаете, о чемъ я думаю? сказалъ Карталинскій.

— Не знаю, Михаилъ Петровичъ!

— Вотъ о чемъ. Только что я сегодня сдѣлалъ обходъ въ госпиталѣ, побывалъ на перевязкѣ и у труднобольныхъ, какъ говорятъ мнѣ, что какой-то помѣщикъ пріѣхалъ прямо въ госпиталь; прихожу я къ нему.—Что вамъ угодно?»—«А вотъ, нельзя-ли дать этому сыну моему свидѣтельство, *заднимъ числомъ и годомъ, что ему привита оспа?*» Удивило уже меня это предложеніе о заднемъ числѣ, но я скрылъ удивленіе и только спросилъ, зачѣмъ такое свидѣтельство?—«А въ гимназію думаю его помѣстить. Только туда не принимаютъ безъ такого свидѣтельства. Напишите, я вамъ и денегъ дамъ!»—Отпустилъ я фельдшеровъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Думаю: хоть усовѣстить его, а то еще и къ другому съ такими же предложеніями поѣдетъ. Разговорились мы. Что жъ бы вы думали? Нейметъ его; такъ и лезетъ: напишите да напишите—«я, говоритъ, *пять цѣлковыхъ дамъ!*» — Изъ мелкопомѣстныхъ! — «Да вы, говорю, заразите все училище!» — «Э! въ томъ-то и штука, что нѣтъ; тамъ уже у всѣхъ привита; Ванѣ моему и не у кого будетъ заразиться!» Насилу его спровадилъ.

Разговоръ перешелъ къ заботливости нѣкоторыхъ помѣщиковъ заводить у себя для леченія крестьянъ «домашнія аптеки.»

— Что же, это превосходно, мой другъ, замѣтила жена: дѣло цивилизаціи выигрываетъ, хоть люди твоего ремесла и теряютъ....

— Цивилизація!... Превосходно!... Годъ назадъ зовутъ меня за Подпольную: гонцомъ прискакалъ какой-то юнкеръ, въ усахъ, съ косую сажень, тройку лошадей загналъ. Что такое? «Паценька, говоритъ, сестрицѣ хотѣли дать слабительнаго, да вмѣсто того съ просонковъ, послѣ объѣда, дали чего-то такого, что ее все рветъ, да рветъ и она кричитъ, точно подъ ножомъ!» Полетѣлъ я. Оказывается, что заботливый батюшка далъ дочкѣ, вмѣсто англійской соли, ложку свинцоваго сахару. Насилу отпоили и вылечили. И то до сихъ поръ рѣзьями страдаетъ. А другой, вмѣсто кремортартару, собственному садовнику закатилъ мышьяку. Такъ и схоронили бѣдняка. Меня же еще и позвали, точно на похороны. И славный былъ садовникъ. Ванг-Гутта понималъ и за границей былъ...

— А то тоже завелась, у нѣкоторыхъ, страсть репутаціи фельдшеровъ составлять. Иной подумаетъ, что изъ зависти это говоришь. Отрядишь въ деревню для первыхъ пособій фельдшера, кровь бросить, банки поставить, рану перевязать; смотришь — черезъ мѣсяць его уже и не узнаешь. А чѣмъ портятъ? «Иванъ Гаврилычъ, да Агѣй Филимонычъ!» И становятся Ванька и Агѣшка въ число окружныхъ геніевъ. Воротнички от-

пускають; на неофициальномъ, праздничномъ сюртучкѣ офицерскіе погончики тайкомъ ставятъ. А помѣщикъ и уши развѣсилъ! Важничаетъ и ломается у него фельдшеръ. Ужъ и за однимъ столомъ обѣдаетъ. А отъ чего? Дешевле, видите-ли визиты стоятъ, чѣмъ пріѣзды настоящего доктора. Ну, до поры до времени, и сходитъ съ рукъ какъ нибудь. Таже англійская соль, рвотное, перменты, сода, тинктура валеріана, и другіе подручныя снадобья играютъ пока безвредную роль. Но вдругъ помѣщикъ заболѣлъ не на шутку. Затянулась злая лихорадка, грозитъ горячка, завалы сдѣлались, острое воспаление. Что же вы думаете, доктора тогда позовутъ? Какъ бы не такъ! А Гавриловъ зачѣмъ, а Филимонычъ развѣ не геній-самородокъ? «Вѣдь, говорятъ, у Трындиной грудница послѣ родовъ сдѣлалась, лечили-лечили эти доктора (въ сущности, оказывается, что одного Яблочкина позвали, по знакомству, изъ городка, да и тотъ не поѣхалъ, зная скаредность звавшихъ), а онъ сдѣлалъ припірки, и все какъ рукой сняло.» Вотъ и посылаютъ за Филимонычемъ уже не тележку, а экипажъ, коляску четверикомъ. Филимонычъ заводится штатскимъ платьемъ. Отводятъ ему комнату, и живетъ онъ тамъ по недѣлямъ. Въ госпиталѣ до него мало дѣла, и жуируетъ онъ на сладкихъ хлѣбахъ, даже рецепты тайкомъ въ губернскую аптеку посылаетъ. Хватъ, а помѣщикъ уже и на отходѣ... «Пошлемъ, говорятъ домочадцы, за Кар-

талинекимъ!» Ёдетъ Карталинекій, ничего не зная. Филимонычъ при этомъ разоблачается и въ погончикахъ встрѣчаетъ начальника на вытяжку. «Чѣмъ ты лечель?»—«Такъ и такъ-съ, однѣ предварительныя-съ мѣры». Распрашиваются далѣе домашніе. «Какъ предварительныя? Ахъ, ты душегубъ, мерзавецъ, убійца! *Вѣдь ты кровь бросилъ?*»—«Бросилъ-съ...»—«Въ лихорадкѣ и старику кровь бросилъ?! Вонъ отсюда! мерзавецъ, вонъ...»—Но уже поздно, и экономный господинъ отправляется, благодаря Филимонычу, на тотъ свѣтъ..: А прошу покорно увѣрить ихъ, что, теперь докторъ, безъ платы за визиты лѣченія, жить не можетъ! Плату суютъ, краснѣя и заикаясь, точно взятку даютъ. Да о томъ еще и не подумаютъ, что коли тебѣ извѣстно, что я по полтора цѣлковыхъ въ часъ беру, такъ ты уже, суя деньги изъ-подъ полы или въ шляпу, всѣ давай,— а то смотришь, трехъ цѣлковыхъ и не додалъ... Точно подарокъ, или милостыню даетъ... Да чѣмъ-же мы то виноваты, что въ дѣтствѣ голодали, молодость убили за книгами и въ душныхъ клиникахъ, а теперь обладаемъ какимъ-же собачьямъ аппетитомъ, какъ и вы всѣ?— Чѣмъ виноваты въ этомъ мы?.. Нѣтъ, далека еще та пора, когда умственная производительность будетъ у насъ цѣниться, если не выше, то хоть наравнѣ съ вещественною. Сапожнику заплатитъ долгъ сполна, а учителя музыки надуетъ! Перчаточнику заранѣе шлетъ

деньги, а книгъ не покупаетъ въ лавкахъ и по объявленіямъ,—у пріятелей зажиливаетъ! Будто эти господа писатели для того и живутъ чтобъ голодать, да думать о безсмертіи въ потомствѣ! Нѣтъ, коли ты, сытъ, весель и здоровъ, такъ дай же ѣсть и литератору, и музыканту, и доктору... Былъ недавно одинъ презабавный случай...»

Карталинскій не окончилъ. На дворѣ стало сыро и мы вошли въ комнаты. Въ залѣ было шумно уже и горѣли свѣчи. Старшій сынъ хозяина, Александръ, гимназистъ пятаго класа, живя на пасхальныхъ праздникахъ, возился у стола надъ сосудомъ съ ирволокками, гдѣ отливалась гальванопластикой какая-то красивая медаль. Полненькая, черноглазая дочка хозяина, Машенька, пансіонерка, вырѣзывала восковые цвѣты. Меньшой сынъ, Миша, возился съ собакой. Мы перебрались въ гостинную...

— «Былъ одинъ презабавный случай, продолжалъ здѣсь снова Карталинскій: и кажется всего лѣтъ пять-шесть назадъ. Одинъ богатѣйшій помѣщикъ на Подпольной, Проскуряковъ, начиталъ гдѣ то въ газетахъ, что какой-то иностранецъ предлагаетъ выгодно устроить сахарный заводъ. А у него былъ какой-то доморощенный заводецъ, съ отсталюю системою производства, съ тяжелыми и устрѣлыми машинами. Вотъ онъ и выпясалъ иностранца. Нельзя же. Является на Подпольную честнѣйшій бельгіецъ, Девинъ, какъ теперь помню;—я даже

видѣлъ его. Мнѣ показывали его на ярмаркѣ, уже прогорѣлаго. Начинается дѣло. Пишется контрактъ. Заводъ сдается на томъ условіи, что, положимъ, съ каждаго берковца сахару, въ пользу Девиня, какъ преобразователя завода, за его труды и хлопоты отчисляется десятый процентъ. Контрактъ подписанъ обѣими сторонами и въ немъ положена еще неустойка, что-де «кто нарушитъ контрактъ, платитъ противной сторонѣ пени тысячу рублей серебромъ.» Закопошился бельгіецъ, трудится день и ночь, ползаетъ по лѣстницамъ и печамъ, перемѣняетъ людей, перемѣняетъ машины, ведетъ корреспонденцію съ лучшими заграничными сахароварами и рафинадными заводчиками, на безденежьи помѣщика прилагаетъ въ кипучемъ дѣлѣ три тысячи цѣлковыхъ собственного кровнаго капитала, съ прибавкою жениныхъ денегъ, и кочаетъ тѣмъ, что дѣлаетъ чудеса: въ два съ половиною года заводъ, прежде некупавшій работъ своихъ и матеріаловъ, усмеряетъ производство. Помѣщикъ, въ первый годъ, сталъ получать десять тысячъ серебромъ чистаго дохода, на второй восемнадцать, на третій двадцать пять. Готовясь къ четвертому году, Девинь объявилъ, что надѣется этотъ доходъ, въ грядущемъ году, довести до тридцати пяти тысячъ рублей—и что кладетъ послѣдній камень, становится простымъ компаньономъ, а изъ Манчестера на два года выписываетъ еще новую машину и такого машиниста-

заводчика, что фабрика на седьмомъ году, станетъ на неизмѣнный путь пятидесяти тысячъ цѣлковыхъ ежегоднаго барыша. При этомъ самому Девиню десятымъ процентомъ выпадало на долю пять тысячъ рублей серебромъ. Завидная доля, за то же и хлопотъ много,—а знанія и природнаго генія еще больше. «Пять тысячъ цѣлковыхъ! сталъ между тѣмъ разсуждать нашъ господинъ: да этакъ, считая платежи въ опекунскій совѣтъ, да вычеты по долгамъ частнымъ, и все мое имѣніе того не приносить! За что же давать бусурману?» — Покрѣпился еще, выждалъ, пока Девинь дѣйствительно выписалъ новую машину и шотландца-машиниста; да въ одно прекрасное утро выгналъ бельгійца, со всею его семьей, за околицу своей деревни. Онъ расчиталъ, что гораздо выгоднѣ ему заплатить сразу тысячу цѣлковыхъ неустойки, чѣмъ сохраняя при устроенномъ уже заводѣ Девиня, удѣлять ему, ежегодно, по пяти тысячъ цѣлковыхъ. Какъ былъ Карлъ Богданычъ въ шлафрокѣ и вязанномъ дочерьми колпакѣ, такъ его и вышвырнули, сунувши въ руки пакетъ съ тысячею рублями и съ письмомъ барина: «Я-де тобою, Карлъ Богданычъ, не доволенъ. Иди съ Богомъ и устройвай заводы въ другихъ мѣстахъ. А за неустойкою я не погонюсъ—возьми ее себѣ до копѣйки по условію!» — «Вздоръ, вздоръ! вопилъ бельгіецъ, бѣгомъ летя въ шлафрокѣ черезъ озадаченную деревню къ барскимъ

покоямъ: ты отдалъ неустойку? хорошо! а мои лучшіе шесть лѣтъ жизни, а моя репутація, честь и слава!»

— Проклялъ Подпольную, бѣдный бельгіецъ и пошелъ таскаться сперва по разнымъ заводамъ, предлагая свои услуги, а тамъ уже просто по кабакамъ. Осрамился передъ соотчичами, передъ семьей и запилъ горькую чашу. Я, говорю, видѣлъ его самъ какъ-то на ярмаркѣ въ Лышковѣ. Стоитъ издали, прислонясь къ возу съ мѣшками, и ногу за ногу заложилъ, и качаетъ головой. А голова уже бѣлая, какъ серебро, и весь распяно. «*Мусью!* кричатъ мѣстные мелочные торговцы: открой заводъ!»— А въ другомъ концѣ площади стоитъ толстый — претолстый брюхачъ. «Кто это?»—«Проскураковъ!»—Подхожу ближе. Разговоръ, слышу, идетъ о той же извѣстной всеѣмъ продѣлкѣ его съ бельгійцемъ. Онъ говоритъ, размахавая руками и косясь черезъ плечо къ видному вдали возу съ мѣшками, а слушатели надсѣдаются отъ хохота. «Какъ-такъ?»—«А вотъ какъ! Расчитываю я, что заплатить неустойку выгоднѣе. Ну, вотъ я призываю прикащика Нестеренка. Такъ и такъ. Нестеренко, обдѣлай дѣльцо. Ну, и обдѣлалъ...»

Карталинскій не кончилъ и сталъ перелистывать книги и газеты на столѣ; мы поболтали еще и готовились разойтись спать. Я мимоходомъ взглянулъ на разложенныя по столу книги. Передо мною лежалъ Шиллеръ, съ картинками, которыя перебирали передъ тѣмъ дѣти.

— Да, заключилъ Карталинскій: оспа, комерческая честь и взаимный кредитъ у насъ туго принимаются, да врядъ ли когда вполнѣ и пріймется, а вотъ романтизмъ такъ глубоко пустилъ корни. Знаете ли, что въ мои студенческіе годы, не далѣе, значить, пятнадцати лѣтъ, у насъ на Вшивой-Горѣ былъ свой *Вертеръ*. Да! Вы смѣтаетесь? Нѣтъ, истинная правда. Вообразите, полюбилъ пѣхотный офицеръ барышню, зачитавшись Марлинскаго и другихъ сочинителей, свирѣпствовавшихъ въ то время нашей литературѣ. Читаютъ они вмѣстѣ «Фрегатъ-Надежду», «Капитана Миловзора», «Торкватто-Тассо» и кстати «Страданія Вертера». И что же бы вы думали? Напечатлѣли одинъ разъ другъ другу поцѣлуй, за чтеніемъ на единѣ, да и поѣхали на Вшивую Гору. Приѣзжаютъ ночью, а тамъ есть кладбище. Привелъ офицеръ барышню на какую-то могилу, а она въ бѣломъ платьѣ, и волосы распущены. Поставилъ ее на колѣни, велѣлъ молиться Богу. Поцѣловались они еще разъ. Онъ ей и говоритъ: «Тамъ увидимся, гдѣ вѣчный май!» А она ему отвѣчаетъ: «Ахъ! Точно! Тамъ увидимся, гдѣ вѣчный май!» — Приложилъ извергъ ей пистолетъ къ груди и бацъ. А самъ, пока она трепетала въ послѣднемъ издыханіи, взъерошилъ себѣ волосы, выкурилъ трубку и тоже застрѣлился. Сторожъ видѣлъ всю эту продѣлку, но такъ перепугался, что не высунулъ носа изъ будки и на другой день только все рассказалъ полиціи.

— Да отъ чего же ты не крикнулъ, никого не позвалъ, по крайней мѣрѣ, на помощь? допрашивали его. Можетъ быть тебя слышали бы?

— А я думалъ, что это *черти!* — отвѣчалъ сторожъ. Такъ ихъ и похоронили...

P. S. Когда разсказъ этотъ готовъ былъ къ печати, я получилъ письмо отъ жены Карталинскаго:

«Вообразите наше горе. Безъ всякой видимой причины, мужу моему сегодня объявили, что онъ переводится въ Грозныйскъ. Прощай нашъ садъ, оранжерея; прощайте и вы. Напрасно онъ толкуетъ о ломкѣ. Надо ѣхать съ мѣста, гдѣ мы прожили столько лѣтъ.»

VII.

МЕЛКОПОМѢСТНЫЯ СОСѢДКИ.

(Изъ очерковъ прошлаго).

— «Что это такое?» —

— «Панъ на всю губу!» —

Въ Малороссіи, благодаря полному отсутствію мудрыхъ правилъ майората, существуетъ, какъ уже мы видѣли и въ другомъ мѣстѣ, родъ любопытныхъ обывателей, средина между великорусскими однодворцами и казачествомъ старой Гетманщины, которыхъ по уличному, въ народѣ, называютъ панками, полупанками и подпанками, или какъ ихъ звали въ старину, панками за поюшку табаку. Эти любопытные обыватели, съ недавнихъ поръ, стали нѣсколько исчезать. Но иногда путникъ наталкивается въ степяхъ на слободку, жилище такихъ панковъ. Подобная слободка столько же занимательна, какъ храмы Друидовъ, развалины Ниневіи и Мексиканскія

древности. Такой слободки даже и не увидишь, проѣзжая степью съ большой дороги, потому что она всегда пригнѣздится въ глубокомъ байракѣ, или сидитъ себѣ въ лѣсу, вокругъ природныхъ, зеркальныхъ ключей, надъ которыми вьются и стонутъ дикія чайки. Иногда только, рано на зарѣ, съ пустыннаго косогора или кряжа мѣловыхъ холмовъ, примѣтишь, гдѣ нибудь въ сторонкѣ, на окраинѣ неба, лиловый дымокъ, который рядомъ несущихся въ воздухъ столбовъ поднялся надъ чертою туманной дали. Это — дымъ скрытыхъ трубъ слободки. А подѣзжайте ближе, скирды, какъ ряды гвардейскихъ драбантовъ, и вереница вѣчно махающихъ, точно зовущихъ кого-то со степи мельницъ встрѣтятъ васъ у околицы. Панки живутъ себѣ весело. Имъ и нуждочки мало въ томъ, что иной разъ они сами ходятъ за плугомъ, сами доятъ коровъ, сами молотятъ горохъ и емятъ откормленныхъ кабанчиковъ. За то, разбогатѣй панокъ, челядинцы совершаютъ домашнія работы, и панокъ ходитъ себѣ, заложа руки за спину смураго съ подпалиной бешмета, ходитъ и ни о чемъ не думаетъ.— Панки живутъ такъ привольно, что болѣзнь старость, а изъ жизненныхъ непріятностей чрезмѣрное плодородіе только и извѣстны между ними. Вслѣдствіе этого, у большей части народонаселенія панковъ загорѣлыя лица походятъ на арбузы, у пожилыхъ дамъ на губахъ сидятъ усы, а у дочекъ глаза, носъ и губы тонутъ въ молочныхъ

пышкахъ щекъ. — Сынъ зажиточнаго панкà, щеголь подпанокъ, какой нибудь Вайлѣнченко, надѣваетъ бекешу на лисьемъ мѣху и голубые ситцевые штаны, съ портретами, приводящими въ азартъ всѣхъ собакъ слободки, ходитъ по улицѣ, и смотритъ, какъ панночки среди чистыхъ двориковъ, варятъ варенье, гонятъ водку на вишневья косточки, или же, поймавъ хохлатую насѣдку, дѣлаютъ рекогносцировку ея благосостоянія и будущаго ея приплода.

Вотъ, на примѣръ, слободка *Пельтетепинка*, или какъ ее зовутъ сосѣди, Непересчитовка. Рѣчка Жеребчикъ, раскинувъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько пространствъ свои владѣнія и убравшись высокострѣльчатыми тростниками, раздѣляетъ Пельтетепинку на двѣ разныхъ слободки, хотя обѣ этѣ слободки составляютъ одно цѣлое. Жеребчикъ въ Пельтетепинкѣ былъ въ давнія времена украшенъ мостомъ, который соединялъ оба берега; но какъ-то, въ водополе, мостъ снесло и его уже болѣе, по заведенному обычаю, не возобновляли. Говоря по правдѣ, и не-зачѣмъ его было возобновлять. Зимой одна сторона сообщалась съ другою по льду, а лѣтомъ рѣчка пересыхала. Одна весна только представляла непреодолимую преграду. Да, впрочемъ, тогда каждая сторона слободки предавалась упоенію тайнствъ любви и совершенно забывала о своей сосѣдкѣ. Наконецъ, если бы кому нужно было и тогда что-нибудь сказать, такъ стоило только

стать на берегу и крикнуть. Жеребчикъ нигдѣ не былъ шире главной Бахмутской улицы, и потому слова звучно и легко перелетали съ берега на берегъ...

Цельтетепинскіе панки не то, чтобъ были совершенно богатые панки, однако же нельзя сказать, чтобъ они были и бѣдными. Хлѣба у нихъ было достаточно; бараньи бешметы и волчьи шапки были у каждого; и ни одна паночка не засиживалась въ дѣвкахъ далѣе шестнадцатаго года, празднуемаго подъ звуки трехъ скрипачей и слѣпаго цымбалиста, оркестра сосѣдней щебетуньи-шинкарки. Напримѣръ, толстеный, веселый хохотунъ, панъ Шпундикъ.... Какъ онъ умѣетъ ловко набить пѣнковую трубочку табакомъ, именуемымъ сампантре, и какъ въ то же время хорошъ алый коврикъ пана, постоянно вывѣшенный на крыльцѣ, рядомъ съ костюмомъ пана, похожимъ на раскрытыя ножницы. Потомъ, панъ Макитра, этотъ живчикъ, который при каждомъ веселомъ словѣ своемъ или чужомъ, прыгаетъ и шевелится, какъ картонная кукла съ контробасомъ, подергиваемая спрятанною сзади ниткою! А хоть бы и этотъ важный, молчаливый и всегда-угрюмый панъ Холодный, съ животомъ, раздвигающимъ толпу, какъ крѣпостной, стѣнобитный таранъ, панъ Холодный, у котораго куча дѣтей, а у жены лицо до того полное и странное, что однажды, въ жмурки, рука незрячаго приняла его совсѣмъ за другое... Но никто не сравнится съ Антонъ Минычемъ Мѣрквой, у котораго на

нижней губѣ сидитъ наростъ, величиною съ игольникъ, какъ будто бы у него была всегда во рту недокуренная сигарка, и у котораго однажды ужинъ, на его собственныхъ именинахъ, состоялъ, какъ увѣряютъ, изъ двадцати двухъ блюдъ. Нѣтъ спора! Между обществомъ Пельтетенинскимъ есть, на примѣръ, такіе панки, какъ панъ Дудочка, который лжетъ на каждомъ шагу, какъ жидъ на ярмаркѣ, и всегда прибавляетъ: «Ну, ей-же, ей, правда!» или «Ну, чтобъ же у меня ротъ передѣрнуло, если это не такъ!» И потомъ, на примѣръ, сынъ бывшаго гуртовщика, Пунька, который икаетъ такъ непристойно, что съ нѣкоторыхъ поръ его стали избѣгать въ очень многихъ домахъ, гдѣ бываетъ дамское общество. Пельтетенинскіе панки еще большіе искусники на разныя издѣлія и пріятныя, домашнія занятія! Панъ Шпундикъ, на примѣръ, очень недурно играетъ на флейтѣ; панъ Макитра весьма недурно шьетъ по тамбуру; панъ Холодный всѣмъ дѣтямъ своимъ дѣлаетъ куклы, хотя при этомъ, собственноручно же, и сѣчетъ ихъ каждую субботу. Панъ Дудочка бобыль бобылемъ, но за то его подбородокъ всегда такъ выбрить, что ему говорятъ обыкновенно: «А знаете ли, Паль Палычъ за такого бритаго, какъ вы, двухъ небритыхъ дадутъ!»—Наконецъ, всѣми любимый Антонъ Миычъ Мѳрква, иногда въ шлафрокъ, а иногда и просто отъ жары въ платѣ Евы, сидитъ у себя въ садикѣ передъ кадочкой и дѣлаетъ колбасы, такія вкусныя, что если вамъ дать попро-

бовать и тутъ же, закрывъ вамъ рукою глаза, спросить: «А что это такое?» вы и не скажете, что это такое!

Но чьи это два дворика стали на берегу съ двухъ сторонъ Жеребчика и смотреть? Чьи это два чистенькихъ дворика? — Дворики принадлежатъ двумъ Пельтетепинскимъ дамамъ, Дарья Адамовна Павловой съ лѣвой стороны, и Дарья Адамовна, тоже Павловой, съ правой стороны. Какъ ни страненъ случай, но должно прибавить, что сосѣдки, жившія дружка противъ дружки черезъ рѣчку, точно носили одинакія имена и фамиліи, хотя не были родня другъ другу и не имѣли рѣшительно ничего схожаго! Потомство этой фамиліи искони существовало и по лѣвую сторону рѣчки; искони оно существовало и по правую сторону. Дѣло въ томъ, что обѣ эти дамы были еще и совершенно разнаго характера. Дарья Адамовна съ лѣвой стороны была подвижная и румяная, съ носомъ, торчавшимъ вверхъ; затѣйница подтрунить на чужой счетъ, затѣйница устроить свадьбу, устроить ссору въ посторонней семьѣ и потомъ весело и беззаботно обо всемъ посплетничать. Дарья же Адамовна, съ правой стороны, хотя была также ни чуть не прочь и подтрунить, и устроить свадьбу, и посплетничать,—но за то почти никогда не улыбалась, не вертѣлась, все дѣлала молча и сурово, безъ смѣха и прибаутокъ, и даже была нѣсколько падка къ меланхоліи... Иначе, Дарья Адамовна съ лѣвой стороны

была, какъ о ней выражались, Дарья Адамовна Комедія; а Дарья Адамовна съ правой стороны Трагедія. Характеръ обѣихъ проявлялся во всемъ, до чего онѣ ни касались, и потому ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было смѣшать!

Въ то время, какъ сосѣди двухъ сосѣдокъ, съ обѣихъ сторонъ рѣчки, занимались хлѣбопашествомъ, иной разъ сами ходили за бороною и плугомъ, сами ковали лошадей и дергали шерсть съ козъ, сосѣдки предоставляли свое хозяйство двумъ задорнымъ и зубастымъ наймичкамъ, а сами только гадали на картахъ, вязали и вышивали кошельки молодымъ пожирателямъ дѣвичьихъ спокойствій или, какъ говорятъ о нихъ тамъ, «ненастьецкимъ сердцеѣдамъ» и «безпардоннымъ съумасводамъ», и проводили время въ пріятныхъ разговорахъ... Въ то-же время, когда рѣчка замерзала или пересыхала, онѣ посылали по вечерамъ, просить дружка дружку «на свѣчку», то есть посидѣть, поболтать и поработать вмѣстѣ, не вводя себя въ лишній изъяснъ по освѣщенію! Когда же Жеребчикъ пышно стремилъ воды свои по лону зеленыхъ береговъ, онѣ выходили, черезъ огороды на берегъ, и переговаривались дружка съ дружкой черезъ рѣчку...

— Ну, какъ же тамъ у васъ все идетъ? сурово начинала Дарья Адамовна Трагедія, поглядывая черезъ рѣчку и шевеля спицами шерстянаго чулка.

— Да ничего, тётенька, очень хорошо идетъ! отвѣчала Дарья Адамовна Комедія, веселымъ и почтительнымъ тономъ, также шевеля спицами чулка.

— Ну, да какъ же это хорошо? допрашивала сосѣдка, прищуривая глаза черезъ оловянные очки, осѣдлавшіе ея носъ.

— Да такъ-таки, тётенька, очень хорошо! подхватывала сосѣдка, выставя свои румяныя и свѣжія щеки.

— И терновку перелили въ бутылки?

— Перелила...

— Ну, и солодъ уварили, Дарья Адамовна?

— И солодъ уварила, Дарья Адамовна!

— Скажите! Вотъ-какъ!... Такъ, значить, и кабанчика посадили въ сажъ къ розговѣнамъ?

— Посадила!

— Вотъ-какъ! Скажите пожалуйста!... Это очень, скажу вамъ, любопытно, Дарья Адамовна! произносила угрюмая сосѣдка, то блѣднѣя, то краснѣя отъ зависти.

— Да-съ, очень любопытно! подхватывала, сверкая румяными щеками, сосѣдка веселонравная: а вамъ-то что, завидно что-ли, тётенька?

— Ну, матушка, завидно не завидно, а скажу вамъ по правдѣ, что сегодня вашъ селезень переплылъ ко мнѣ въ огородъ...

— Ну, такъ чтожь, что переплылъ?

— А, то-же, матушка, что каналья я буду, если не сверну ему головы! произносила при этомъ Дарья Адамовна Трагедія, превращаясь въ полотно и едва шевеля отъ злости спицами чулка...

— Ну, матушка, говорите это поповой кобылѣ, а не мнѣ! Да я еще и посмотрю, какъ вы свернете селезню голову!

— А что развѣ?

— Да то же, что каналья и я буду, если и вамъ тогда... не сверну головы!

— Мнѣ? подхватывала мрачная сосѣдка, улыбаясь и задыхаясь отъ бѣшенства.

— Вамъ! именно вамъ!...

— Ну, тогда уже позвольте вамъ послать кукишъ! произносила запальчивая Дарья Адамовна Трагедія, свертывая пальцы въ шишъ и протягивая ихъ въ направленіи къ лѣвой сторонѣ...

— А ужъ позвольте ихъ при этой вѣрной оказіи послать вамъ цѣлыхъ двѣ! говорила Дарья Адамовна Комедія и тутъ же посылала черезъ рѣчку обѣщанное.

Дарья Адамовна Трагедія на это совершенно терялась и, помолчавъ, изъясляла убѣжденіе, что съ такою злодѣйкой, какъ Дарья Адамовна, надо говорить, наѣв-шись гороху. На это Дарья Адамовна веселонравная, въ свой чередъ, заливалась хохотомъ, который далеко разносился по рѣкѣ, и говорила:

— Да вы, Дарья Адамовна, кажется просто, мерзавка!...

— И, матушка! отвѣчала на это сосѣдка суровая: мерзавка не мерзавка, только всѣмъ уже извѣстно, что у васъ отъ наливки губы пухнуть!

— Какъ пухнуть? спрашивала озадаченная Комедія: этого быть не можетъ, этого никогда я незамѣчала!

— Очень можетъ быть и замѣчала это я, я, я! прибавляла съ ожесточеніемъ Трагедія.

— Ну, когда пухнуть губы, такъ я же вамъ доложу, что вы въ шкапу, въ спальнѣ, держите водку и пьете ее каждый день, и отъ того у васъ носъ краснаго цвѣта и глаза не свои!

— Тьфу! плѣвала на это негодующая пани съ правой стороны и, сказавъ: вотъ же вамъ за это чтò! уходила домой переволнованная и сконфуженная донельзя...

Иногда такая бесѣда кончалась неожиданнымъ миромъ, и каждая пани, сказавъ: «Ну, матушка, вы себѣ, если хотите, гуляйте, а мнѣ пора чай пить!» расходились по домамъ. Но въ другое время, вслѣдъ за пишами и громкою личною перебранкою, утомленные пани высылали на рѣку своихъ работницъ, и зубастыя наймишки звонкими голосами оглашали окрестность и перестрѣливались, не хуже запальчивыхъ героевъ Илліады.—«Да ты уже замолчи!» кричала одна другой, стоя на плетнѣ огорода: «ты уже замолчи, потому что я уже знаю, ка-

кая ты!» — «А, Какая же я?» подхватывала противница, также стоя на плетнѣ. — «Да такая же, какъ и твоя мать!» — «А, какая же моя мать, сякая ты, такая?» — «Да такая же, какъ и ты!» — «А я какая, сякая ты, такая?» — «Да такая же, какъ и твоя мать!» — И этотъ речитативъ тянулся нескончаемо, при сбѣжавшихся съ обѣихъ сторонъ рѣчки зрителяхъ, разжигаемый еще поощрительными криками самихъ хозяекъ... Наконецъ и этого еще было мало! Хозяйки расходились по домамъ и, въ пику дружка дружкѣ, каждая именовала свою свинью или слѣпую кобылу *Дарьей Адамовной*, и слободка долго волновалась, раздѣлившись на два враждебные лагеря, ратующіе каждый за свою обывательницу и не знающіе пощады и снисхожденія....

Но таковы судьбы человѣческаго сердца! Подходили чьи нибудь именины или крестины, и обѣ сосѣдки, если былъ случай переправиться черезъ рѣчку, встрѣчались снова друзьями и, ухватившись за руки, чмокали дружка дружку въ губы, произнося: «Ахъ, это вы, душечка!» и получая въ отвѣтъ: «Да, душечка, это я!»

Однажды — (случилась эта исторія въ самую засуху) — тотчасъ послѣ обѣда, Дарья Адамовна Комедія, прибѣжала, запыхавшись, къ Дарьѣ Адамовнѣ Трагедіи, залилась слезами и упала ей на грудь... «Что съ вами, душечка?» спросила Хозяйка. — «Ахъ, и не спрашивайте! Я такъ взволнована, такъ взволнована!» отвѣтила го-

стѣя и снова залилась слезами. — «Да что же тамъ такое?» спросила хозяйка, оставляя чулокъ и снимая очки. Гостѣя на это достала платокъ, отерла глазки, щочки, и вынувъ изъ подъ лифа письмо, сказала: «Вотъ послушайте, душечка! вотъ какой со мною сдѣлался неожиданный случай!» Сказала и прочла вынутое письмо:

— «Къ хищницѣ отъ жертвы:

«... Милостивая государыня и если смѣю такъ называть, другъ не только мой, но и всего человѣчества, Дарья Адамовна! Успѣхи дружбы вашей ко мнѣ заставляютъ сдѣлать открытіе, я влюбленъ—голову совсѣмъ потерялъ! Разумѣется вамъ участь: блаженство посланное, а моя? чѣмъ же я виноватъ? хоть въ рѣчку! сна не имѣю, цѣлую ваши ручки, если же когда вы обратите взоръ на меня, то прошу не откажите подарить меня вашей рукою; вы меня знаете, теперь же пришлите мнѣ нитокъ на коврижки всего одинъ мотокъ и не забывайте дрожащаго

Ивана.... (фамилію гостѣя прикрыла пальцемъ)

а также и шерсти только той, которую купили въ городѣ, а не вашей, а письмо держите въ секретѣ!»

Гостѣя кончила, но не могла произнести отъ волненія ни слова и сидѣла, потупясь, какъ пойманная съ папирскою пансіонерка...

— Ну, что же, шерчикъ, очень рада! возразила суровая хозяйка: женихъ нашелся, не надо упускать! вотъ и все!...

— Ахъ! воскликнула гостыя и снова повисла на шеѣ хозяйки, и снова зачастили по щекамъ ея радостныя слезы....

Вслѣдъ за этимъ сосѣдки стали шушукаться, до той поры, какъ вечеръ наконецъ застлалъ окна темнотою, и собесѣдницы совершенно потонули въ сумракъ маленькой гостинной. Такъ шушукались сосѣдки и на другой день, и цѣлую недѣлю, и положили наконецъ, увѣдомивъ милаго жениха, начать дѣлать приданное...

Черезъ недѣлю послѣ этого рѣшенія, сосѣдка, получившая письмо, сидѣла также дома послѣ обѣда, какъ вдругъ отворилась дверь, и въ ея гостиную вошла Дарья Адамовна Трагедія. Эта вошла молча, молча поклонилась и таинственно сѣла на диванъ.... На рукѣ ея, на шнуркѣ, висѣлъ ея обычный походный чемоданъ (такъ называли въ слободкѣ ридикюль гостыи); она раскрыла стальную пасть чемодана и стала оттуда вынимать на столъ разныя вещи. Вышелъ оттуда клубокъ шерсти и двѣ огромныя деревянные спицы, съ начатымъ чулкомъ; вышелъ бронзовый наперстокъ въ видѣ волчьей головы; вышли и другія походныя арматуры: тамбурная иголка, оловянные очки, рогулька для лентъ, костяная палочка для ковырянья въ ушахъ, пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, два хлопка корпіи для затыканія ушей отъ простуды, стальной игольничекъ, ножницы и кирпичикъ, обернутый въ чехоль, для припиливанья работы. Су-

ровая гостыя разложила все это въ большой симметріи на столѣ, скинула нитяныя перчатки, безъ пальцевъ, осѣдлала носъ очками и, вооружась спицами, произнесла:

— Ну, матушка, а я къ вамъ тоже съ новостью!

— Съ какою новостью? спросила хозяйка, настороживъ уши, какъ моська, въ то время, какъ перележавъ все бока у ногъ мечтающей хозяйки, она неожиданно услышетъ: «Жю-жю!» или: «Фид-дель, ты философствуешь?» и подниметъ къ хозяйкѣ оскаленую мордочку....

Гостыя кинула спицы, взглянула черезъ очки, сказала: «Ну, пропала и я, душечка!» вынула изъ ридикюля письмо и стала его читать:

— «Хищницѣ отъ жертвы:

.... Милостивая государыня и если смѣю тамъ назвать, другъ не только мой, но и всего человѣчества, Дарья Адамовна! Не терзайте меня, а я готовъ сей часъ жениться на васъ! у меня наслѣдство семь десятинъ и пасѣка около Камышевахи—жду отвѣта; не мучьте, потому что мучить можно муху или что нибудь другое, но не мучьте меня, нѣжный другъ душечка! Слова ваши льются, какъ бы алмазы изъ вашей фортуны, когда васъ слушаю, и притомъ у васъ чисто русское сердце

Иванъ.... (фамилію гостыя прикрыла также пальцемъ)

«Милостив... Сіятельство... Проба пера...»

— Нѣтъ! прибавила гостыя, перевернувъ письмо: эти слова попали сюда нечаянно, они находятся уже на другой сторонѣ письма!...

Хозяйка замерла отъ удивленія, думая про себя: «И въ этакую старуху, и въ этакую нюню, и влюбляются!» и произнесла, кусая губы: — «Что же, Дарья Адамовна? счастье! Поздравляю отъ всей души! Не надо упускать такого счастья!» — Гостья при этомъ словѣ стала опять смотрѣть черезъ очки, медленно сложила письмо и заключила хозяйку въ объятія...

Гостья и хозяйка стали снова шушукаться, и посѣтительница покинула лѣвую сторону рѣчки не прежде, какъ ночь сошла на дремлющую землю...

Вотъ, пришелъ сороковой день рожденія Антонъ Миныча Мѣрки, и онъ увидѣлъ вдругъ весь домъ свой полнымъ, какъ тарелка съ пшеницею, отобранною для пробы на посѣвъ. Скрипачи, съ слѣпымъ цымбалистомъ, напивали за завтракомъ и обѣдомъ; за десертомъ предстала на столѣ вавилонская башня изъ леденца и тѣста, изъ которой выскочила потомъ живая курица и много напугала и насмѣшила дамское общество. — Послѣ обѣда, увидѣвшаго гибель двухъ или трехъ дюжинъ бутылокъ старой, неподлащенной сливянки, общество застѣло, частію играть въ шашки, а частію въ карты.

— «Да, помилуйте, да что же вы дѣлаете? да этакъ вы лишите меня носа!» вскрикивалъ панъ Макитра, подставивъ пану Холодному раскраснѣвшійся носъ; а панъ Холодный не слушалъ его и, прищурившись, съ свирѣпою радостью хлопалъ его по носу картами, какъ куз-

нецъ по раскаленной шинѣ, хлопалъ и еще злобно приговаривалъ.... Слезы давно бѣжали по щекамъ пана Макистры; онъ уже чувствовалъ ознобъ въ поясицѣ и шеѣ, какъ-вдругъ, въ дальнемъ углу комнаты, въ густомъ дыму сампантрѣ, голосокъ пана Дудочки произнесъ: «А вы, господа, и не знаете, а у насъ теперь двѣ новыя невѣсты!»—Какъ мужчины Пельтетепинскіе ни считали лгуномъ пана Дудочки, какъ они надъ нимъ ни трунили и ни потѣшались, но тутъ рѣшительно не вытерпѣли и подступили къ нему съ распросами, позабывъ и о картахъ, и о носѣ пана Макистры....

— Да кто же это такія невѣсты? да вы о комъ говорите? допрашивали Дудочку, тѣсясь къ нему со всехъ сторонъ.

Дудочка мѣрнымъ шопотомъ произнесъ: «А это, господа, Дарья Адамовна Павлова и ея сосѣдка, тоже Дарья Адамовна...»—«Да ты, братъ, врѣшь?» замѣтилъ прямо панъ Холодный.—«Ну, ей-же, ей, это правда! Ну, чтобъ же у меня ротъ передѣрнуло, если это не такъ!» произнесъ панъ Дудочка: «а онѣ даже и приданое уже стали шить!»—Панъ Холодный на это уставилъ лобъ въ землю, а общество единогласно рѣшило итти къ хозяину дома и объявить ему услышанную новость. — Хозяинъ былъ найденъ обществомъ въ гостиной, гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ, на коврѣ, въ кругу обступившихъ его дамъ,

и объяснялъ имъ, едва ворочая языкомъ, что это не день его рожденія, а день его сердца...

— «Сердце, братъ, сердцемъ! произнесъ на это, входя въ гостинную, съ разбитымъ носомъ, Макитра: «а дѣло, братъ, въ томъ, что наши пани Павловы обѣ, съ недавняго времени, невѣсты!»

Обѣ Павловы на это вскрикнули: «Ахъ!» хотѣли было бѣжать, но тутъ же остались и взволнованнымъ голосомъ, по требованію собранія, объявили, что точно онѣ невѣсты и что каждой изъ нихъ сдѣлано предложеніе со стороны достойныхъ людей. Хозяинъ пригласилъ взглядомъ собраніе сѣсть и съ участіемъ спросилъ у двухъ переконфуженныхъ дамъ имя жениха каждой изъ нихъ... Гулъ и крики поднялись въ гостинной, едва дамы исполнили желаніе хозяина... Онѣ обѣ произнесли требуемая имена,—и эти имена у обѣихъ оказались именемъ одного и того же лѣкаря сосѣдней слободки, который не за долго передъ тѣмъ гостилъ въ Пельтетѣинкѣ и лѣчилъ открывшуюся тутъ болѣзнь овецъ... Въ гостинной прозвучало имя—Ивана Андреевича Апруѣва!

— «Извергъ! варваръ! душегубъ! мерзкій волокита! Да его надо отправить туда, гдѣ козамъ рога правятъ!» кричали гости: «Да чтобъ надъ нимъ свѣтъ не свѣталъ и праведное солнце во вѣки не всходило!»—Пошли толки, соображенія и выводы.—Но, сколько гости ни толковали, никто ничего не придумалъ для поправленія печальнаго

дѣла. Одинъ изъ гостей, именно какой-то заѣзжіи нѣмчикъ, Густавъ Густавычъ, котораго сосѣди однако звали Остапъ Остапычъ Мадаменко, по тому случаю, что онъ былъ сынъ гдѣ-то проживавшей гувернатки, мадамы, изъяснилъ, что надо на него подать жалобу въ уѣздный «зудъ». Другой, именно поклонникъ французскаго языка, панъ Чубчѣнко, говорилъ, что жалобы подавать не надо, а надо его просто оттаскать за виски... Посыпались новыя догадки, предложенія слились въ неясный гулъ, какъ вдругъ въ дверяхъ гостиной показалась високоумная и високоуважаемая пани, Сенклетѣя Повсѣкакѣвна Дрѣтва, которая, какъ позабытая на крестинахъ сказочная фея, сама явилась на этотъ праздникъ. Пока Антонъ Минычъ стоялъ передъ нею и, заикаясь, излагалъ свои извиненія, гордая и рѣшительная пани выслушала на-скоро разсказъ о происшедшей исторіи и, громко потребовавъ трубку, усѣлась на диванъ, затянулась, пустила рядъ колець, пронизала эти кольца особою струйкою дыма и, подбоченясь, произнесла:

— А наши пани лучше всего сдѣлають, если сей же часъ сядутъ въ мою бричку и поѣдутъ со мною къ этому подлецу!

Собраніе единодушно одобрило мысль пани Дрѣтвы и проводило изъ оконъ глазами скрывшуюся въ концѣ слободки бричку... Но, покуда бричка ѣдетъ къ коварному

лѣкарю, скажемъ, кто была пани Дратва и кто былъ самъ коварный лѣкарь?...

Сенклетѣя Повсѣкакьевна Дратва представляла весьма интересныя черты. Она была необыкновенная хозяйка, сама стряпала на кухнѣ и была грозой всей Пельте-тѣинки. Ее боялись и слушались, какъ мы, школьники, во время оно, боялись и слушались нѣкоего бѣглаго прусскаго фельдфебеля, бывшаго у насъ учителемъ географіи и литературы, фельдфебеля, откладывавшаго постоянно часть изъ своего жалованья, для платы пѣни сторожамъ, лишеннымъ къ каждому первому числу нѣсколькихъ зубовъ. Однажды съ паней Дратвой былъ любопытный случай. Она пригласила къ себѣ исправника и по-этому случаю ея единственный слуга и косарь, Микита, былъ взятъ съ поля, одѣтъ въ суконную куртку и набойчатые шаравары, и введенъ въ буфетъ.— «Ну, Микита!» говорила пани Дратва, вручая ему огромный подносъ съ чашками: «вотъ это жъ тебѣ чашки! Смотри же, прежде всего подавай исправничихъ; она такая полная, и ты, какъ войдешь, сейчасъ ее увидишь!» Микита бережно вступилъ въ гостинную, окинулъ взоромъ полукругъ гостей и потерялся, потому что, въ двухъ или въ трехъ мѣстахъ полукруга, увидѣлъ одинаково полныхъ трехъ паней, исправничиху, протопоицу и винокуршу! Онъ кашлянулъ и ступилъ къ протопоицѣ.— «Не туда, Микита!» шепнула съ досадою хозяйка, дергая его сзади за поясъ.

Микита повернулся и потерялъ присутствіе духа.— « Не туда, Микита! » шепнула хозяйка, опять дергая его за поясъ. И Микита ступалъ то вправо, то влѣво, до той поры, что поясъ наконецъ развязался и Микита очутился среди комнаты, превращенный, какъ переодѣтая въ секунду танцовщица въ балетѣ. « Вотъ такъ, пани-матко! » сказалъ Микита, стоя съ подносомъ среди ошеломленныхъ гостей: « додергались до того, что теперь уже Микита совсѣмъ ни туда, ни сюда! » Это происшествіе обошло далеко околodокъ, не смотря на всю любовь панковъ къ панѣ Дратвѣ...

Что касается до лѣкаря, то послѣдній былъ еще замѣчательнѣе пани Дратвы.— Онъ былъ то, что называютъ бѣлый арабъ, съ крупными губами и курчавыми русыми волосами. Ходилъ тихо, говорилъ, чихалъ и смѣялся тихо, даже обычныя слова: « Какъ ваше здоровье? » или: « А что, какова теперь погода? » говорилъ на ухо и шопотомъ, точно сообщалъ какія нибудь неприличности. Тѣмъ не менѣе однако, онъ былъ большой хитрецъ и изъ-подтишка иногда достигалъ осуществленія такихъ плановъ, о которыхъ не смѣли подумать и болѣе смѣлая душа... Поселившись на слободкѣ, у какой-то троюродной теткы, Апруевъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ сосѣднихъ маменекъ. Ему, на масляную, перѣдко повязывали сюрпризомъ на ногу деревянную колодку, провозвѣстницу сватьбы, и заставляли отъ нея выкупаться.

Апрѣвъ не выкупался, потому что былъ страшно скупъ и не любилъ терять даромъ гривенниковъ и полтинниковъ, колодкамъ же былъ очень радъ и не упустилъ случая поволочиться за смазливыми хуторянками. Иногда, въ кадрилѣ, онъ вдругъ говорилъ своей дамѣ: «Позвольте, сударыня, поцѣловать вашу ручку!»—На это дама отвѣчала:—«Ахъ! какъ это можно! у васъ есть своя!»—«Своя дѣло другое, а ваша лучше и меня можетъ осчастливить!» замѣчалъ косвенно лѣкаръ. Однажды чуть даже не устроилъ онъ сватѣбы; но дѣло неожиданно разошлось, и разошлось по весьма странной причинѣ. Невѣста Апрѣва оказалась совершенно-чуждою познанія многихъ общественныхъ словъ. Приѣхавъ однажды къ матери невѣсты и не заставъ ее дома, Апрѣвъ чмокнулъ невѣсту въ губы и произнесъ: «Скажите, душечка, мамашѣ, что я былъ съ визитомъ!»—«Съ визитомъ?» спросила простушка, а время тогда было зимою: «отчего же вы не попросите его въ комнату? еще какъ бы не замерзъ!»—Въ другое время, возстановляя здоровье невѣсты, нарушенное коликою отъ гречневыхъ блиновъ съ постнымъ масломъ, лѣкаръ сказалъ: «Кушайте и борщикъ съ апетитомъ, и уточку кушайте, и варенички кушайте съ апетитомъ!»—«Да я посылала уже за апетитомъ, отвѣтила простушка-невѣста: да только его совсѣмъ не нашли на базарѣ!»—Апрѣвъ закусилъ губы, ловко отказался отъ обѣщанной руки, и когда аку-

ратная маменька невѣсты намекнула ему о долгѣ, о занятыхъ у нея двадцати пяти рубляхъ, Апрѣевъ также ловко составилъ къ ней объяснительное письмо и въ концѣ этого письма сказалъ: «А что касается, сударыня, до приведеннаго здѣсь долга, то я одинъ лишь только долгъ и чувствую—именно долгъ совершеннаго почтенія и преданности, съ коими и имѣю честь быть на всегда и во вѣки такой-то...»

Къ такому-то коварному человѣку подкатила наконецъ бричка съ тремя Пельтетепинскими дамами. Но къ чему описывать, какое печальное и тягостное окончаніе имѣла эта затѣянная поѣздка? Сенклетѣя Повсѣкакьевна вошла къ лѣкарю, стала передъ обманщикомъ, держа за руки трепещущія жѣрты, и произнесла: «А ну-ка, голубчикъ, говори, какая изъ этихъ двухъ дамъ избрана тобою? Говори! Письма-то ты писалъ къ нимъ обѣимъ!»—Апрѣевъ, въ положеніи, которое можно сравнить съ положеніемъ пуделя, застигнутаго въ кухнѣ надъ приготовленными къ столу котлетами, сталъ было заператься, къ ужасу обѣихъ жертвъ; но пани Дрѣтва нагнала на него такого холоду, что коварный волокита закрылъ лицо руками, опустился къ ногамъ дамъ и чуть слышнымъ отъ страху и смущенія голосомъ пролепеталъ:

— Это я, Дарья Адамовна, отъ души... это я не влюбленъ... въ обѣихъ... а это я... въ одну...

Предоставляю читателю вообразить все негодование

и весь ужасъ Пельтетѣпинскихъ дамъ, быстро покинувшихъ жилище волокиты, и замѣчу только, что все недоумѣніе произошло вслѣдствіе того, что посланный лѣкаря отдалъ письма, наведенный въ ошибку по случаю одинакихъ именъ сосѣдокъ, не одной, которой они адресовались, а обѣимъ вмѣстѣ. Признаніе его было въ тотъ же вечеръ у Антона Миныча Мѳрквы сообщено всему Пельтетѣпинскому обществу, и общество повело противъ безсовѣстнаго волокиты такія мины, что не прошло и году, какъ онъ покинулъ ближнюю слободку и, подъ видомъ *будущаго*, прописанаго въ подорожной одного проѣзжаго офицера, уѣхалъ и съ той поры пропалъ безъ вѣсти...

Сосѣдки скоро успокоились и по прежнему теперь снова выходятъ на берегъ, переговариваются, ссорятся и мирятся и служатъ знаменемъ дружбы или раздора для двухъ сторонъ слободки.

-влиянии отсюда дала азиатские и европейские
 -они же отсюда дала и азиатские и европейские
 -и производило впечатление того, что несомненно
 -идея первая, навеянная вл. описанию по случаю
 -и как будто бы не одной из них, а одной из них
 -ка, а об этом знает. Признание это было
 -а же ввела в Англию и в Европу. Идея
 -Платоновскому обществу, и общества посто
 -а безобразно, востановили такую мысль, что не про
 -тогда, как она не могла бы возникнуть свободно и под
 -а в будущем, происходило в восточной Азии
 -как официальная и частная поборы восточ
 -...
 -для европ. колонизации и по истреблению, теперь
 -восточные восточные восточные восточные восточные
 -содержат или иждивают иждивают иждивают и иждивают
 -...

VIII.

ПИСЬМА

ОБЪ УКРАИНСКОЙ ОХОТЪ.

I.

Охота осенью. — Новые люди въ Новороссіи. — Стенные «янки». —
Охота въ наѣздку, верхами и съ гончими.

Изъ новыхъ людей, появившихся въ послѣднее время въ нашихъ степяхъ, замѣчательнѣе особенно, какъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ, видъ такъ называемыхъ практиковъ изъ высшаго общества, практиковъ-дворянъ. Это уже смѣлый и самостоятельный видъ туземнаго, степнаго *янки*. Новымъ духомъ вѣетъ отъ этихъ новыхъ людей. Смотришь, ходитъ въ бараньей дубленкѣ, черной, съ бумажными вышивками на груди, въ нанковыхъ шараварахъ и въ дорожныхъ, мѣщанскихъ, юхтовыхъ сапогахъ выше колѣнъ. Возница его — жидъ или

обывательскій мужичекъ, изъ хохловъ, на каждой десятой верстѣ починяющій хомуты разношерстой тройки или пары—обрывками возжей. Экипажъ его купеческая таратайка или жестоко-подержанный фаэтончикъ, даже очевидно съ аристократической конюшни, называемый донынѣ въ нашихъ мѣстахъ бонъ-вояжъ. Практикующій странникъ останавливается въ корчмахъ на дорогѣ, гдѣ прежде останавливались жида на шабашъ, а въ городахъ занимаетъ самые скромные номера, въ темнѣйшихъ концахъ глухихъ корридоровъ, гдѣ иной разъ до него мелькали, и то въ необыкновенныя времена ваканси, либо голова проѣзжаго гимназиста, либо косичка молчаливой духовной особы изъ деревенскаго причта, заѣдавшей раннюю выпивку головкою чесноку, протертой на коркъ сухаго хлѣба. Такого янки вы сразу не отличите отъ прочаго міра нашей перелетной торгующей птицы. Такъ же, какъ цыганъ, торгуется онъ на площади съ мужикомъ-хохломъ за сиваго коня, хлопая его рукою въ руку и не сходясь на одномъ цѣлковомъ. Такъ же, какъ барышникъ-сгонщикъ, съ смиреннымъ видомъ, потираетъ онъ кудрявый затылокъ, стоя передъ отарой испанскихъ овецъ и покупая на убой, на салотопни, валаховъ-барановъ, разумѣется на барышъ, на спекуляцію. Иной разъ только при этомъ шибнетъ въ носъ слово: «entre nous soit dit!» «прогрессъ», «эманципація», или неожиданно скромный покущикъ и горделивый продавецъ быстро протя-

нута другъ другу руки, открывши кучу общихъ знакомыхъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ и даже товарищество по университету, уйдутъ въ кабинетъ хозяина, торгъ совершится, и непременно въ пользу покупателя. А покупатель вечеромъ уже выбритъ, загорѣлое лицо его благоухаетъ марсельскими мылами, черный сюртукъ смѣнилъ на немъ дубленку, и мозолистыя руки его, среди семьи хозяйской, уныло-поэтически разыгрываютъ мажурки Шопена или гремятъ хрустальными трелями штраусовскаго вальса, Juristenball-tänze. Дамы пугливо и вмѣстѣ полунасмѣшливо слѣдятъ за нимъ, заглядываютъ въ его строгіе, сѣроватыя глаза, на его темныя кудри, другъ у дружки спрашиваютъ, на чемъ онъ пріѣхалъ и есть ли съ нимъ слуги, даже съ ужасомъ тайкомъ идутъ посмотреть на его фуражку и ожидаютъ въ ней встрѣтить сгонщицкія, пропитанныя бараньимъ жиромъ рукавицы, а находятъ тамъ тонкія, лайковыя перчатки. Пусть такъ. Глядишь, степной янки тамъ сорвалъ кушъ на купленной и перепроданной пшеницѣ, да по пути закупилъ въ цѣломъ окологкѣ лёнъ и кетати медъ съ воскобойнями. Сегодня тысячный барышъ перевалился въ его карманъ за лёнъ, порекомендованный и уступленный агенту греческой или итальянской конторы, рыскавшему безъ памяти по окрестностямъ; а у дверей чумазой гостинницы, гдѣ онъ далъ покой своему брэнному чемодану, уже стоитъ тол-

на второстепенныхъ кулаковъ - торгашей, желающихъ справиться, иѣтъ ли у его высокоблагородія партіи головъ въ тысячи-двѣ вѣлаховъ. Бумажникъ его отдувается. Пара шести-ствольныхъ револьверовъ отлично охраняетъ его въ глухихъ мѣстечкахъ и на проселочныхъ тропинкахъ, между двумя слободскими ярмарками. Первые конторы изъ Одессы и азовскихъ портовъ ищутъ его дружбы и пишутъ ему лестныя письма, съ предложеніями коммиссіонерства. Дождь и слякоть, морозы и мятели, темныя южныя ночи и ватаги чиновничьихъ шаекъ, всѣмъ и вездѣ кладущіе камни препонъ и всякихъ непредвидѣнныхъ огорченій, — ничто для него не значитъ. Онъ ѣздитъ и дѣлаетъ. Сегодня онъ на сельской дрянной ярмаркѣ, гдѣ торгуютъ однимъ дегтемъ да веревками, но гдѣ можно увидѣть и услышать то, что направить въ уѣздъ; завтра онъ въ уѣздномъ или заштатномъ городкѣ, въ жарѣ и духотѣ юльскаго полдня, на невылазномъ пескѣ узенькихъ улицъ, а черезъ недѣлю въ губернскомъ городѣ, въ Одессѣ или въ Таганрогѣ. Море клубится у ногъ его; щегольскія леди изъ фамиліи Разсандаки и Саландаки, летаютъ въ коляскахъ, разряженные весенними бабочками, воздухъ напоенъ ароматами цвѣтущихъ бѣлыхъ и розовыхъ акацій, а со сцены итальянской оперы гремятъ мотивы «Севильскаго Цирюльника». Но янки этимъ не заманишь. Онъ чокается въ темной тавернѣ

съ комми какой нибудь генуэзской или аѳинской конторы и, кусая до крови ногти, съ замираніемъ сердца, просматриваетъ новыя публикаціи газетъ о рыночныхъ цѣнахъ и телеграфическія извѣстія о ярмаркахъ въ Лейпцигѣ, Берлинѣ и Дрезденѣ. Опять гремитъ таратаечка или фаэтончикъ бонъ-воважъ, и опять пылитъ бѣлою пылью херсонская или одесская дорога. Куда же ѣдетъ нашъ янки? Домой, къ роднымъ пенатамъ? Ничуть не бывало. Пока клубится сине-бирюзовое море, благоухаютъ акаціи и порхаютъ очаровательныя Разсандаки, онъ въ той же сѣренькой фуражкѣ и дубленкѣ спѣшитъ въ сторону, въ неоглядную степную глушь, къ неизмѣнному и драгоценному другу своему, также новому туземному янки, гдѣ нибудь на Омельникѣ или Жеребачьей-Балкѣ, къ помѣщику изъ новыхъ, небывалыхъ еще здѣсь помѣщиковъ. Янки-путешественникъ, или, иначе, янки-торгашъ и спекуляторъ, отъ него уже рѣзко отличается тѣмъ, что болѣе работаетъ на ходу, на дорогѣ; а янки-помѣщикъ сидитъ дома. Янки-странникъ самъ долго сидѣлъ дома. Но чуть родная слободка его, при неимоверныхъ трудахъ и усиліяхъ его, оперилась, чуть онъ завелъ полный комплектъ скота, хозяйственныхъ, хотя стараго образца, орудій, чуть сорвалъ года-два сряду хорошій барышъ съ земли, овецъ и скота, капиталъ тысячи въ двѣ уже пущенъ въ оборотъ. Хозяйство идетъ своимъ чередомъ, а бумажникъ хозяина спекулируетъ

въ поѣздкахъ. Къ зимѣ сводятся счеты, дѣлаются распоряженія дома. Повѣяла весна, зашевелились чумаки; вездѣ скупаются и грузятся для портовъ хлѣбъ и ленъ; бумажникъ опять раскрывается, фаэтончикъ пускается въ ходъ, и опять пошли мелькать торги и хуторянскія ярмарки, сдѣлки въ корчмахъ, ночлеги въ степи, вплоть до глубокой осени, до закрытія гаваней. Янки-домосѣдъ, янки-помѣщикъ — другое дѣло. Онъ не сорвется съ родной почвы, съ первую тысячью живаго, горячаго капитала. Онъ не несетъ, какъ кукушка, своего плода высиживать въ чужія гнѣзда. Онъ осматривается у себя дома и кидаетъ-кидаетъ смѣлою рукой сѣмена въ ту же благодарную почву, почти чуть не изъ окна своего. За то поглядѣть на его поля и заведенія! Напрасно вопять противъ него заскорузлые консерваторы. Любопытна исторія одного *янки-помѣщика*. Четыре года назадъ онъ бросилъ гвардію, гдѣ съ успѣхомъ до той поры завивалъ и фабрилъ свои бѣлокурые усики и оттапывалъ во всехъ направленіяхъ гранитные и негранитные тротуары, пріѣхалъ на родимое пепелище, въ Хохландію, осмотрѣлся, обжился, не выходилъ изъ кабинета нѣсколько мѣсяцевъ, окруженный газетами и книгами, и прямо уѣхалъ въ Англію. Тамъ, въ Манчестерѣ, какъ великій преобразователь Россіи, онъ поступилъ на фабрику земледѣльческихъ орудій, два года слѣдилъ за примѣненіемъ пара въ земледѣліи, своими

руками собиралъ и разбиралъ машины, живя въ семьѣ самого директора фабричной компаніи Бронтли и Шримза, показывалъ на дѣлѣ, что выгодно и что непримѣнно изъ новыхъ открытій у насъ въ степяхъ, и вывезъ изъ Альбіона нѣсколько небывалыхъ образцовъ. Стоустая молва заговорила о хуторѣ Потребѣнькахъ. И, дѣйствительно, произошли чудеса. Хозяинъ хутора въ сосѣднихъ своихъ слободкахъ отпустилъ на волю всѣхъ крестьянъ, до 300 душъ, на хуторѣ также нанялъ шестьдесятъ человѣкъ батраковъ и съ ними, пополняя это число временными подѣнщиками, двинулъ свое новое неслыханное хозяйство. Въ Потребѣнькахъ явился паровой локомобиль. Маленькая печь, нагрѣваемая навознымъ кирпичомъ, задымилась. Чихая и хрипя, она подѣхала къ хлѣбному току. Отставной гвардеецъ, въ бородкѣ и въ блузѣ, съ засученными рукавами, поставилъ паръ по градуснику. Къ приводу придвинули молотильный станокъ, хозяинъ самъ свиснулъ въ маленькую дудочку, колеса завертѣлись плавно, и адская пасть зубатаго барабана стала сама молотить, отвѣвать мякину и соръ; мало того: батракъ принесъ мѣшки, и зерно, готовое и разсортированное посыпалось рукавомъ съ нижнихъ ситъ... Завязали и увезли мѣшки прямо въ анбары. При помощи малаго числа рукъ, смолотилось баснословное количество хлѣба въ одинъ день. Отъ ужаса и изумленія двое батраковъ убѣжали въ тотъ же вечеръ безъ

вѣсти, брося свои паспорта; остальные работники не спали всю ночь... И такъ пошло все хозяйство. Траву, вмѣсто неуклюжихъ косъ, стали косить громадныя крылатыя машины-жнеи..Хлѣбъ онѣ же косили. Вмѣсто со-тенъ гребцовъ, пошли разгуливать по полямъ быстрыя конныя грабли. Чугунные зубцы опускаются, пройдутъ, какъ гребень, по покосамъ, поднимутся, и копна готова. Конныя грабли и великаны-жнеи ходятъ-себѣ, работа-ютъ и корма не просятъ: ни приварковъ, ни винныхъ порцій, ни каши, ни рыбы, ни галушекъ. Смажетъ ихъ Ѳедь-ка маслицомъ, подтянетъ винтикъ, да ремешокъ, и пош-ла писать. А въ Потребеньки валяютъ купцы. У сосѣ-да пшеница еще въ полѣ, въ копнахъ, и хохлы со-бираются только справлять возы. А тутъ батраки выѣхали на шестидесяти арбахъ, съ желѣзными ося-ми, прямо собираютъ желѣзными вилами сжатый въ покосы машиною колосъ и кидаютъ на арбы, какъ сѣно. Тамъ же въ полѣ его и складываютъ въ скирды. Ма-шина подѣхала къ одной, перемолотила ее, тутъ же на расчищенной площадкѣ, и ѣдетъ къ другой. Да какъ высчиталъ хозяинъ учетъ работъ, просто ахнулъ. Работы даютъ рубль на рубль. Перемѣнилъ онъ и самый оби-ходъ своей жизни. Въ домѣ, вмѣсто огромной дворни, очутились одинъ мальчикъ для посылокъ, да старушка-экономка. Кабинетъ хозяина былъ вмѣстѣ и его спаль-ней и столовой. Столы и окна завалены были книгами и

планами, а въ нишахъ, на холостую ногу, анкеры чистѣйшаго и тончайшаго заграничнаго рейнвейна, хереса и коньяку. Явится гость, прійдетъ подрядчикъ, прямо нацѣдится серебряная чарка, и бесѣда начинается за сигарой. Чистѣйшая сказка; а дѣло достовѣрное...

Это передовые квартиргеры нашей новой колоніи, колоніи людей оборотливыхъ, живыхъ, умныхъ и рискующихъ, предвѣстниковъ той эры, когда наконецъ суждено нашимъ степямъ пронизаться желѣзными дорогами и привѣтствовать на дѣлѣ реформу крестьянскаго быта. Какъ на диковинку, и я смотрѣлъ съ любопытствомъ на этихъ первыхъ украинскихъ-янки, вглядываясь въ ихъ еще новыя у насъ, смѣлыя, бодрія, энергическія и какія-то сіяющія лица...

Съ однимъ изъ такихъ-то янки-практиковъ, янки-странниковъ, столкнула меня судьба на Диѣпрѣ, въ осеннее половодье. Рѣка сперва замерзла, потомъ отъ дождей разошлась и порвала сообщеніе съ берегами. Была темная, студеная ночь. Толпы народа у костровъ, подъ бурей, грѣлись, ожидая перевоза. Дрянной купеческій пароходикъ, пронохавшій возможность монополіи, тотчасъ, по русскому обычаю, затѣялъ поприжать и нарочно медлилъ, хотя ледъ прошелъ, вѣтеръ къ полночи сталъ утихать и можно было ѣхать. Вдругъ кто-то въ потемкахъ крикнулъ:

— Да когда же этому будетъ конецъ? Развѣ нѣтъ дуба?

Отвѣта не было.

— Ребята! кто на дубъ? Я перевезу!

Толпа хлынула къ берегу. Я пошелъ за другими. На песчаномъ откосѣ, у потухающаго костра, стоялъ средняго роста, лѣтъ тридцати, въ помятой фуражкѣ человѣкъ и держался за канатъ, которымъ былъ привязанъ на берегу дубъ, родъ катера.

— Что на нихъ смотрѣть? Пароходъ этотъ хуже всякой лодки. Бородачи жмутъ. Ёдемъ на дубу!

— Ёдемъ, ёдемъ! отозвался народъ.

Человѣкъ до ста столпилось на дубъ; я также. Перевозчики было воспротивились; втесался даже какой-то сѣро-зеленый солдатикъ, состоявшій при инженерномъ офицерѣ. Но энергическій толчокъ съ новымъ возгласомъ, развязалъ канатъ, лодка двинулась, и волны захлестали по ея бокамъ. На берегу, впотьмахъ, долго еще кто-то ругался. Мы поплыли. Я протолкался къ весельникамъ. Виновникъ нашего отъѣзда стоялъ на носу.

— Что, вы не боитесь? спросилъ онъ меня, разглядѣвши мое пальто.

— Нѣтъ. А вы насъ не утопите?

— Смѣлость города беретъ; а «посредствомъ огромнаго проворства» можно и не то сдѣлать, коли пожелается...

На берегу, гдѣ другіе ожидающіе ахнули, встрѣчая насъ, мы разговорились. Незнакомецъ, поощрявшій

«огромность проворства», назывался Николай Ильичъ Щербёка.

Мы съ нимъ сошлись. Сперва остановились вмѣстѣ въ сквернѣйшей губернской гостинницѣ, бывшей на берегу нашего спасенія, въ верстѣ отъ перевоза, потомъ открыли, что оба въ одно время кончили курсъ, хотя были въ двухъ разныхъ университетахъ, наконецъ покончили толками о литературѣ и проспали на другой день чуть не до вечера. Насъ связывали нѣкоторые интересы, въ самыхъ поѣздкахъ, но болѣе всего связала охота. Щербёка былъ страстный охотникъ и въ перерывахъ между странствіями, въ качествѣ янки и торгаша, какъ самъ себя назвалъ съ нѣкоторымъ щегольствомъ въ первыя же минуты, не вылѣзалъ изъ болота съ ружьемъ и не покидалъ скаковой лошади въ степной охотѣ съ борзыми.

Скоро снова Днѣпръ замерзъ, и уже окончательно. Зима легла небывалая, глубокая. На югѣ, гдѣ извозы дѣлаются на волахъ, которыхъ почти не куютъ, въ это время прекращаются торговые подряды; а закрытіе портовъ до весны и безъ того кладетъ конецъ главной южной торговлѣ. Мы снова встрѣтились съ Щербёкой передъ самою порою, когда выпали снѣга. Была еще влажная туманная осень. Онъ ѣхалъ съ послѣдней слободской ярмарки, гдѣ закупилъ на спекуляцію, на зимовлю, десятка два паръ воловъ домой. Я тоже ѣхалъ домой.

«Поѣдемте ко мнѣ!» сказалъ онъ. «Я тутъ отъ станціи живу всего верстахъ въ сорока! Поѣдемте; у насъ мѣста отличныя, и главное, въ нашемъ околоткѣ послѣзавтра устраивается охота въ наѣздку...» Я поѣхалъ. Небольшой хуторокъ носилъ на себѣ отпечатокъ хозяина. Но меня это не занимало. Я ждалъ охоты...

Охота была въ сѣрый, пасмурный день.

На спокойныхъ коняхъ, разбившись другъ отъ друга на четверть версты и выровнявшись въ рядъ, мы ѣхали шагомъ по необозримой, гладкой степи. Изрѣдка срывававшийся мелкій дождь моросилъ въ лицо. Рыжіи, истрепленный вѣтромъ бурьянъ, репейникъ и длинный коровьякъ, нетронутый въ лѣто стадами, шелъ полосами то тамъ, то здѣсь. Пустынные овраги и громадные логи, котловины, особенно осматривались наѣздниками. Борзые, разбитые на своры, шли у коней доѣзжачихъ. Вырвался изъ-подъ ногъ и покатился клубкомъ заяцъ; нырнулъ въ траву и выхватился на косогорь красно-бурый лѣсовинъ, самецъ-лисица; пошелъ въ ходъ громадными скачками, несясь легче вѣтра, вдоль пустыннаго байрака, волкъ. Ыздоки сваливаются въ догонку, собаки летятъ стрѣлой, летятъ версту, другую. Барсучьи кочки, котловины, кусты мелкой «дерезы», вишневые дикія заросли, гладь и гладь безъ конца, — все это несетя въ глаза, мелькаетъ мимо. Вотъ новый горизонтъ. Перевалились черезъ кряжъ холмовъ. Затравлено много руса-

ковъ, двѣ лисицы; волкъ убѣжалъ. И напрасно за нимъ скачутъ неутомимые охотники. Вотъ ужъ ихъ изъ тридцати человѣкъ летятъ два, одинъ. Семеро борзыхъ особенно рьяны. Близокъ дубовый лѣсокъ. Волкъ ввалился туда. Трубятъ отбой. И опять, послѣ общаго перевала, начинается наѣздка. Конь едва переступаетъ. Измокшая «стерна», жнивье прошлаго лѣта, чуть шелеститъ подъ копытомъ. Вотъ одинокій степной колодезь. Двѣ тощихъ вороны сидятъ и мокнуть на его журавлѣ. Не вставайте и не заглядывайте въ колодезь. На васъ не пахнѣтъ отрадою, какъ въ знойное лѣто, когда вы дорывались выпить его воды. Далѣе... Вотъ брошенный измокшій въ травѣ ремень, съ пряжкой. Что это? Путо ли для лошадиной ноги, сорвавшееся въ лѣто, поясъ ли пустыннаго пастуха, чабана? Дождь зачастилъ, а тамъ вдругъ прояснѣло. Новая тревога. Опять волкъ. На этотъ разъ удивляетъ меня доѣзжачій Щербеки. Махнувъ нагайкой, онъ несется одинъ, безъ собакъ, въ угонъ за волкомъ, гонить его версту, двѣ, три, томить его, нагоняетъ, вновь поднимаетъ, когда тотъ падаетъ, высунувъ языкъ, и наконецъ, свалившись съ коня въ одиночку перевязываетъ его морду петлею ремнемъ, а потомъ и ноги. Опять сборъ, завтракъ, обѣдъ. Развязываются кошолки, тюки. Являются ростбифы, вина, водки. Кормятъ собакъ. А картина у ногъ, съ высокаго косогора, открывается новая. Солнце робкими, но яркими лучами обливаетъ

холмистую, голубоватую даль, кое-гдѣ перерѣзанную пахатями будущихъ посѣвовъ, а внизу — рѣку, въ изсохшихъ камышахъ, съ болотами и озерками... Поздній вечеръ гонитъ всѣхъ на переваль къ корчмѣ. Тутъ ожидаютъ насъ гончія. Но съ ними завтра...

На другой день — новый распорядокъ охоты. Верховые становятся вдоль рѣки по косогорамъ; близъ нихъ, на сворахъ, борзья. Гончихъ ведутъ въ камыши и на болота. И заливаются желто-пѣгія плаксы, и напрасно юлить и обманываетъ ихъ вертлявая, какъ вьюнъ, новолѣтная лисица. Вотъ-вотъ она вырвется изъ камышеваго острова, вотъ пойдетъ въ гору къ борзятникамъ. У борзыхъ ушки на макушкѣ, и тихо, плотоядно облизываются онѣ, порываясь впередъ и впередъ внизъ, подъ гору, зоркіе глаза. Охота идетъ внизъ по рѣкѣ, дѣлая перевалы на пяти, на семи верстахъ въ прирѣчныхъ хуторахъ. Ъдятъ, пьютъ и лгутъ во всемъ простодушіи коренныхъ охотниковъ, какъ оно и слѣдуетъ...

Но зима на волоскѣ. Просыпаемся утромъ: поля покрыты густымъ бѣлымъ пологомъ пушистаго снѣга.

Пороша!

Но кто же не знаетъ пороши? Кто не знаетъ, какъ выслѣживается крапчатый, въ скачкахъ, слѣдъ зайца, слѣдъ его шагомъ, слѣдъ «пудомъ», бѣгомъ, его узлы взадъ, впередъ, въ бокъ и обратно въ бокъ; тихій и лукавый слѣдъ лисицы, слѣдъ, которому нѣтъ конца?...

Бдешь версту, двѣ, пять, пятнадцать— и не поднимешь ея; она водить и водить, путаетъ и сбиваетъ. А вотъ два волчьихъ широколапыхъ слѣда! И ѣздить опять охотники въ наѣздку. Снѣгъ бѣлѣетъ и ослѣпляетъ глаза. И бесконечно-бесконечно разстилаются кругомъ, сливаясь съ синими небесами, степи, степи гладкія, какъ столярный столъ, улогватыя, исполосованныя оврагами или оттѣненныя изрѣдка деревьями, отъ снѣга будто вылитыми изъ серебра.

Новый пріятель мой Щербека манилъ меня къ себѣ не разъ зимою.

Зимой на хуторѣ, сосѣднемъ съ Щербекой, было одно грустное событіе. Любимый егеръ помѣщика, Павло Дзюба, выѣхалъ съ гончими въ сосновую рощу, на пескахъ. Лучшая изъ своры гончихъ, Трубка, вскочила за лисицей въ нору. «Пане, я пойду, отрою изъ норы собаку и лисицу. Нора на обрывѣ, въ пескѣ!»—«Эй, Павло, не ходи! Пусть гибнетъ и собака, и лисица, лишь бы ты остался цѣль и живъ!»—«О, пане, будто я дурный; у меня четверо дѣтей и жена!» — «Ну, иди!» — Пошелъ Павло, чистая и первобытная душа, безкорыстѣйшій и страстный охотникъ, взялъ лошадь, заступъ, хлѣба и поѣхалъ вечеромъ въ лѣсъ. Говорятъ, лѣсничій, обходя дозоромъ лѣсъ, нашель его у норы и совѣтовалъ туда не лазить. «Слухай, я тебя люблю, а ты штука! Иди своею дорогой.» Далъ ему покурить своей трубки и при-

нялся рыть песокъ. Прошла ночь. Лѣсничій, опять поѣхалъ дозоромъ. Видитъ, лошадь одна стоитъ, голодная, у куста. Подошелъ къ норѣ: оттуда торчатъ ноги Дзюбы. Потянулъ — не вытянетъ. Далъ знать; прибѣжали изъ села и вытянули Павла возжами изъ норы. Бѣднякъ задохся... Онъ прорылъ ходъ, полѣзъ туда въ полушубъ; полушубокъ завернулся лапами и не далъ уже ему хода ни назадъ, стѣсняя его складками, ни впередъ, гдѣ темная нора снова сѣживалась. Погибли, задохнулись и Павло, и лисица, и собака... Миръ праху твоему, веселая и беззаботная душа, кузнецъ, ключникъ, слесарь, коммиссіонеръ, а главное — замѣчательный охотникъ своего роднаго села, исходившій столько болотъ, объѣздившій столько степей и воцарившій, съ своимъ владѣльцемъ, столько любви къ охотѣ въ своемъ околоткѣ....

Но весна на дворѣ. Летятъ гуси, лебеди, дрозды, вальдшнепы и бекасы. Снимается со стѣны давно осмотрѣнный и вычищенный мортимеръ, дѣлаются патроны, ласкается особенно тепло красивый пойнтерьъ или цеттеръ, и подтягиваются новымъ ремнемъ непромокаемые охотничьи сапоги.

Щербека обѣщалъ мнѣ показать красоты охоты въ болотахъ и сухихъ лиманахъ, близъ г. NN., въ подгородныхъ дачахъ его друга «янки-домосѣда» Петра Ивановича Домонтковскаго, владѣльца пароваго сахарнаго

завода и многихъ любопытнѣйшихъ хозяйственныхъ обзаведеній. Тамъ же должны мы были встрѣтиться и съ двумя другими оригинальными охотниками: подгороднымъ пономаремъ Иваномъ Андреевичемъ М***. и жителемъ гогородка гг. NN. Пфеллеромъ, большимъ анекдотистомъ. Я далъ слово въ концѣ марта ѣхать къ Домонтовскому.

II.

Охота весной.—Весенній прилетъ и перелетъ дичи.—Таинственная страна «Вирій». — Разказы пономаря. — Ночь въ землянкѣ лѣсничаго. — Ночь въ лѣсу, на Донцѣ.

Это было въ началѣ марта, на Донцѣ. Стояла еще холодная погода. Морозы прошибали изрядные, хотя земля давно обнажилась отъ снѣга. Были сѣрые и вѣтряные дни. Прошлогодній почернѣлый листь, не сорванный зимними буранами, шумѣлъ на рѣдкихъ вѣтвяхъ деревьевъ. Вдоль лѣваго, низменнаго берега Донца, шли въ упоръ къ песчаному его пристѣну, необъятные поемные луга, усѣянные озерами и лѣсками болотной ольхи, вербы и осокора. По пристѣну, скрѣпляя его сыпучіе пески, шель столѣтній боръ и низкорослая пушистая лоза. Съ высокаго пристѣна виднѣлся и правый берегъ Донца, гористый, также высокій и обнаженный. То тамъ,

то сямъ по послѣдному бѣлѣлось село и возносилась одинокая хуторянская церковь. Теплѣло съ каждымъ днемъ.

Дичь еще не прилетѣла, но уже чувствовалось ея приближеніе. Около третьяго марта вдругъ затеплѣло. Въ тотъ же день въ полѣ зацѣли жаворонки, а къ вечеру какъ-то торопливо шмыгнула въ воздухѣ стая дикихъ гусей, да отозвалась тощая цапля, мѣрно махая крыльями и спускаясь къ обнаженному еще берегу. Мы съ Щербекой срока-но уложились и поѣхали, вверхъ по Донцу, къ его пріятелю, помѣщику Домонтковскому. Насъ соблазнили богатѣйшіе поемные луга послѣдняго. Деревня Домонтковаго и вообще вся мѣстность его земли и лѣса тѣмъ и разлились отъ остальныхъ окрестностей Донца, что послѣдній затоплялъ здѣсь еще болѣе луговъ и болотъ, а песчаный пристѣнъ его, съ боромъ столѣтнихъ сосенъ, былъ еще песчанѣе и круче. Охотники знакомятся скоро. Въ первый же день, пока Щербека и хозяинъ отправились осматривать хозяйственныя машины и орудія, улучшенные плуги и молотилки, паровую мельницу и заводъ мериносовъ, въ нѣсколько тысячъ головъ, я уѣхалъ въ боръ, бывшій въ трехъ верстахъ отъ усадьбы. Нетерпѣніе мое превосходило всякое вѣроятіе. Патронташъ былъ туго набитъ зарядами. Но ожиданія мои не сбылись. Еще ни одного звука птичьяго не слышно было въ бору и въ луговыхъ кустахъ. Я сѣлъ на при-

горкѣ песчаного пристѣна. Донецъ разошелся и заливалъ, второй день уже, луга внизу пристѣна. Дубовыя и ольховыя рощицы по лугамъ и отдѣльныя вербы торчали изъ воды, въ видѣ острововъ. Я вперялъ глаза въ сѣрое небо, въ мертвенно-молчаливую землю: тщетно! Ни птицъ, ни насѣкомыхъ еще не видно и не слышно. Я поднимаю полустлѣвшій листокъ: подъ нимъ у самага носа моего шевелится красная букашка. Одна какая-то зимняя птичка усѣлась на самой верхушкѣ еще незеленѣющей липы и свиститъ, свиститъ, качаясь, какъ тотъ же унылый, прошлогодній, забытый бурями зимы листокъ...

Но прошло два-три дня. Летятъ журавли. Говорятъ, что «панъ Петро послалъ уже въ слободку за двумя соедными стрѣлками», а въ городъ за охотниками Пфеллеромъ и М***. Весна настала окончательная, валовая. Вездѣ ревутъ степные овраги, столько извѣстныя и страшныя путникамъ по Украинѣ «бѣлки», мгновенно наполняемая снѣговою и дождевою водой. Рѣки и полевые ручьи также вскрылись и несутъ на своихъ мутно-желтыхъ волнахъ обломки плетней и снѣговыхъ глыбъ. Говорятъ, что вотъ-вотъ скоро ужé начнется общій пролетъ и прилетъ дичи...

Распускается розовая «талà», особый родъ лозы, покрываясь душистыми сѣрыми куколками цвѣтовъ. Показываются на солнцепѣкѣ, на отвѣсахъ жирно удобрен-

наго листьями деревьевъ пристѣна, голубые «прѣлѣски» — подсиѣжники. Поемные луга береговой долины Донца представляютъ у ногъ разливанное море, ожидающее своихъ весеннихъ гостей — миллионовъ дичи всякаго рода. И пока систематическій хозяинъ мой устраиваетъ съ акуратностью методиста первый день своей весенней охоты я уже оттопталъ ноги и истомился, бродя по его лѣсу...

Прилетѣли уже сѣрые дрозды, большая лѣсная птица, не много менѣе голубя средней величины, вкусная и драгоценная пища для тонкаго аппетита. На опушкахъ сосноваго бора вы видите, какъ эти дрозды то усѣютъ собою землю, подбирая всякія зернышки и сѣмечки, при чемъ съ вершинъ деревъ поминутно слѣтаютъ къ нимъ, падая, какъ пули, новые охотники покушать изъ ихъ семьи, то вдругъ облачкомъ поднимаются въ темныя вѣтви развѣсистой сосны и такъ тамъ усаживаются, что едва отличишь ихъ сѣрое плотное брюшко и острый, твердый клювъ. Подходить къ нимъ нужно какъ можно осторожниѣе; отыскивать ихъ легко по особому крику ихъ, похожему на тихій трескъ взлетающаго бекаса...

Вы идете, идете, слѣдуете за перелетающими съ дерева на дерево дроздами, вдругъ справа и слѣва раздается какой-то бойкій гулъ, и васъ на время покрываетъ темнота: это пролетѣли надъ пристѣнномъ къ озерамъ утки...

А! значить, скоро будутъ и вальдшнепы!..

Незадолгодо Благовѣщенія, мы согласились впятеромъ, Домонтковскій, Щербека, я, Пфеллеръ и М***, ѣхать въ лѣсъ, въ землянку перваго, подъ пристѣномъ, у рудника, встрѣтить тамъ вечернюю зарю, переночевать и опять рано утромъ поохотиться. Мы запаслись самоваромъ, закуской, угольями, погребцомъ, съ чайными принадлежностями, взяли ружья и собакъ, и уѣхали.

— Что это такое Вірій? спросилъ я спутниковъ. Кто, господа, знаетъ изъ васъ? Говорится въ народѣ: летитъ на зиму птица въ Вірій! Что же это за Вірій и гдѣ онъ?

Щербека на это, ни слова не говоря, закурилъ сигару, махнулъ рукой и легъ на землю, близъ землянки. Домонтковскій и вообще никогда не говорилъ ни о чемъ, а болѣе любилъ слушать. Пфеллеръ съ нѣмецкою интонаціею объявилъ, что «Фирей—это пашти зфирей, гдѣ зефиръ вѣетъ тѣпле... это близъ Кримъ! Въ Кримъ это мѣстѣ!» Послѣдній изъ спутниковъ нашихъ, М***, званіемъ пономарь и явившійся въ какой-то женниной кофѣ свержъ подрясника, на вопросъ мой, отвелъ за уши длинные волосы и объявилъ слѣдующее...

Въ это время кучеръ вздулъ угли, уставилъ на взгорьѣ пристѣна самоваръ, приготовилъ чашки, а мы, отдохнувши, собирались идти искать вальдшнеповъ.

— Вірей, ваши высокоблагородія, вотъ что. Птица

Божья, тотъ же человекъ. А у насъ на степи ей мало раздолья. Только и тычется, что около рѣкъ. Лѣтомъ за-сухи, а зимою стужа; все ее бьетъ. Ну, а Вирей — это птичій рай! Сказано, самое солнце, и то кажныя сутки купається, чтобъ не потерять своего блеску. На что уже и самый чортъ, и про того говорится у насъ, въ Млинцахъ: шелъ когда-то чортъ въ нѣмецкомъ платьѣ, въ чулочкахъ, во фрачкѣ, при шагѣ и въ косѣ, куда-то на вечеринку около Млинцовъ. Его и подхватило вихремъ на воздухъ. Вѣрно, другая нечистая сила его доѣхала. Такъ его подхватило и повѣсило за пятку на паутинѣ; а отъ другой пятки паукъ повелъ паутину до земли. Только плель, плель, все никакъ не доплететъ. Вотъ уже и земля близко, и поля, и деревни. Чортъ сверху и просится: «Паукъ, братецъ, доставь ты мнѣ испить воды, да посмотри, что дѣлается на свѣтѣ; а мнѣ изъ-подъ облаковъ не видно!» Паукъ и говоритъ: «Воды я достать не достану, на двадцать-пять саженой паутины не хватаетъ, а я отошаль и не доплету; а что дѣлается на свѣтѣ, слушай: выстроены новый городъ Харьковъ, и Балаклея выстроена, и Пришибъ, и Млинцы передѣланы, снесены подъ гору послѣ пожара, и тебѣ люди на свѣтѣ уже меньше поклоняться стали...» Поплакалъ чортъ и еще сто лѣтъ такъ висѣлъ, пока, говорятъ, не снялъ его людямъ на муку князь П... когда тутъ правил...

— Ну, зарапортовался, отче Иване! сказалъ, смѣясь, Щербека. — Куда же все это идетъ къ Вирію?

— Къ Вирію-то? отвѣтилъ, крикнувши, почтенный пономарь, по ремеслу и по призванію страстный охотникъ. —

А вотъ какъ. Когда чортъ это еще висѣлъ у насъ надъ Млинцѣми, одинъ разъ, отъ столѣтней тоски, что виситъ онъ все на одномъ мѣстѣ, пятками вверхъ, и зашѣлъ онъ вверху какую-то пѣсню... Напрягъ все силы, зашѣлъ въ воздухѣ тихо, и пастухи, поднявши къ нему глаза, все глядѣли и слушали, откуда это несется пѣсня: съ тучею вмѣстѣ, не летитъ вверхъ и не падаетъ внизъ, а какъ будто поетъ самъ воздухъ! Не то душа чья нибудь ласточкою вылетѣла изъ тѣла и поетъ, прощаясь съ землею... И слышали пастухи такое дѣло: летитъ рогатый жукъ и спрашиваетъ чорта: (а они уже знали, что чортъ столѣтъ виситъ надъ ихъ селомъ и что это точно онъ зашѣлъ отъ тоски): «А куда, дядя, летѣть въ Вирій? Я опоздалъ и сбился съ дороги.» — Лети, говоритъ, на Днѣпръ, а оттуда на Перекопъ, а тамъ за Кубань, къ золотымъ воротамъ... Слышатъ пастухи далѣе: летятъ лебеди и перепелки. «Куда, дядюшка, дорога въ Вирій? И мы сбились!» — Летите на Днѣпръ, на Перекопъ, а тамъ за Кубань, къ золотымъ воротамъ...

— Что же это за золотіе Фароттэ? Какой баснь! возразилъ, засмѣявшись, Пфеллеръ.

— А вотъ какія... Золотыя, какъ золотыя; два столба

и до самаго неба. По сю сторону воротъ и холодно, и вѣтеръ дуетъ, и засухи бывають; а по ту уже одинъ птичій рай: все вода, вода; Тигръ и Ефратъ рѣки плывутъ, все лѣса, рощи и сады, и цвѣты вѣчные цвѣтутъ... На воротахъ сидитъ, съ ключемъ отъ Вирія, наша лѣсная птица *сойка*, пѣстренькая, а у сойки въ носу ключъ золотой, и она на всѣхъ языкахъ и крикахъ опрашиваетъ всякую прилетающую птицу и букашекъ; оттого на всѣхъ крикахъ и умѣетъ кричать она, а еще оттого, что вертится она между всѣми птицами, и перья у нея разноцвѣтныя: и зеленыя, и золотыя, и бѣлыя, и красныя, и сизыя есть перышки. Она сидитъ, окликаетъ всѣхъ по заслугамъ, а грѣшныхъ не пускаетъ. Оттого коршуны и орлы и зимуютъ у насъ дома. А у самыхъ воротъ сторожемъ плаваетъ въ лодочкѣ по воздуху сизый селезень, вертитъ хвостикомъ, а горлинка, что ни на есть тихая у насъ и кроткая птица, въ серебряной повозочкѣ, запряженной пѣтухомъ, ѣздитъ то въ ворота, то изъ воротъ, собираетъ подаяніе на птицу больную и раненую нашимъ братомъ охотникомъ. Вотъ отчего, Николай Ильичъ, и нехорошо, когда неумѣющіе охотники туда же тычутся стрѣлять изъ ружей: только переранять, искалѣчатъ бѣдную дичь, а толку мало. Я уже тридцать-два года стрѣляю. А какъ иной разъ дамъ промахъ и только обожгу птицу, да какъ подумаю, какъ она послѣ меня ноетъ, сердечная, волочетъ крыло или нож-

ку раненую, такъ ѣсть и пить не хочется... Вотъ оно что
Вирій, господа!

И, подтянувши женнину кофту, уставивъ впередъ съ-
доватую бородку и нахлобуча на лобъ какой-то стеган-
ный на ватѣ и дырявый колпакъ, М* взялъ подъ мыш-
ку свое пятирублевое, связанное веревочками ружьецо, пе-
рекинулъ черезъ плечи сумки изъ холста, съ порохомъ
и дробью, и сказалъ:

— А что же, ваши высокоблагородія, пора и за вѣ-
люшнями!

Мы исходили верстъ десять, истоптали множество бе-
резняковъ, топкихъ ольховниковъ и сосновыхъ срубовъ,
но вальдшнеповъ еще не было. Совсѣмъ стемнѣло, ко-
гда мы, опуствя дула ружей, шли, едва передвигивая уста-
лая ноги и сопровождаемые усталыми и запаленными
первою весеннею гоньбою, лягавыми собаками. До зем-
лянки у пристѣна оставалось еще далеко. Сухой листъ
шелестѣлъ подъ ногами. Сумерки болѣе и болѣе сгуща-
лись надъ головами нашими.

— А скажите-ка лучше, господа, когда именно при-
летаетъ какая дичь? спросилъ Щербека. — Вотъ одинъ
разъ, ѣдучи за пшеницей изъ Бердянска, я въ полѣ, въ
позднюю осень, уже по первому снѣгу, встрѣтилъ мы-
шиный таборъ, переселеніе мышей: тысячи тысячъ мы-
шей, какъ саранча, шли полемъ, широкою полосой и дви-
гались тихо, не спѣша... На другой годъ, какъ онѣ со-

шли со стеной безъ вѣсти, былъ неурожай, почти голодъ. Онѣ, должно быть, ушли заранѣе, зная по чутью, что будетъ. Ну, а когда, положимъ, прилетаютъ къ намъ или улетають отъ насъ хотъ перепелки, или вальдшнепы, или горлинки и кукушки? Кто ихъ видѣлъ, когда они летятъ?

Всѣ опять смолчали. Пфеллеръ было началъ: «Они низу идутъ, они либо верху, ошень високо!», но замолчалъ также.

— Летитъ всякая птица порознь, началъ опять Иванъ Андреевичъ М^{***}: иная летитъ въ одиночку, а иная и кучами. Какъ я былъ еще въ причтѣ въ Богородскѣ, разъ пошелъ за вѣлюшнями, притомился вечеромъ и заснулъ на пригоркѣ, подъ лѣсомъ. Вдругъ слышу во снѣ, около меня точно крысы или мыши бѣгають, пашутъ на меня воздухомъ и свистятъ тихими свистами, да такъ, что я еще и не слышалъ. Приподнялся я немного на локоть, смотрю—а ночь была мѣсячная—а возлѣ меня кишмя-кишитъ какая-то налетѣвшая невзначай на мое мѣсто птица... И вся суетится по землѣ, шныряетъ въ темнотѣ, посвистываетъ тоненько и будто машетъ крыльями, расправляетъ ихъ; а другія промежь ихъ бѣгають такъ, что слышно, какъ топотятъ по землѣ ихъ лапки, ажю на меня иная наскочитъ. Лежалъ я этакъ долго. Прояснѣлъ мѣсяцъ—смотрю: перепѣлки. Это онѣ такъ ночью налетѣли на меня, сѣвши отдыхать. Смотрѣлъ я на ихъ

игранье и отдыхи до самой зари. А передъ зарею онѣ опять засуетились, закурныкали, какъ куры, порхнули, высоко поднялись и, свиваясь и развиваясь, какъ пчелиный рой, полетѣли далѣе. Далѣе же гдѣ нибудь уже ихъ настоящія лѣтвли, и онѣ разсыпаются тамъ по одиночкѣ до осени. Горлинки также летятъ, точно голуби и тоже больше по ночамъ; вѣлюшни тоже, и ласточки... и кукушки... Летятъ онѣ такъ, чтобы люди-озорники ихъ не видѣли по степямъ, на открытыхъ мѣстахъ, а днемъ пасутся въ дичинахъ и глухихъ бурьянахъ, пустыряхъ. Передъ вечеромъ соснутъ истомленные, а на ночь опять летятъ и летятъ... Я видѣлъ разъ, какъ цѣлое стадо такихъ слабыхъ птичекъ спало на лощинкѣ, въ яру: это наши бекасики. Они летятъ невысоко, забрать верху не могутъ, натомятся ночью, а днемъ и спятъ, покормившись. Ну, журавли, цапли, утята, гуси—тѣхъ не стомишь, тѣ свалются сотнями въ стаи и летятъ подь облаками...

Въ это время мы невольно остановились. Вверху, въ небесахъ, шли какіе-то невыразимые звуки: точно крылатые эскадроны эльфовъ и силфовъ неслись подь облаками, трубя въ свои крошечные золотые и серебряные рога...

— Что это, Иванъ Андрѣичъ? гуси, журавли, дрохвы или лебеди?

Но пономарь молчалъ, опершись на свое длинное и

потертое ружье, какъ тотъ всѣмъ намъ любезный Путеводитель въ пустынь, Патфайндеръ, похождениями котораго мы любовались въ дѣтствѣ, въ романѣ Купера. Что онъ думалъ, неизвѣстно. Всѣ также молчали...

Пфеллеръ прервалъ тишину:

— Мюзикъ карошъ! Эттэ какъ у насъ въ Курляндъ: курру-курру-курру... эттэ цапль!

Пономарь поднялъ ружье, погладилъ его съ особенною пѣжностью и сказалъ, двинувшись далѣе:

— Быть скоро настоящей охотѣ. Начался общій прилетъ дичи. На зарѣ будемъ бить гусей, а можетъ быть и вѣлюшней... Слышите?

Мы насторожили уши и опять остановились. Собаки тоже замерли, во что-то чутко велушиваясь. А въ кустахъ слышалось: и мѣрное тихое карканье или хрюканье, и мѣрный свистъ ненаглядной и рѣдкой въ степяхъ дичи — длинноносыхъ коричневыхъ вальдшнеповъ.

Въ землянкѣ, то есть въ хаткѣ лѣсничаго, подъ пристѣпомъ, въ тайникѣ густыхъ кустовъ, мы нашли уже и готовый самоваръ, и свѣчу въ бутылочной шейкѣ, и всю комнату, накуренную отъ мошки сосновыми вѣтками, и превосходную ключевую воду. Мы спустились по крутой, пробитой въ песчаномъ нагорьѣ, тропинкѣ къ роднику, гдѣ стояла хатка, подъ навѣсомъ громаднхъ ольхъ. Въ сторонкѣ, тутъ же, подъ ольхами, между куста-

ми ракитника, подоспѣвшіе къ первому весеннему лову рыбы, сосѣдніе лиманскіе рыбаки на таганкѣ варили кашу. Мы вошли въ хату.

— Вотъ, господа, сказалъ Домонтковскій: окошечко. Смотрите: отсюда зимой мы бьемъ волковъ на «засѣдкѣ». Вонъ подъ той ольхой, въ камышахъ, кладется падалъ, лошадь или овца; съ утра волки пронюхаютъ и сторожатъ. А съ вечера мы забираемся сюда на всю ночь и ждемъ. Окошечко закрывается клапаномъ изъ полсти. Въ хатѣ темнота; сидишь, не шелохнешься и ждешь, ждешь. А морозъ хруститъ, ледъ на Донцѣ и на озерѣ трещитъ иной разъ, вотъ точно пушка выстрѣлитъ, и пойдутъ по лѣсу раскаты. Ждешь часъ, другой; мѣсяцъ ярко свѣтитъ; покурить хочется—нельзя. Глаза слипаются. И вдругъ—вдали, не вдали, не разберешь и гдѣ—раздается вой, ему вторитъ другой. Смотришь, камыши трещатъ, и на площадку, ярко рисуясь на мѣсяцѣ, выходятъ волки: одинъ, другой, пятый, одиннадцать... Сердце такъ и іокнетъ! Серебрятся на морозѣ острия уши и длинные хвосты. Подойдутъ къ падали, понюхаютъ, отойдутъ опять, лягутъ и лежатъ, въ сторонѣ, въ тѣни, виѣ выстрѣла, точно знаютъ. И опять раздастся вой, страшный, долгій, на все лады, будто скликаютъ они и другихъ товарищей. Вотъ подходитъ къ приманкѣ одинъ: сталъ рыломъ къ окну—неловко; сталъ задомъ, хвостомъ—опять неловко... Руки

дрожать... сталъ бокомъ... винтовка грянула — въ глазахъ потемнѣло. Выйти ли изъ хатки? посмотрѣть ли? А сердце такъ и прыгаетъ. Вѣдь хатка одна стоитъ въ лѣсу, а кругомъ на пять верстъ ни души. Ну, какъ вломится? Куда? въ двери? въ окно?...

Пономарь сидѣлъ на лавкѣ, молча слушая, и кромсалъ складнымъ ножомъ какую-то вѣточку. Щербека опять помѣстился на спокойнѣйшемъ мѣстѣ, на лежанкѣ широкой, варовой печи, подложивши подъ голову свое пальто и патронташъ. Пфеллеръ настаивалъ чай. Хозяинъ откупоривалъ флягу съ коньякомъ. Картина во вкусѣ Купера, не правда ли? Что роилось въ головѣ Щербеки? Вѣроятно, мысли его носились далеко, въ Бердянскѣ, въ Мариуполѣ или въ Одессѣ, въ какой нибудь греческой или генуэзской конторѣ, и онъ бралъ денежки за золотую, яркую и полновѣсную, какъ коралль, пшеницу «гирку». Пфеллеръ отличался всегда ролью анекдотиста, смѣша своимъ выговоромъ болѣе, нежели довольно сальными анекдотами. При пономарѣ же онъ всегда былъ пассажъ.

Чай былъ разлитъ. Самоваръ шипѣлъ довольно жалобно. Комары визжали и бились въ окна.

— О чемъ вы это думаете, отче Іоанне? спросилъ Домонтковскій пономаря.

Тотъ скинулъ уже свою кофту, подвязалъ сзади поплотнѣе свою косичку, отчего она стала походить на

струкообразный хвостъ скачущаго по жарѣ отъ оводовъ теленка, расправилъ сѣдоватую бороду, уставилъ въ дымящейся стаканъ свой куликовидный носъ и сказалъ:

— Вы говорите о волкахъ? А былъ въ Чурбатовѣ разъ такой случай. Исправлялъ тамъ духовныя требы, еще при отцѣ Александрѣ, старецъ Навель, дѣдъ отца Смарагда... дьячкомъ то есть былъ, и такъ же, какъ и я грѣшнымъ дѣломъ—охотою занимался... Порвали у него волки корову. Онъ ее выволокъ за рошу, вырылъ себѣ землянку, покрылъ ее бревнами, оставя только продушину, взялъ три ружья двуствольныя, перекрестился и пошелъ на «засѣдку». Сидитъ ночь, сидитъ другую. Видно по мѣсяцу—подбѣгаютъ зайцы, подбѣгаютъ и лисицы. Сидитъ онъ и задремалъ. Проснулся—надъ коровой волкъ, одинъ-одинѣшенекъ, да такой огромный. Онъ и бацнулъ; а была глухая полночь. Волкъ повалился. Только, слышитъ, около коровы что-то кричитъ: «Ой, батюшки, спасите... убили, убили...» Онъ туда, смотритъ: волкъ бѣлый, какъ лунь, точно сто лѣтъ или болѣе прожилъ, лежитъ и охаетъ, дышетъ, какъ человѣкъ. Выстрѣломъ, картечью, такъ и своротило ему лѣвый бокъ, а въ прорванную кожу видѣнъ лацканъ краснаго кунтуша, галуны золотыя и шмухлерскія пуговицы. Такъ и простоялъ Навель надъ волкомъ до зари... нисъ мѣста. Занялась заря: уже вмѣсто волчьяго рыла явилась и бѣлая, бѣлая долговолосая козацкая голова. Поднялся чудный волкъ на лок-

тѣ, а уже жизнь его отходить, и говорить: «Старче! помолись за меня. Сто лѣтъ назадъ, я былъ козакомъ и поѣдомъ ѣлъ православный людъ, моихъ слугъ и работниковъ по хуторамъ. Никто меня остановить не могъ, и я питался православною кровью. Да нашелся человѣкъ, Шолудько-Буняченко, небывалый еще въ нашихъ краяхъ воинъ. То была кара Господняя. Про него говорили, что онъ не живой, а только ходилъ по свѣту, мыкался, какъ живые, что онъ мертвецъ, покинувшій свою подземную постелю, что у него только лицо людское и кожа, а внутри наложены желтыя и гнилыя кости, какъ въ могилѣ, и потому онъ, ходя въ Днѣпръ купаться, не снималъ рубахи и убивалъ тѣхъ, кто видѣлъ на немъ знаки тлѣнія. Я одинъ разъ побилъ своего слугу Михайлу, оборвалъ ему съ корнемъ козацкій чубъ и плетью еще исполосовалъ его, да и пошелъ къ кустамъ освѣжить душу въ Днѣпрѣ. Иду себѣ, раздвинулъ кусты, а на томъ берегу, тоже подъ кустами, въ тишинѣ, на зеленой травкѣ, и Шолудько-Буняченко купается, да безъ рубашки, весь желтый и въ пятнахъ, точно трупъ гниющій. Увидѣлъ меня, держитъ рубаху на колѣняхъ, уставилъ въ меня свои мертвецкіе, зеленые глаза—я такъ и обомлѣлъ... Стою въ кустахъ и слышу: на головѣ у меня что-то растеть, и теплѣй мнѣ всему становится. Смотрю: я уже обросъ шерстью, сзади волочитя хвостъ, нагнулся на четвереньки, и языкъ самъ отъ жары вывалился. Да какъ стало

миѣ страшно, и ознобъ, и ужасъ прошибли меня, я крикнулъ... Крикнулъ и завылъ волкомъ; а онъ сидитъ на берегу, да смѣется, плескается водой и все смотритъ на меня своими зелеными мертвецкими глазами. Вотъ такъ-то, старче, я сто лѣтъ и промыкался, и спасибо тебѣ, что ты меня убилъ. Видно, рука у тебя не грѣшная, а меня ни чья пуля до сихъ поръ не брала. Помолись же ты за меня и отслужи панихиду въ Межигорскомъ монастырѣ. Я тамъ по близости жилъ и людъ православный мучилъ!...» Какъ умеръ онъ, старецъ Павелъ заявилъ суду. Наѣхалъ судъ. Смотрятъ: вмѣсто волка лежитъ уже настоящій козакъ, сѣдой, сѣдой, столѣтній, въ красномъ кунтушѣ, при саблѣ и въ желтыхъ сапогахъ. Такого наряда тогда уже и не видано было нигдѣ; и старца Павла освободили отъ слѣдствія... Такіе-то случаи бывають на «засѣдкахъ...»

Нанились чаю. Начались общіе разговоры. Щербека лежалъ и курилъ. Пфеллеръ принялся чистить и безъ того чистое ружье, возясь съ своею собакой, щенкомъ десяти мѣсяцевъ — отличной англійской породы цеттеръ, желтой лисьей масти и вида. Онъ даже увѣрялъ, что эта порода — хитро устроенная англичанами помѣсь собаки съ настоящею лисицей, что, дѣйствительно, слегка подтверждалось невѣроятною хитростію, рѣзвостію и чутьемъ его щенка, замореннаго дрессировкой. Пономарь изъ линоваго черенка сдѣлалъ дудку,

подрѣзалъ ея кору, какъ-то продѣлъ въ кору черенокъ съ углубленіемъ, и дудка стала кричать уткой.

— Это на завтра. Станемъ подзывать селезней! сказалъ Иванъ Андрееичъ.

Въ хатѣ стало жарко; а оконъ и дверей отъ мошки нельзя было отворить.

— Не выйти ли намъ, господа, на воздухъ пока? предложилъ я.

Компанія двинулась къ ольхамъ, къ огню рыбаковъ. Каша уже была готова. Насъ попросили присосѣдиться. Мы подкатили къ котелку бревно и кое-какъ размѣстились. Рыбаки были государственные крестьяне, очень бѣдный народъ.

— Что меня удивляетъ, сказалъ Щербека, указывая на меня: Скавронскій такъ недавно еще въ нашихъ степяхъ, а уже сталъ рьянымъ охотникомъ: въ метели и въ дождь, по ночамъ и бурямъ, не боясь ни нашихъ комаровъ, ни болотъ, охотится, какъ и мы, грѣшные. Или уже это въ крови?

— Я тоже думаю, что въ крови. Охотники не дѣлаются, а рождаются, какъ и государственные великіе люди... До охотничьей души надо дослужиться у Бога! замѣтилъ торжественно Домонтковскій, вообще любившій болѣе процессъ охоты, чѣмъ самую охоту, такъ, отъ скуки.

— А вотъ «янки» другое дѣло, сказалъ Щербека:

не правда ли? Мы съ вами, Петръ Ивановичъ, сдѣлались янками по расчету, по волѣ? А помните, Иванъ Андрейчъ, какъ я, будучи студентомъ, двое сутокъ торчалъ съ вами, безъ хлѣба, въ болотѣ, увязнувши въ трясинѣ, подъ Васищевымъ?

Пономарь тряхнулъ косичкой и усмѣхнулся.

— Какъ бы не стрѣлокъ-промышленникъ, пропали бы мы ни за грошъ!

— Да, таки набрались муки! Двое сутокъ провозились по поясъ въ трясовинѣ...

Пока мы сидѣли у огня, подкладывая дрова и толкуя другъ съ другомъ, рыбаки сходили внизъ къ озерамъ, къ лодкѣ своей, осмотрѣли вѣнтери и опять воротились.

— А что, господа, не будемъ сегодня спать до самой зари, отозвался я съ предложеніемъ: протолкуемъ лучше до утра и встрѣтимъ на ногахъ первую нашу весеннюю охоту!

— Отлично, Александръ Сергѣевичъ! подхватили остальные.

Предложеніе мое было принято. Мы подкинули въ огонь вѣтокъ и расположились, кто какъ захватилъ мѣсто. Домонтковекій обратился къ рыбакамъ.—«Какъ тебя звать?» — Андрій Шаповаль!» — «А тебя?» — «Терешко Говестый!»

— Ну, Терешко, сказку....

— Дайте бубликовъ вязку....

Всѣ засмѣялись.

— Ну, скажи небылицу....

— Дайте паляницу.... *)

Терешко оказался, не смотря на свой жалкій и загнуанный видъ, балагуромъ. Ему и товарищу его дали по здоровенной чаркѣ коньяку.

— Ну, да и горѣлка же, бѣсъ ея матери... увва! Спасибо вамъ, господа! Спасибо! Какую же сказку? Развѣ про того человѣка, какъ онъ ѣхаль, да и загубилъ, рукавичку, а туда влѣзла жабка-букавка, за нею ракъ-хараваръ, за ракомъ зайчикъ-побѣгайчикъ, за нимъ сестричка-лисичка, за нею волкъ-гаврило, зубастое рыло, за нимъ медвѣдь-михайло, до меду подбирайло, и какъ они тамъ стали мирно жить, хлѣбъ соль водить... Эту?

— Свинство! сказалъ съ презрѣніемъ пономарь: такія сказки не подобаетъ благороднымъ дворянамъ слушать!...

Я было хотѣлъ вмѣшаться. Щербека мнѣ мигнулъ.

— Ну, такъ какую-же? спросилъ, обидѣвшись, рыбакъ.

— Скажи *сторію*, сторію, коли знаешь, про важныя и мудрыя вещи! А то, чортъ знаетъ что, только уши мозолишь и охоту нашу спортишь!...

*) Пшеничный хлѣбъ.

Терешко началъ свой разсказъ, какъ умеръ царь Продъ и у него родился невиданный царевичъ...

Долго говорилъ Терешко. Пономарь присмирѣлъ и слушалъ его съ восторженнымъ вниманіемъ. Прочіе гости дремали...

Въ кустахъ неожиданно звякнулъ соловей и долго-долго пѣлъ, изумивши насъ своимъ раннимъ появленіемъ. Засвѣжѣло. Поднялся туманъ отъ Донца. Мѣсяцъ былъ въ тучахъ. Но тепло и душисто было въ лѣсу. Мы не выдержали, потушили огонь и ушли въ хатку, запершись отъ комаровъ. Я просынался часто, почти не спалъ. Не спалъ и пономарь. Прочіе храпѣли...

— Слышите, слышите, говорилъ пономарь, садясь въ потемкахъ и замирая отъ собственныхъ словъ: слышите? То птицы изъ Вирея летятъ; то перелетъ, настоящій перелетъ начался...

А надъ хаткой точно плыли крылатые эскадроны. Шумъ, свистъ и какое-то мѣрное, точно живое гудѣніе неслось, трубя, въ небесахъ... Казалось, необъятныя стаи летѣли, опускаясь на самую кровлю хаты; будто сотни крыль махали у дверей, надъ трубой, и вѣяли вѣтромъ въ самыя окна. Либо комары и мошки, либо пестрыя птицы бились мѣрно въ стекла. Сонъ походилъ на дѣйствительность; грезы являли мыслямъ чудныя картины степнаго перелета. Сердце билось; въ виски стучало. Въ ушахъ звонъ; на небесахъ звонъ!...

— Иванъ Андреичъ! Что это? Гуси кричатъ, или журавли, или пѣвчая лѣсная птица?...

— И гуси, и журавли, и лѣсная пѣвчая птица!

Опять загремѣлъ соловей. Я долго слушалъ, сидя на лавкѣ.

— Иванъ Андреичъ! какъ это все разомъ летить и поеть? Что за странная, чудная ночь!

Отвѣта не было.

— Иванъ Андреичъ! вы спите? Иванъ Андреичъ!

Пономарь не отвѣчалъ. Въ лицо мнѣ повѣяло чудною свѣжестью и нѣгою... Смотрю, дверь отворена. Я вышелъ на крыльцо. Пономарь тамъ...

— Боже, что за ночь!

А Иванъ Андреичъ, въ косичкѣ, безъ подрясника и простоволосый, стоитъ на порогѣ, противъ мѣсяца, и плачетъ...

А вверху опять гуль, точно рѣки звуковъ несутся въ облакахъ или струны крылатыя звенятъ въ воздухѣ, Летятъ и летятъ, летятъ безъ конца воздушныя арміи. Свиваются въ колонны, точно строятся рядами, взводами, рассыпаются, опять смыкаются въ подвижные карре, летятъ безъ конца. Донецъ сіяетъ серебромъ; озѣра у ногъ отливаются золотомъ. Должно быть, лопнули и вскрылись липкія, назрѣвшія почки черёмухи или береза впотѣмахъ окинулась кружевомъ своихъ развернувшихся свѣтло-зеленыхъ куколокъ. Что-то пахнетъ, пах-

нетъ вблизи. Летѣла какая-то стайка надъ ольхами. Маленькая птичка впотѣмахъ наткнулась на самую дверь хаты и отшатнулась, съ пугливымъ шорохомъ шнырнувши въ сторону...

Мы пустились на охоту, чуть стало, какъ говорятъ здѣсь, «благословиться на свѣтъ». Видѣли игру яркочерногубаго солнечнаго блеска въ туманѣ озеръ и на корняхъ деревьевъ. Охота была удачная. Собаки шли по росѣ отлично. Мы воротились съ полными ягдташами...

III.

Охота лѣтомъ въ Малороссіи. — Временныя озёра въ степи. — Насѣкомыя. — Засуха. — Охота на дрохвъ и стрепетовъ. — Охота на перепеловъ. — Повѣрья объ «отроковицѣ» и «зеленчукѣ». — Степное марево. — Зеленныя балки и перевалъ въ байракѣ.

Вамъ, наши поэты, завернуть бы съ сѣвера на Украину, въ то время, какъ полный разгаръ весны смѣняется лѣтомъ. Съ ружьемъ въ рукахъ, повести бы васъ въ наши камыши и хуторянскія балки, куда мы, за отсутствіемъ васъ, ходимъ пока съ вашими книгами, передавать словьямъ и золотоголосымъ дроздамъ дорогія и милыя всѣмъ, сѣверныя пѣсни Майкова, Щербины, Полонскаго и Фета. Давно ждуть вашей семьи наши степи, по которымъ еще не вездѣ отъ сотворенія міра прошелъ

плугъ, гдѣ еще мелькаетъ въ дружную весну алый колоколь воронца, дикаго піона, тысячи разноцвѣтныхъ тюльпановъ и дикихъ кустарныхъ персиковъ, вишенъ и терновъ, цвѣтущихъ молочно-розовымъ цвѣтомъ, какъ островками бѣлыхъ коралловъ по степи, когда еще едва на ней пробивается первая цѣлинная травка.

Охотникъ съ жадностью ловитъ послѣдніе дни весны. Скоро водополь спадетъ и птица сядетъ по гнѣздамъ.

Дни еще влажны и прохладны. Апрѣль въ полномъ ходу. Не вся и птица прилетѣла изъ «Вирія». Апрѣльскія насѣкомыя роями слетаются, шумятъ кисейными и чешуйчатыми крыльями, оживаютъ и ползутъ изъ земли, изъ щелей древесныхъ корней, изъ-подъ гнилой коры и всякихъ норокъ, гдѣ ждали они тепла и Божьяго весенняго дня и солнца, въ долгую зимнюю спячку. Вотъ ползетъ между стеблей крапивы продолговатый жукъ-крестовикъ, черный, съ бѣлымъ крестомъ на спинѣ. Вотъ темный, съ желтымъ пухомъ на груди и на спинѣ, шмѣль гудетъ басомъ и ищетъ медовой чашечки едва распускающейся груши. Зеленая майка, съ фіолетовымъ брюшкомъ, въ ожиданіи листьевъ туго оживающей ясени, усыпаютъ собою первые листья сирени. Желтая, голубая, алая, бѣлая и сизая бабочки, какъ лоскутья разноцвѣтныхъ шелковъ и ситцевъ, перебрасываются съ куста на кустъ и мелькаютъ между де-

ревьями. Коричневая круглая коровка, величиной съ воробьиный глазокъ, ползеть по гладенькой былинкѣ, раскидываетъ оборочки нѣсколькихъ слоевъ крыльевъ бронзовыхъ, съ черными крапинками, зеленыхъ, съ серебряными точками и бѣлыхъ кисейныхъ, какъ будто пробуетъ ихъ и звенить, улетаая въ сверкающую синеву. Горопливо суетится подорожный, вамъ знакомый черный жукъ, изо всѣхъ силъ барахтаясь и катя, непременно задомъ, навозный, слѣпленный собственными средствами, шарикъ въ темную, подорожную же норку. Крылатая гусеница, рои мошекъ и комаровъ-трубачей, снуютъ взадъ и впередъ, или стоятъ клубами въ воздухѣ, точно висятъ въ немъ сверкающими искорками, а тысячи ласточекъ, очеретянокъ, вавѣкушекъ, сѣрыхъ и черныхъ дроздовъ, иволгъ и всякихъ мухоловокъ носятся, стелясь за ними по землѣ или ловя ихъ въ воздухѣ, межъ вѣтвей и надъ вершинами деревьевъ...

Птицы прибываетъ болѣе и болѣе. Одна стая спускается и улетааетъ, другая тутъ же падаетъ на ея мѣсто, усталая и голодная. Отъ вечерней зари до утренней пощипала травки, отдохнула и опять летитъ далѣе семья степныхъ гостей, къ вамъ на сѣверъ, въ Тамбовъ и Владиміръ, подъ Москву и въ Сокольники, въ Парголово и въ Мурино, всюду, гдѣ вы ждете ее отъ насъ, гг. записные сѣверные охотники.

Птицей полны уже рѣки, озера, болота и степные водные застои. Съ этими послѣдними выходятъ странныя дѣла.

Среди широкой, гладкой степи, зимняя вода стекаетъ въ мелкія, но огромныя котловинки. Отъ первой оттепели до засухи, эти котловинки рядятся въ сущія озера; устилаются рѣчными порослями, окружаются мелкой осокой и, временнымъ видомъ озеръ и болотныхъ плесей, приманиваютъ къ себѣ перелетную дичь: утокъ дупелей, бекасовъ, кроншнеповъ, цаплей, даже иной разъ гусей и лебедей. Въ виду моего хутора, однажды двѣ ночи на такомъ обманчивомъ болотцѣ, на вѣковой цѣлинѣ, прогостили три пары превосходныхъ перелетныхъ лебедей. Иная птица, особенно безпамятная и глупая дикая утка, здѣсь соберется и гнѣзда вить, забьется въ низенькій кушпиръ, ждетъ его роста, нанесетъ яиць и потомъ жестоко ошибается. Эти степныя плѣса, эти широкія и красивыя озера, съ яркою нѣжною зеленью, эти наши Лаго-Маджіоре и Лаго-ди-Комо, являющіяся, по магію волшебника, близъ дикихъ степныхъ терновниковъ и вишениковъ, также по магію волшебства и исчезаютъ. Пока влажный апрѣль еще царствуетъ, пока въ началѣ мая еще перепадають дожди, даже старые и настоящіе охотники ходятъ туда охотиться. Ненапуганная птица тамъ еще близко подпускаетъ. Вы увидите, какъ на ладони, рано по утру, на ясномъ стек-

лѣ такихъ озерковъ, кучу бѣгающихъ по колѣно въ водѣ, красноногихъ и голоногихъ куликовъ; увидите стадо чирятъ, маленькихъ утокъ, купающихся въ водѣ и чистящихъ носами сѣренькія груди свои. Увидите мѣрно шагающую цаплю, и набьете полный ягдташъ рѣзвыхъ дупелей и бекасовъ. Но вотъ потянуло зноемъ. Воды вошли въ берега. Дороги просохли. Отъ идущихъ толками стадъ взвивается сѣренькая пыль. Вы кидаетесь въ степь, къ терновнику, къ знакомымъ озеркамъ... Ихъ нѣтъ, какъ не бывало. Мигомъ все уничтожилъ собою зной, уничтожилъ и унесъ въ небо и воду, и ея палатныхъ обитателей, утокъ, куликовъ, цапель и бекасовъ. Вы ходите по мѣсту, гдѣ еще недавно тонули выше ноги, облаченные въ охотничьи ботфорты; земля суха, степная травка устилаетъ ее, и мужичекъ-хуторянинъ, какъ-бы въ насмѣшку вамъ, еще запахалъ половину ея подъ пшеницу.....

Все сохнетъ и мертвѣетъ, подъ вѣянiемъ нашего степнаго сирокко и симума, нашего неодолимаго «суховья». Зарядилъ онъ въ половинѣ мая, да иной разъ остановится только въ концѣ августа, не уронивши на обезсиленную и раскаленную почву ни дождинки, ни росинки. Тогда всему бѣда: и живущимъ и прозябающимъ, и птицамъ и животнымъ, и растенiямъ. Степи трескаются, всходы хлѣбовъ выдуваются съ корнями, берега рѣкъ желтѣютъ, самыя рѣчки пересыхаютъ и превра-

щаются въ нити рѣденькихъ и иловатыхъ озеръ.—«А что, какова ваша рѣчка Берека теперь? спросилъ я однажды изъ Петербурга, въ июнѣ, своего южнаго пріятеля: что въ ней теперь, и мелеть ли вашъ млинокъ?»—«Въ нашей рѣчкѣ теперь *пыль!* лаконически отвѣтилъ мнѣ пріятель: пыль, одна пыль—вдоль и впоперегъ!»

Вы вышли въ поле... Нѣтъ силъ спастись отъ зноя. Дорога вся въ трещинахъ. Тарантулы шныряютъ отъ норки къ норкѣ. Съ жалобнымъ стономъ носятся надъ головою чубатая чайки «чайки-небоги, что вывели дѣтокъ при битой дорогѣ», какъ говоритъ старосвѣтская наша пѣсня, твореніе Мазепы, по народному преданію, соединившему судьбы старой Малороссіи съ этою вѣчно-тоскующею птицей-чайкой. Вѣтеръ спитъ, на время перемолкъ. Даль, съ лѣвой стороны, сверкаетъ полною безоблачною синевою; съ правой, завѣсилась тучами, и изъ-подъ ихъ сизыхъ и бѣлыхъ пепельныхъ пологовъ доносятся непрерывные раскаты грома. Но дождя нѣтъ. Тучи обманываютъ. И опять зной и зной. Все молчитъ. Птица сидитъ или садится на гиѣзда. До Петра и Павла законъ и совѣсть запрещаютъ ходить на охоту. Но вотъ и этотъ праздникъ. Только нѣтъ, мало поживы охотнику лѣтомъ въ степяхъ. Наши степи безводны. По большимъ рѣкамъ только и охоты. А много ли ихъ у насъ? Днѣпръ, Донецъ, Ворскла, Самара, еще двѣ-три значительныхъ, съ заливными «луками» и болотами, и только.

Надо ѣхать на молодыхъ бекасовъ и дупелей верстъ за семьдесятъ. Утокъ иной разъ найдешь въ степи и близко, въ хлѣбѣ, во ржи или въ пшеницѣ, а иной разъ и прямо, среди поля, на стогу прошлогодняго сѣна. Но это еще не охота. Надо ждать осени, обратнаго пролета дичи, съ сѣвера, отъ васъ, изъ Тамбова и Парголова, Сокольниковъ и Мурина.

На что же охотятся въ степяхъ въ самое лѣто? На дрохвъ и стрепетовъ круглое лѣто, и вездѣ по всей степной равнинѣ нашей, на куропатокъ иногда, близъ лѣсныхъ балокъ и терновниковъ, гдѣ попадаютъ на слѣдъ ихъ выводковъ, всегда сторожко ищущихъ лѣса, чтобъ спрятаться отъ громадныхъ нашихъ коршуновъ, и на перепеловъ, во время покосовъ проса, съ сѣтью и съ собакой. На журавлей бываетъ также охота, и охота за-некчивая. Но ихъ стаи попадаются годъ отъ году рѣже и рѣже, и держатся болѣе въ остаткахъ, огромныхъ когда-то, нашихъ камышей.

Въ концѣ іюня однажды я получилъ изъ Золочевской заимки письмо слѣдующаго содержанія: «Милостивый государь, господинъ Скавронскій! Пора, ваше высокоблагородіе, охотиться. Птичка всякая уже спорхнула съ гнѣздъ. Петръ и Павелъ благословляютъ днесь! Миѣ бы и не слѣдовало въ моемъ санѣ. Сказано попомъ и причтомъ: не пролейте крови живущихъ и не убейте ничесо-же и нигдѣ-же. Ну, да молитвами свя-

тыхъ угодниковъ, охотимся уже тридцать-два года и другимъ желаемъ того же счастія. Препжній владыка нападалъ и отрѣшалъ отъ причта, а этотъ позволяетъ. И впрямь: нешто это въ грѣхѣ? А Давидъ ловець предъ Господомъ? Не умалилася душа моя въ охотѣ, а еще, познаетъ чудеса Господни, читая въ природѣ, и вѣмъ, яко грѣшенъ, но молюся и въ вѣрѣ не оскудѣваю. А хорошо бы, ваше высокоблагородіе, на стрепетковъ и и дроховъ: появились въ великомъ буйствѣ и нѣсть имъ числа. Деркачѣвскій коваль сказывалъ, что какъ овцы ходятъ. А Семень съ Зайковки даже приковылялъ ко мнѣ и говоритъ старина: есть куропатки... Ъдемъ, ваше высокоблагородіе. Жду васъ у себя. Вашъ богомолецъ и слуга пономарь Иванъ М—ій.»

Сильно обрадовался я зову дорогаго пріятеля и, по здѣшнему выраженію, тотчасъ «побѣжалъ» къ нему на парѣ хуторскихъ пѣгашекъ. Пономарь оставилъ уже городъ, тѣснимый братіей, и жилъ въ причтѣ Золочевской зѣмки, въ живописнѣйшей мѣстности самарскаго побережья. Я засталъ его въ трудахъ. Въ низенькомъ сарайчикѣ онъ справлялъ изъ шалѣвокъ лодку-плоскодонку для сосѣдняго паныча, стягивалъ ее веревками, вдѣлывалъ дно и пыхтѣлъ, что было силъ. Онъ мнѣ очень обрадовался. Косичка его въ видѣ строко-образнаго хвоста теленка, бѣгущаго въ помѣшательствѣ отъ мошки вдоль выгона, привѣтливо заколыхалась. Жидкая бо-

родка его, съ нашего разставанья, показалась мнѣ еще жиже. Глянувши внизъ, онъ отеръ съ лица потъ и улыбнулся.

— Э! а я васъ вотъ какъ ждалъ! сказалъ онъ, не поднимая глазъ.

— Что это вы? Вы и плотникъ?

— И плотникъ, и кузнецъ, что нужно...

— А рыбу ловили по веснѣ?

— Ловилась, да плохо. Коропа тёрлись; десятка съ четыре поймалъ...

Мы вошли въ его новое жилище. Полная и румяная, статная хозяйка, что-то стыдливо сунула въ уголь, подъ печь, и сейчасъ явившись сѣла, какъ барыня. И они барынямъ завидуютъ! Даже чепчикъ нацѣпила... Мы съ мужемъ ея пошли за перегородку. Тамъ былъ артистическій хламъ: стѣнные часы, какой-то портретъ масляными красками, три старенькихъ ружья на стѣнѣ, начатая небывалая клѣтка для ловли перепеловъ, куда въ средину сажаютъ самку подъ вечеръ и, вынося въ поле клѣтку, ловятъ самцовъ особыми дверками, въ видѣ силковъ. Наструганныя палочки еще валялись по полу. Сынишка-пономарченокъ возился подъ печкой и пачкалъ безъ милосердія фалды еще новенькаго сюртука.

— А что, сынъ ходитъ въ школу? спросилъ я.

— Нѣтъ, плохо, не учится!

— А что?

— Быть и ему охотникомъ. Такая уже душа! Стянулъ гдѣ-то голубя, повелъ племя подѣ печкой⁴ и теперь торгуетъ. Рубля на два уже наторговаль...

— Куда же мы ѣдемъ на охоту?

— Ёдемъ на дрохвъ; да пораньше завтра, до зари.

Мы собрались до свѣта, на простой телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь. Чтобъ еще болѣе обмануть сторожкихъ дрохвъ, на телѣгу даже навалили сѣна, утыкали ее часто свѣжими вѣтками, кое-какъ усѣлись за вѣтки съ ружьями и поѣхали. Все искусство охоты на дрохвъ состоитъ въ томъ, чтобы обмануть ихъ сторожкость сколько можно болѣе, представляя изъ себя мирныхъ странниковъ, возницъ сѣна или хлѣба, и подѣхать къ нимъ какъ можно ближе, т. е. на выстрѣлъ.

Солнце еще не веходило, когда мы вытянулись изъ поселка, потонувшаго въ садахъ, поднялись на пригорокъ, и поѣхали ровною гладкою степью, еще сочно-влажною отъ дружной росы, неожиданно подаренной скуднымъ небомъ, тою ночью. Лошадь, фыркающая, медленно пробиралась сперва дорогою. Потомъ мы своротили на хлѣба и сѣнокосы. Чуть брезжило и жаворонки еще не пѣли. На востокѣ появленіе солнца предвѣщали багровыя полосы, захватывавшія окраину неба, болѣе и болѣе. Но еще густая свинцовая тѣма устилала небо съ той стороны. Пахло свѣжестью и травами. Влѣво, гдѣ-то за косогоромъ, на незримомъ хуторѣ, надрываясь,

кричали пѣтухи и по воздуху доносились ихъ крики. Вправо въ туманѣ виднѣлись далеко-далеко одинокіе стоги. Вдругъ изъ-подъ ногъ лошади порхнулъ и, вырвавшись, клубкомъ покатился по травѣ заяцъ.

— Стрѣляйте, стрѣляйте! крикнулъ я, въ торопяхъ ища ружья.

— Что вы, что вы! зашипѣлъ пономарь и, ухватясь за шапку, присѣлъ: а дрохвы?!

— Да, точно!—И я опустилъ ружье.

Бѣжали мы еще долго, версты три и болѣе. Ничего не видно. Лошадь только мѣрно шагаетъ по зеленой цѣлинѣ, да пофыркиваетъ, поглядывая на росистую сочную траву.

Влѣво, между пахатями, забѣлѣло стадо овецъ.

— Что это? Шпанки? спросилъ я.

— Ай, ай, ай! еще тише и плотояднѣе зашипѣлъ пономарь: молчите! Какія тамъ шпанки; то дрохвы!

И дѣйствительно. Огромная стая дрохвъ, штукъ въ сорокъ, мѣрно выстроилась и, поднявши на насъ изда- лека свои чуткія круглыя головы, тихо шагала и въ разсыпку паслась на заревомъ прохладномъ корму.

— Что же намъ дѣлать?

— Ахъ, Боже мой, да молчите!! молчите и сидите, или лежите пузомъ!!!

И началъ пономарь кружить. Къ дрохвамъ надо бы бѣжать прямо, а онъ забираетъ въ бокъ, дѣлаетъ круги,

круги побольше и поменьше. Все уменьшая круги, наконецъ онъ выровнялъ телѣгу такъ, что дрохвы стали меньше, чѣмъ на выстрѣлъ. Онъ тихо сползъ съ телѣги, взялъ ружье, лошадь пустилъ итти по прежнему безостановочно, и вдругъ выйдя изъ-за телѣги, приложился—и выстрѣлъ грянулъ. Картечь засвистѣла по крыльямъ. За тѣмъ грянулъ другой выстрѣлъ. Отъ обоихъ упало три дрохвы; четвертая сначала не могла подняться и долго бѣжала по землѣ, размахивая крыльями. Я приложился велѣдъ за ней и за всей улетавшей стаей, и даль, безъ сомнѣнія, промахъ.

— Полетѣла умирать! подтрунилъ Иванъ Андреевичъ, подбирая своихъ убитыхъ дрохвъ.

Мы едва встали на телѣгу. Такъ онѣ были велики и жирны. Стадо перелетѣло не далѣе версты и сѣло въ нашихъ глазахъ. Мы опять поѣхали на нихъ, и опять пономарь сталъ дѣлать повозкою свои хитрые круги. И странно: стоило показаться въ виду этого стада, за полверсты, мальчику-пастуху, въ одиночку, и оно бы снялось и улетѣло. А нашу телѣгу подпускало на двадцать сажень и попадало бы, до послѣдней птицы, если бы у насъ стало терпѣнья слѣдить за перелетами и присѣстами. День прояснѣлъ окончательно; солнце было, по мѣстному чумацкому выраженію «на два дуба», то есть стояло надъ небосклономъ—на высотѣ часовъ осьми. Мы немного притомились и ѣхали тише. Въ мел-

кихъ бурьянахъ изъ-подъ телѣги со свистомъ поднялось на упругихъ пестрыхъ крыльяхъ стадо стрепетовъ. Мы по нимъ дали два заряда и четыре птицы, кувыркаясь, оплетѣли на земь.—«Славные стрепеты! отличная птушечка!» сказалъ пономарь, самодовольно потирая жирную, увѣенстую, благородную стенную дичь.

— Не довольно ли на этотъ разъ, Иванъ Андреевичъ?

— На жеравликовъ бы, еще крохотку...

— Да вы же устали!

— Не усталъ-сь; убей Богъ, не усталъ-сь!

Найдено новое стадо дрохвъ, стадо невиданное по величинѣ, головъ въ полтораста. На него мы наткнулись въ распахъ, поднявшись на крутой косогоръ, увѣянный терновникомъ и «дерездю» мелкимъ стеннымъ кустарникомъ, такъ безнаказанно ломающимъ на цѣлинахъ здѣшніе плуги. Дрохвы насъ увидѣли, но не слетѣли. Было жарко, и большая часть изъ нихъ лежала въ травѣ, на образецъ страусовъ, съ которыми дрохвы очень и похожи, запрятавши отъ зноя головы въ стебли. Одни дрофичи чутко и сторожко расхаживали, поглядывая по сторонамъ и гордо выставивши бѣло-коричневья пернатая оторочки своихъ шей. Пономарь остановилъ лошадь.—«Ну, дѣлать нечего; выпряжемъ лошадь и пусть пасется; будто въ поле за сѣномъ пріѣхали! сказалъ онъ: а мы полѣземъ травами, да лощинками, и подполземъ къ нимъ вонъ тѣмъ яромъ!»

Пустили мы спутаннаго коня, а сами зашли снова за косогоръ и поползли травами на животъ, съ другой стороны, стараясь вползти въ длинный яръ, подходившій къ самому мѣсту, гдѣ были дрохвы. Мы ползли долго, болѣе полуторы версты. Отъ непривычки, я значительно отста-валъ; но спутникъ мой, съ налитыми кровью глазами, въ одной рубахѣ, держа ружье впереди себя, ползъ безъ усталости, извиваясь, какъ ящерица. Изрѣдка только остано-вится, подниметъ голову изъ густой травы и глянетъ по степи, наставя ладонь къ глазамъ. Я тоже оглянулся: лошадь виднѣлась далеко-далеко, щипля траву вблизи чуть видной на шпилѣ повозки. Мы уже обходили дрохвъ. Ползя въ травѣ, иной разъ натыкались мы то на муравьицу кучу, то на гнѣзда жаворонковъ, чаекъ и длинноносыхъ полевыхъ куликовъ, называемыхъ «гри-циками» летавшими роемъ надъ нашими головами. Два огромныхъ коршуна, ширя въ недосягаемой высотѣ, медленно кружили, будто плавали, надъ нами, зорко слѣ-дя за мелкими пташками, выпархивавшими изъ-подъ нашихъ головъ. Кое-гдѣ цестрѣла, скрываясь отъ насъ, сѣренькая змѣйка; да на тысячу ладовъ перекликались, оглашая степь свистами, наши лютые бичи, овражки-суе-лики, поѣдающіе сотни и тысячи десятинъ нашихъ хлѣ-бовъ. Иная букашка блестѣла въ травѣ, какъ аметистъ или яхонтъ. Жгучій медвяный запахъ цвѣтовъ кружилъ

голову. Наконецъ мы спустились въ оврагъ и сѣли отдохнуть.

— Ну, истомили вы меня, Иванъ Андреевичъ!

— Ничего-съ! Добыча будетъ лютая!

Поноарь вынулъ трубочку, набилъ ее и закурилъ. Онъ протянулъ руку по оврагу къ одному мѣсту, гдѣ травы были гуще и сочнѣе и гдѣ отзывался коротель.— «Идите туда, баринъ; тамъ на вѣрно родничокъ, захватите въ стаканчикъ водицы!»—Я вынулъ складной клеенчатый стаканъ, пошелъ туда и дѣйствительно нашелъ ключъ отличной холодной воды, сочившейся изъ реберъ оврага по травкѣ. Мы напились, зарядили ружья картечью и, подкравшись къ окраинѣ оврага, почти въ упоръ безопасно лежащимъ дрофамъ, и навели ружья въ болѣе густыя кучи.

— Бить, Иванъ Андреевичъ?

— Стойте...

Онъ всталъ, спустился въ оврагъ, снялъ шапку, перекрестился, потомъ снялъ сапоги, лѣвый перемѣнилъ на правую ногу, а правый на лѣвую (это былъ его обычай и повѣрье въ болѣе важныя минуты охоты, для вѣрности удара) и опять прилегъ и сталъ цѣлиться...

— Бейте...

Грянули первые и вторые выстрѣлы. Дрохвы шарахнулись, какъ стадо овецъ, пробѣжали нѣсколько десятковъ шаговъ въ разныя стороны и въ разсыжку подня-

лись, летя надъ нами и обдавая насъ прохладнымъ вѣяніемъ отъ своихъ дрожавшихъ, широкихъ и мощныхъ крыльевъ. Не успѣли мы взглянуть, сколько упало убитыхъ дрохвъ, какъ съ противоположной имъ стороны, изъ другаго ярка, изъ травы поднялись озадаченные и съ ружьями другіе два охотника, также подползавшіе къ дрохвамъ, съ другой безконечной дали степной, и предупрежденные нами почти въ самое мгновеніе своего прицѣла. Они подошли къ намъ. Это были охотники промышленники изъ сосѣднихъ военныихъ поселеній, одинъ въ солдатской старой курткѣ, а другой въ цвѣтной рубахѣ.—«Ишь, баринъ, начали они: мы ползли версты двѣ до нихъ съ утра, да орелъ ихъ поугаль близко уже отъ насъ; а теперь опять съ завтрака ползли до нихъ, вотъ по какіе поры — а вы ихъ и пострѣляли...» — Пономарь, не глянувши даже на ихъ печальноухмылявшіяся лица, презрительно качнулъ косичкой и бородой, и молча пошелъ подбирать дрохвъ: семь штукъ лежало по травѣ, восьмая раненая далеко бѣжала по полю. Онъ поручилъ мнѣ стеречь убитыхъ, самъ добѣжалъ до лошади, сѣлъ на нее, подобралъ фалды своего подрясника и пустился въ скачъ на кобылкѣ за дрохвой. Черезъ полчаса онъ и ее притащилъ верхомъ. Промышленники постояли, поглядѣли и пошли далѣе, отмѣривать новыя версты по знойной, сверкающей степи. — «А гдѣ намъ на стрепетовъ еще поохотиться?» крикнулъ имъ

вслѣдъ неугомонный пономарь. — «Вонъ въ тѣхъ вершинкахъ найдете!» великодушно отвѣтили незнакомцы, оборачивая издали истомленные лица. Мы двинулись далѣе. Черезъ полчаса степь за клубилась. По ней протянулись бѣлыя дымчатая полосы, будто потоки водъ хлынули и заструились бѣгучими лентами по полю. Вѣтру не было, но полосы клубились и заливали даль. Вотъ онѣ стали рости, изъ ихъ стеклянныхъ волнъ вытянулись такія же дымчатая верхушки—столбы, каланчи, деревья, стоги, цѣлое село, лѣсъ и овраги. А вотъ выдвинулся, колыхаясь, курганъ. На немъ стоитъ на одной ногѣ, поджавъ другую, журавль, и, закинувши голову подъ крыло, спитъ въ знойной и сверкающей синевѣ воздуха. Это «марево» — нашъ степной миражъ, поэтическая фатаморгана, порождающая столько толковъ въ нашемъ простонародьѣ.

Мы заглядѣлись и незамѣтно пріѣхали на хуторъ, Золочевскую-заимку.—Хозяйка пономаря, опять въ чепчикѣ, но съ засученными рукавами и по локти въ тѣстѣ, встрѣтила насъ привѣтливо. Прохлада низенькихъ комнатъ, съ закрытыми ставнями, обхватила насъ и уврачевала, съ приправой добраго полудника, всѣ хлопоты этого перваго счастливаго дня. На другой день мы снова двинулись въ походъ, а хозяйка Ивана Андреевича повезла дичь на особой телѣжкѣ въ городъ на базаръ, оставя мнѣ законную долю, которую я тотчасъ же послалъ къ

сосѣдной барынѣ въ презентъ. О дрохвахъ кончу тѣмъ, что мясо ихъ необыкновенно вкусно, если намочить его дня на два въ уксусѣ, и очень похоже на мясо дикихъ оленей. Онѣ иногда зимуютъ въ степяхъ не улетая въ «Вирій» особенно, если зимы теплы и малоснѣжны. Тогда бываютъ потѣшныя исторіи. Выпадающій ночью снѣгъ запорошитъ перья спящихъ кучами въ сухихъ бурьянахъ дрохвъ; ночью же ударитъ оттепель, а къ утру морозъ—крылья оледенѣютъ, дровхы летѣть не могутъ. И мнѣ самому въ дѣтствѣ случалось видѣть, какъ мальчишки на зарѣ загоняли въ барскій дворъ дрохвъ, головъ по двадцати и болѣе, прямо палочкой, какъ овецъ.

Такъ мы проохотились, имѣя перевалы на Золочевскомъ хуторѣ или заимкѣ, недѣли полторы, ловя по вечерамъ удочкой рыбу, а днемъ отыскивая дрохвъ и стрепетовъ. Какъ-то выбрался день, и мы отправились еще съ дудочками и сѣтками на перепеловъ. Товарищъ мой увѣрялъ меня, что за Бритаемъ, въ просахъ и по столѣтней цѣлинѣ, ихъ не оберешься. Мы запаслись сѣткымъ, остались полегче, чуть не въ однихъ рубахахъ, и пошли. Выйдя въ степь, ударишь въ дудочку, на голось самки, раззадоришь двухъ-трехъ бойкихъ и голосистыхъ самцовъ, сѣть раскидывается по травѣ, самъ ложишься близъ сѣти, со стороны противоположной перепелу, продолжаешь манить его и онъ подходитъ къ самому вашему носу, надеждаешь отъ щеголеватыхъ ва-

вѣвканій и крупнаго звонкаго щелканья на множество ладовъ. Вы спугнули его, и онъ уже въ сѣткѣ. Мы ловили съ утра до вечера. Множество крикуновъ уже сидѣло въ холстяной запасной клѣткѣ, толкаясь озадаченными головками о ея стѣнки. Поздно вечеромъ, уже передъ захожденіемъ солнца, случилось странное дѣло...

— Что это значить, Иванъ Андреевичъ, вы сюрююкаете уже сотый разъ, а перепелъ не идетъ въ сѣть и отзывается все съ разныхъ сторонъ? Сказать бы, что онъ высматриваетъ засаду и перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто? Такъ нѣтъ же; такіе ходы ему не подь силу, и ему такъ скоро не перелетѣтъ; а онъ бѣгаетъ и не видно, чтобы леталъ...

Пономарь тревожно погладилъ бороду и вздохнулъ.

— Что вы?

Онъ тихо погрозилъ миѣ пальцемъ, чтобъ я молчалъ, и сказалъ шопотомъ:

— Эхъ, молчите! То отроковица или можетъ и самъ зеленчүкъ...

— Какъ отроковица? Что такое зеленчүкъ?

Въ это время, подь звукъ дудочки, съ мѣста, гдѣ мы ожидали отклика перепела, раздался какой-то пискъ. Въ сыромъ и тихомъ, благоуханномъ воздухѣ вечера и въ густой травѣ, гдѣ мы лежали, толкая носомъ кудрявые былинки цвѣтовъ, намъ этотъ таинственный пискъ подралъ морозомъ по спинѣ. Темило болѣе и болѣе...

— Нѣтъ, Александръ Сергѣевичъ! Не будетъ толку изъ этого перепела! То не перепелъ, когда уже такъ... Не будетъ толку... Пойдемте! *Оно* не такъ кричитъ...

И онъ сталъ торопливо снимать сѣтъ; снялъ и зашагалъ по росѣ такъ, что я едва его догонялъ...

— Что же это такое, о чемъ вы сказали, отроковица и зеленчукъ? спросилъ я, молча пройдя съ нимъ въ сумеркахъ порядочное пространство.

— Отроковица, это одна перепелочка такая, про которую говорятъ, что была она прежде поселянкой... Ну, поселянкой... ну, ваше высокоблагородіе, одинъ помѣщикъ, понимаете... приударилъ за нею, за перепелочкой-то... за поселяночкой-то... ну, и загубилъ ее, коршуннице! Какъ загубилъ? Значить, только отдала она съ горя Богу душеньку; ну, и пошелъ онъ, коршуннице, за перепелами-то, любилъ ходить! Пошелъ, а она, ея душенька-то, и стала его лякать; перепеломъ прилетѣла — кричить, манить, путаетъ его, и завела въ трущобу; тамъ черти его и доломали! Съ той поры такой перепелъ и живетъ промежъ людьми, и пугаетъ всѣхъ до смерти! Его не поймашь, особенно, ваше высокоблагородіе, коли кто изъ вашей братіи, извините, на него наскочить... Бѣды бывають!

— Ну, а зеленчукъ?

— Зеленчукъ такая штучка, родъ травки, волосатенькая и вся зеленая; не то грибокъ, не корневатая, клубчатая былинка, и летаетъ. Это тоже, что житнички, до-

мовые, что живутъ по житамъ, величиной съ воробчика, и ползаютъ какъ кузнечики, по былинкамъ. Тѣхъ мавками зовутъ, а этихъ зеленчуками—эти мохнатѣе, и кричатъ всякими голосами. Любятъ подшутить. Разъ и со мною было. Манилъ я его, манилъ дудочкой подъ сѣть, еще съ отцомъ Павладіемъ покойникомъ ходилъ по перепела. Онъ и зашелъ уже подъ сѣть. Я къ нему, а оно, волохатое, сидитъ и глядитъ на меня, какъ лягушка; да и говоритъ: «А что, братъ? Поймалъ? Ку-ку! Ку-ку!» — Да какъ прыгнетъ, точно вихорь; и унесло съ собою всю сѣть — какъ вѣтромъ задуло; понесло по полю и по ярамъ. И кусочковъ послѣ не нашель...

Я глянулъ: товарищъ мой былъ блѣденъ, какъ полотно. На другой день мы отправились снова на дрохвъ. Завидѣвши стадо, распрягли и пустили лошадь по травѣ, близь повозки. Но оводы и мошка прищпорили ее, она замотала гривой и, какъ бѣшеная, кинулась въ скачъ, куда глаза глядятъ. Проводивши ее взорами, мы также покачали головами, сложили багажъ на повозку, оставили ее на волю судебъ и подъ охрану отроковиць и зеленчуковъ, и пошли съ ружьями, сами не зная, куда и по какой дичи, какъ ходятъ истинные охотники.

Товарищъ мой шелъ по прежнему, безъ усталы. Я томился отъ зноя и давно поглядывалъ по сторонамъ, выбирая долинку или кусты, гдѣ бы спрятаться и отвести духъ въ тѣни. Но ничего подобнаго не было.

Степь тянулась безъ конца. Всакивали пзъ-подъ нашихъ ногъ куропатки; раза два сгоняли куликовъ. Но я ничего не видѣлъ отъ зноя. Товарищъ мой съ своей стороны не стрѣлялъ отъ скупости, по привычкѣ старыхъ охотниковъ, положивши себѣ цѣлью непременно стрѣлять въ тотъ день только по дрохвамъ. Но дрохвъ не было... Я готовъ былъ упасть отъ тоски и духоты. Судьба сжалилась надо мною. Вдали мелькнуло отрощье степной балки — лѣсистаго, чуднаго байрака...

Эти балки и байраки въ степяхъ любопытная вещь!

Происхожденіе ихъ довольно загадочно. Степь неисходная во все концы, а среди гладкой, безлѣсной пустыни — ярѣкъ, длинный пологоватый оврагъ, и этотъ оврагъ полонъ деревьевъ и кустовъ. Точно въ смятеніи потопа, устремились сюда изъ общей засухи, изъ мертвенно-гладкаго поля, тысячи спасающихся животныхъ. И бѣлокорая березка, и дубнякъ, и клены, все здѣсь есть. Откуда же это? Кто сѣялъ эти байраки? Откуда взялись лѣсныя сѣмена, когда кругомъ на десятки верстъ нѣтъ ни былинки? Есть два объясненія: или сѣмена сносило сюда по временамъ потоками осѣдавшихъ водъ до-историческаго моря, дномъ котораго, говорятъ ученые, были наши степи; или въ эти прохладные лѣги, всегда обильные ключами, бьющими изъ ихъ крутыхъ реберъ, сѣмена заносились случайно птицами и подъ влияніемъ счастливыхъ обстоятельствъ, которыхъ нѣтъ

въ остальной окрестности, давали густыя рощи. Такіе байраки — завѣтное мѣсто украинскихъ пасѣкъ. Здѣсь пчель укрываютъ отъ зноя. Отсюда онѣ берутъ кругомъ неслыханный взятокъ съ цвѣтовъ дѣвственныхъ полей, но только въ дожди. Въ засуху степь — даже безъ травъ. Не встрѣчая кругомъ ни кустика, вереть на пятьдесятъ иной разъ, сюда стремится весной тысячными стаями перелетная птица. Остаются здѣсь вить гнѣзда и лѣтовать обычные ихъ обитатели: кукушка, дроздъ, горлинка, сорока, мелкія очеретянки, сойка, куропатка и очень часто утки, особенно, если въ байракѣ есть ключи.

— Чей это байракъ, Иванъ Андревичъ?

— Колчигинскій, прозывается британскимъ...

— Чуть не британскій; громкое имя! подумалъ я.

И это уже были послѣднія мысли. Я упалъ почти безъ дыханія и памяти, подъ вѣтви коренастаго дубка, окунувшись въ травы, и долго-долго не могъ раскрыть глазъ отъ усталости. Что-то жужало, и звенѣло, и пѣло вокругъ меня... Прохлада неслабь снизу. Мы улеглись подъ крутизной, въ первомъ сумракѣ кустовъ. Кукушка кричала надъ самой головой. Въ сторонѣ стонали горлинки. Шлепая въ мокрой осоцѣ, на днѣ оврага, перелетѣла и снова сѣла внизу, гдѣ-то, очевидно утка. Оттуда, гдѣ она сѣла, несло кверху шопотливое шуршуканье струекъ ключа. Мы затихли и долго-долго не подавали другъ другу голоса. Ка-

кая-то муха, востроносая, чуть не въ пол-вершка величиной, и съ черными въ пурпурныхъ пятнахъ крыльями, качаясь, сидѣла у самаго носа моего, на вѣточкѣ кудрявой травы. Желтый, съ огненными и черными подпалинами хорь, бичь сусликовъ, длинный и извивистый, вышелъ изъ норки, пробираясь вѣроятно къ родникамъ внизъ оврага, прыгнулъ шаловливо раза два впередъ, назадъ, сгорбилъ дргой свою мягкую длинную спинку, погрызъ какой-то стебелекъ, и пошелъ опять далѣе, рѣзвыми прыжками, блестя парой бѣлыхъ переднихъ зубовъ и мелькая въ травѣ, какъ мячъ. А вотъ и куропатки курныкаютъ, какъ цыплята, и рядкомъ, вереницей пробираются изъ густой травы къ кустамъ, въ пяти шагахъ отъ насъ. Вотъ одна явилась и толчется на мѣстѣ, и разгребаетъ лапками землю, также суетливо и попусту, какъ и наши глухія простоватыя куры, подчасъ; за нею, изъ сѣти травъ, просовывается гладенькій носикъ другой...

— Стрѣлять ли, Иванъ Андреевичъ? Видите?

— Еще бы! Нѣтъ уже лучше, пусть идутъ! А это?...

И онъ указалъ въ небо. Сквозь сѣтчатую листву слышались серебряные звуки. Огромная стая журавлей, треугольникомъ, неслась, чуть видная подъ облаками, мѣрно махая крыльями и будто плывя надъ нами.

Августъ, 1859 г. Катериновка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть II.

	Стр.
Дѣдушкинъ домикъ.....	1
Село Сорокопановка	23
Пенсильванцы и Каролинцы.....	78
Екатерина Великая на Дявпрѣ.....	129
Пасъчники	161
Вечеръ въ черешняхъ.....	203
Мелкопомѣстныя сосѣдки	217
Письма объ украинской охотѣ.....	241

2007052578